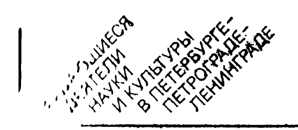
ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В ПЕТЕРБУРГЕ-ПЕТРОГРАДЕ-ЛЕНИНГРАДЕ

Н. Д. Кочеткова

ФОНВИЗИН в Петербурге

ЛЕНИЗДАТ 1984

Н. Д. Кочеткова

ФОНВИЗИН
в Петербурге

ЛЕНИЗДАТ
1984

83.3Р1
К75

Рецензенты —

кандидат филологических наук
Р. В. ИЕЗУИТОВА
и кандидат филологических наук
В. А. ЗАПАДОВ

К $\frac{4603000000-205}{М171(03)-84}$ 151—84

Волшебный край! Там в стары годы,
Сатиры смелой властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы.

Знакомые с детства пушкинские строки до сих пор остаются одной из наиболее точных и емких характеристик Фонвизина. Без этого имени невозможно представить себе историю русского театра, русской литературы, русской свободной мысли.

Денис Иванович Фонвизин (1745—1792) — автор бессмертного «Недоросля», замечательных сатирических стихов, смелых публицистических произведений. «Сын XVIII века, умный и образованный, Фонвизин умел смеяться вместе и весело, и ядовито», — писал о драматурге В. Г. Белинский.

Каждое новое поколение по-своему читает произведения Фонвизина. Они вызывают живой интерес у всех, кому дорога отечественная культура, потому что ее прошлое неразрывно связано с ее настоящим и будущим. «Недоросль» вошел в репертуар русской классики, к нему постоянно обращаются и будут обращаться советские театры. Сочинения Фонвизина печатаются массовыми тиражами: эти книги нужны современному читателю. Творчество драматурга, с которым мы начинаем знакомиться со школьных лет, — неотъемлемая часть нашего духовного достояния.

Чтобы лучше понять сатиру Фонвизина, непосредственного предшественника Н. В. Гоголя, с его «смехом сквозь слезы», необходимо близко познакомиться с эпохой писателя, с обстоятельствами его творчества, с людьми, окружавшими его.

Большая часть жизни Фонвизина прошла в Петербурге. Здесь написаны самые значительные его произведения, здесь состоялась премьера «Недоросля». В городе на Неве он встречался с Новиковым, Дмитревским, Державиным и другими замечательными современниками. В Ленинграде немало памятных мест, связанных с именем великого драматурга.

ВСТРЕЧА С ПЕТЕРБУРГОМ

Незабываемым отроческим впечатлением на всю жизнь осталась для Фонвизина первая поездка в Петербург. Это было зимой 1759/60 года.

Немногим более половины столетия прошло со времени основания Петербурга. Не было еще памятника Петру I — Медного всадника, знакомых нам зданий Зимнего дворца, Исаакиевского собора и многих других сооружений, без которых сейчас трудно представить облик города на Неве. Высился золотой шпиль Адмиралтейства, но само здание было еще далеко не таким, каким оно стало после перестройки А. Д. Захарова. И все-таки Петербург конца 1750-х годов поражал своей красотой даже бывалых путешественников. «Великолепные здания, широкие улицы, золоченые колокольни и кровли многих дворцов представляют картину, достойную восхищения», — писал французский дипломат де ла Мессельер, прибывший в русскую столицу в 1757 году.

Парадная сторона столичного быта не могла, однако, заслонить от зоркого и умного наблюдателя и многое другое. Петербург жил своей будничной жизнью, рос и строился. Поток новоприбывших, в первую очередь рекрутов, увеличивался, а жилья все не хватало. В 1759 году вышел особый указ, предусматривавший

переселение солдат из сырых подвальных помещений в более пригодные для жилья. Владельцы домов неохотно выполняли «постойную повинность», и правительство пошло на уступки: разрешило богатому купечеству приобретать участки на Васильевском острове, принадлежавшие дворянам. Предприимчивые купцы воспользовались этим указом и принялись за строительство каменных и деревянных домов.

Люди из городских низов — солдаты и мастеровые, попавшие в сырой холодный Петербург не по своей воле, были доведены изнурительной работой и нищетой до отчаяния.

В темные зимние вечера прогуливаться по плохо освещенным улицам столицы было небезопасно: случались грабежи и бесчинства. Сенатский указ от 20 декабря 1759 года повелевал «хватать и брать в полицию ездивших в пошевнях, более трех лиц вместе» в ночное время: «особенно таких, которые песни петь и непристойный свист будут делать». Для предотвращения беспорядков в рождественские праздники 1759 года на улицах Петербурга даже расставили пикеты.

Встречались и ловкие шарлатаны, умевшие выманивать деньги у состоятельных горожан. В «Санкт-Петербургских ведомостях» за 22 февраля 1760 года было помещено довольно красноречивое объявление: «От Медицинской канцелярии сим объявляется, что помянутая канцелярия шатающемуся здесь в Санкт-Петербурге башмачнику, который от всяких болезней людей лечит, сказывая, якобы ему от оной канцелярии на то позволение дано, и лекарства по требованию его из аптек отпускаются, больных лечить не позволяла и его не знает, и для того бы всяк остерегался здравие свое поручать такому человеку».

«Санкт-Петербургские ведомости» фиксировали лишь отдельные факты, позволяющие нам представить быт Петербурга 50—60-х годов XVIII века. Тем ценнее

каждая деталь, каждый штрих: ведь таким впервые увидел город четырнадцатилетний Денис Фонвизин.

Семья Фонвизиных жила в Москве. В XVIII веке эту фамилию писали: фон-Визины или просто Визины. Один из далеких предков писателя был немецкого происхождения — отсюда и частица «фон». Но потомки рыцаря-меченосца, попавшие в Россию при Иване Грозном, совершенно обрусели, частица стала терять свое самостоятельное значение и слилась с фамилией. Пушкин решительно ратовал за написание «Фонвизин», считая автора «Недоросля» «из перерусских русским». В 1892 году Санкт-Петербургская городская дума сделала специальный запрос о написании фамилии Фонвизина, на что Академия наук ответила: «...вопрос относительно способа написания имени Фонвизин давно решен», то есть признавалось единственно правильным современное слитное написание.

Отец Фонвизина Иван Андреевич начал службу в петровское время: обучался морскому делу и исполнял «многотрудные матросские должности». Честно и добросовестно служил он девять лет во флоте, потом в сухопутных войсках, затем перешел в штатскую службу — в ведомство Ревизион-коллегии. Это был человек образованный: «читал он все русские книги (то есть на русском языке. — *Н. К.*), из коих любил отменно древнюю и римскую историю, мнения Цицероновы и прочие хорошие переводы нравоучительных книг». Желание Ивана Андреевича дать детям образование могло встретить только поддержку со стороны жены, Екатерины Васильевны (урожденной Дмитриевой-Мамоновой): она «имела разум тонкий и душевными очами видела далеко». В этой семье существовали сердечные отношения между всеми ее членами от мала до велика (у Фонвизиных было восемь детей — четыре сына и четыре дочери). Особенно прочная и нежная дружба связывала будущего драматурга с се-

строй Федосьей Ивановной, которая была старше его на год.

В 1755 году по инициативе Ломоносова в Москве основан первый русский университет и одновременно при нем гимназия, собственно, две гимназии: одна — для разночинцев, другая — для дворян. В дворянскую гимназию и отдали учиться Фонвизины своих сыновей — Дениса и Павла.

Занятия особенно не обременяли братьев. Успехи их из года в год отмечались на торжественных актах университета. Изучая немецкий и латинский языки, Денис Фонвизин делал прекрасные переводы, рано обнаружившие его литературные способности. Кроме того, как вспоминали современники, с детских лет «оказалось в нем стихотворческое дарование, а особливо в сатирическом роде, почему, еще будучи в университете, прослыл он великим критиком». Несколько лет подряд Денис Фонвизин получал золотую медаль на годовых актах и наконец самую замечательную награду — поездку в Петербург.

Эту поездку зимой 1759/60 года предпринял директор университета Иван Иванович Мелиссино для представления куратору университета И. И. Шувалову нескольких «избранных учеников», в число которых попали четырнадцатилетний Денис и тринадцатилетний Павел Фонвизины. Из Москвы они отправились в середине декабря 1759 года. Мелиссино ехал вместе с женой, и ее заботливое, теплое отношение к воспитанникам скрасило трудности первого в их жизни путешествия из Москвы в Петербург, длившегося несколько дней. Московские гости оставались в столице достаточно долго: Фонвизин вспоминал, как, несмотря на обилие впечатлений, он соскучился по родным и с какой радостью получал от них письма. Следовательно, пребывание в Петербурге продолжалось несколько недель, и вполне возможно, что не один месяц.

Братья Фонвизины остановились в Петербурге в доме своего родного дядюшки, человека доброго и кроткого, который, по словам его племянника, «во всю жизнь свою с намерением никого не только делом, ниже словом не обидел». Со стороны отца у Дениса Фонвизина был дядя Василий Андреевич Фонвизин, со стороны матери — Алексей Васильевич и Матвей Васильевич Дмитриевы-Мамоновы. Судя по позднейшей переписке, наиболее близкие отношения Фонвизины поддерживали с семьей Матвея Васильевича Дмитриева-Мамонова. Он служил в придворном ведомстве, впоследствии стал сенатором и президентом Вотчинной коллегии. Его сын, Александр Матвеевич (1758—1803), в 1780-е годы стал фаворитом Екатерины II, которая пожаловала ему крупные чины и графское достоинство. На плане Петербурга 1790-х годов в Литейной части значится большой участок генерал-поручика графа Мамонова, находившийся на углу Невского проспекта и Знаменской улицы (ныне улица Восстания; участок современного дома № 116 по Невскому проспекту). По всей вероятности, это было одним из приобретений Александра Матвеевича Дмитриева-Мамонова, двоюродного брата Фонвизина. В начале 1760-х годов Дмитриевы-Мамоновы едва ли жили именно здесь. Но других сведений о петербургском доме Матвея Васильевича Дмитриева-Мамонова пока обнаружить не удалось.

Не исключено, впрочем, что братья Фонвизины, приехав в Петербург, остановились у другого дяди — Алексея Васильевича Дмитриева-Мамонова, капитана-командира морского флота. А. В. Дмитриев-Мамонов, как и отец Фонвизина, начал морскую службу при Петре, был в Голландии, в Дании. В 1730—1740-х годах служил на многих судах в качестве командира корабля, а с 1747 года получил назначение «капитаном над Кронштадтским портом». Поэтому вполне вероят-

по, что Алексей Васильевич имел в Петербурге свой дом и что братья Фонвизины именно у него остановились во время первой поездки в Петербург.

Учеников университетской гимназии ожидало торжественное представление графу И. И. Шувалову. При дворе Елизаветы Петровны Шувалов, ее фаворит, был одним из самых влиятельных лиц. В отличие от многих других вельмож, невежественных и высокомерных, Шувалов покровительствовал ученым и людям искусства. Он помог Ломоносову во многих его начинаниях, и в том числе в основании Московского университета. По ходатайству Шувалова в 1757 году в Петербурге учредили Академию художеств. В «Надписи к портрету Ивана Ивановича Шувалова» (1797) поэт И. И. Дмитриев так характеризовал этого мецената:

С цветущей младости до сребряных власов
Шувалов бедным был полезен;
Таланту каждому покров,
Почтен, доступен и любезен.

Шувалов отличался привлекательной внешностью: он был высокого роста, имел красивые черты лица.

Фонвизин рассказывал: «Сей добродетельный муж... принял нас весьма милостиво и, взяв меня за руку, подвел к человеку, которого вид обратил на себя почтительное мое внимание. То был бессмертный Ломоносов! Он спросил меня, чему я учился. «По-латыни»,— отвечал я. Тут начал он говорить о пользе латинского языка с великим, правду сказать, красноречием».

Произошла поистине историческая встреча — их имена в течение всех позднейших веков будут где-то в одном ряду: Ломоносов и Фонвизин — это основные вехи развития русской литературы, русской культуры. А может показаться, что по времени они так далеко отстоят друг от друга.

...Фонвизин впервые шагал по улицам того города,

в котором жил и творил Ломоносов. Подросток мог видеть здание Академии наук, где так часто бывал Ломоносов, здание Академии художеств, где находилась академическая книжная лавка. Как раз в это время среди прочих книг здесь продавался «Сочинений господина советника Ломоносова первый том». В то время Академия художеств, как и сейчас, находилась на Васильевском острове. В 1764—1786 годах на месте домов, где она располагалась, построили здание по проекту А. Ф. Кокоринова и Ж.-Б. Валлен-Деламота (Университетская набережная, 17).

Где же состоялась знаменательная встреча Ломоносова и Фонвизина? У Шувалова в Петербурге было несколько домов. В основном он жил и устраивал многолюдные приемы в доме, «стоящем против Гостиного двора».

Шуваловская усадьба занимала большой участок между нынешней улицей Ракова, Невским проспектом и Малой Садовой улицей. На этом участке находилось несколько зданий, и одно из них в перестроенном виде сохранилось до наших дней — это Дом санитарного просвещения (улица Ракова, 25). По Невскому усадьба Шувалова занимала участок современных домов № 52—54. При Шувалове главный корпус дворца был двухэтажный, с длинной анфиладой комнат, богато украшенных портретами и пейзажами. Главный зал выходил окнами на Невский; угловая гостиная была просторная и светлая, с семью окнами; из гостиной боковой выход вел в кабинет хозяина, а вдоль Малой Садовой улицы шла длинная галерея с библиотекой, далее находилась домовая церковь. Праздники в доме Шувалова проходили с большой пышностью, и на одном из его маскарадов участвовало до 1500 гостей.

Позднее, в 1770-е годы, ту часть здания, которая выходила на улицу Ракова, значительно перестроил новый владелец — генерал-прокурор А. А. Вяземский.

В одном из флигелей здесь разместились некоторые службы Секретной экспедиции.

У Шувалова в его великолепном доме бывали крупнейшие писатели: Ломоносов, Сумароков, а позднее Державин, Костров, Богданович и многие другие. Встречи с ними происходили, как правило, в угловой гостиной. Здесь же, вероятно, состоялся и прием университетских питомцев во главе с их директором И. И. Мелиссино. Ученики читали Шувалову приветственные ре[illegible]стихи; куратор награждал выступавших подарка[illegible]

С убранством роскошного дома Шувалова мог соперничать, пожалуй, только императорский дворец.

Императрица Елизавета любила пышность, богатые и яркие наряды. Одно из ее распоряжений предписывало не показываться при дворе в темноцветных платьях, и петербургская знать очень охотно усвоила обычай одеваться нарядно и ярко. Елизавета не жалела средств на убранство своих апартаментов. Именно при ней, в 1750-е годы, развернулось грандиозное строительство каменного Зимнего дворца по проекту архитектора Ф.-Б. Растрелли. В то время, когда воспитанники Московского университета гостили в Петербурге, строительные работы шли еще полным ходом.

Императрица между тем жила в деревянном Зимнем дворце, построенном для нее в 1755 году на Невском проспекте, у Зеленого (позднее Полицейского, ныне Народного) моста. Дворец состоял из нескольких зданий, располагавшихся между Большой Морской (ныне улица Герцена), Невским, Мойкой и Кирпичным переулком (то есть участок по Невскому проспекту, ныне занимаемый домами № 11, 13 и 15). В этом дворце и побывал Фонвизин во время своего первого приезда в Петербург.

Один из иностранцев, посетивших Петербург, писал, что этот царский дворец имел вид огромной деревян-

ной клетки: «он был весь сквозной, так что ни войти в него, ни выйти из него нельзя было иначе, как чтобы все видели». Обращал на себя внимание и большой балкон в виде террасы. В 1757 году к основному корпусу пристроили здание для придворного театра.

Великолепие дворца поразило воображение четырнадцатилетнего мальчика, впервые попавшего в Петербург. «Везде сияющее золото, собрание людей в голубых и красных лентах, множество дам прекрасных, наконец, огромная музыка — все сие по[illegible]ло зрение и слух мой», — писал Фонвизин спустя [illegible]о лет. А вот впечатления де ла Мессельера, отчасти совпадающие с воспоминаниями Фонвизина: «Красота и богатство апартаментов невольно поразили нас. <...> Дамы почти все красавицы в богатейших костюмах, осыпанных бриллиантами. <...> Все шторы были разом спущены, и дневной свет внезапно был заменен блеском 1200 свечей, которые отражались со всех сторон в многочисленных зеркалах. <...> Загремел оркестр, состоявший из восьмидесяти музыкантов». Придворный «бриллиантщик» Е. Позье, много раз бывавший в этом дворце, упоминает о деревянной резьбе и позолоте, украшавших большой парадный зал, об удачном расположении зеркал: против двенадцати больших окон такое же количество зеркал, «из самых огромных, каких можно иметь». «Общий эффект самый роскошный и величественный», — заключает описание Позье.

Но самое яркое и значительное впечатление произвел на Фонвизина не дворец.

Встреча Фонвизина с Петербургом стала одновременно и его встречей с театром. «Ничто в Петербурге так меня не восхищало, как театр, который я увидел в первый раз от роду», — писал Фонвизин.

Студенты Московского университета разыгрывали спектакли. Фонвизин присутствовал на них, а порой и

принимал участие в постановках. Однако в Петербурге он впервые побывал в настоящем профессиональном театре. Слово, звучавшее со сцены, впервые нашло в нем живой отклик, впервые волшебная сила театрального искусства его очаровала и пленила с тех пор навсегда: «Действия, произведенного во мне театром, почти описать невозможно: комедию, виденную мною, довольно глупую, считал я произведением величайшего разума, а актеров — великими людьми, коих знакомство, думал я, составило бы мое благополучие. Я с ума было сошел от радости, узнав, что сии комедианты вхожи в дом дядюшки моего».

Упоминаемая Фонвизиным комедия — пьеса датского драматурга Л. Гольберга «Генрих и Пернилла», переведенная на русский язык Андреем Нартовым. Известно, что эту пьесу поставили «на придворном российском театре» в 1760 году. Значит, Фонвизин попал если не на премьеру, то, во всяком случае, на одно из самых первых представлений этой комедии. Писатель упоминает лишь одного из актеров, принимавших участие в спектакле: «Тут видел я Шумского, который шутками своими так меня смешил, что я, потеряв благопристойность, хохотал изо всей силы».

Постоянно действующий публичный русский театр был открыт 30 августа 1756 года. Это знаменательное в истории нашей культуры событие связано с именем выдающегося актера — Федора Григорьевича Волкова. Сын купца, Волков с юных лет «прилежал к познанию наук и художеств». В Ярославле он возглавил театральную труппу, которая скоро стала известна и в Петербурге. В 1752 году по распоряжению императрицы Елизаветы Петровны эти актеры прибыли в Петербург. Наиболее талантливые из них получили возможность остаться в столице и учиться в Шляхетном кадетском корпусе, совершенствуя свое мастерство. Среди ярославцев были Волков, Дмитревский и Шум-

ский — актеры, составившие вскоре основное ядро постоянной труппы столичного театра. Его директором стал Александр Петрович Сумароков, писатель, драматург, главный создатель отечественного репертуара для русской сцены.

Творчество Сумарокова очень разнообразно: он писал трагедии и комедии, оды и басни, любовные песни и сатиры. В 1759 году он издавал в Петербурге журнал «Трудолюбивая пчела» — первый частный журнал в России. Здесь печатались стихи, прозаические статьи и переводы самого Сумарокова и не очень многочисленных его корреспондентов. Театр, однако, неизменно оставался главным делом Сумарокова. С большим трудом ему приходилось добывать средства для приобретения костюмов актерам, для выплаты жалованья и обеспечения театра необходимым реквизитом. В некоторых письмах Сумарокова к меценату И. И. Шувалову прорывалось неподдельное отчаяние: «Я сижу, не имея платья актерам, будто бы театра не было». Незадолго до приезда Фонвизина в Петербург, 15 ноября 1759 года, сорокадвухлетний директор театра обращался с очередным прошением к Шувалову: «Я не только не могу воспитати детей своих, но при нынешней несносной дороговизне и, вместо домостроения, во словесных науках и в трудах театральных упражняяся, вседневные претерпеваю нужды и никогда в надлежащее время еще и положенного своего жалованья не получаю и, вместо другой работы на оставшие вещи, закладывая их и платя великие росты лихоимцам, сыскиваю себе пищу и многими хлопотами выхаживаю определенное мне жалованье». Письмо красноречиво свидетельствовало о плачевном положении самого директора театра.

Многие дворяне относились с некоторым презрением к актерам, знакомство с ними представлялось чем-то зазорным. К чести Сумарокова можно сказать, что он много сделал для упрочения общественного по-

ложения актеров. Так, например, «для поощрения актеров и поселения в них благородного самолюбия» он добился, чтобы они имели «отличие, принадлежавшее дотоле одному дворянству, — носить шпаги». Особенно предвзятое отношение было к актрисам, и лишь немногие женщины решались играть в театре. То и дело оказывалось, что женские роли некому поручить: актрис не хватало, несмотря на неоднократные приглашения, публиковавшиеся в «Санкт-Петербургских ведомостях». «Знающие грамоте девицы, желающие определиться в службу ее императорского величества при придворном театре, — сообщала газета в июле 1761 года, — явиться могут на Васильевском острову, в первой линии, в доме подполковницы госпожи Макаровой, у первого придворного российского театра актера Федора Волкова».

Этого знаменитого «первого актера» четырнадцатилетнему Фонвизину посчастливилось увидеть в доме своего дядюшки; в обстановке совершенно неофициальной, в дружеском кругу, где так свободно проявлялось личное обаяние Волкова. Впечатления от этой встречи, а возможно, и нескольких встреч помогли Фонвизину впоследствии дать краткую, но очень точную и емкую характеристику Федору Григорьевичу Волкову: «Муж глубокого разума, наполненного достоинствами, который имел большие знания и мог бы быть человеком государственным».

Для любимого дела Волков не щадил сил, энергии, самой жизни. Он умер в 1763 году, тридцати четырех лет, простудившись во время театрализованного маскарада «Торжествующая Минерва», устроенного на улицах Москвы в холодные зимние дни. Разносторонне одаренный, живой и темпераментный актер, талантливый режиссер и организатор, Волков не был забыт ни современниками, ни потомками.

Известный писатель и книгоиздатель Н. И. Новиков писал о Волкове: «Сей муж был великого, обымчивого

(способного к широкому восприятию. — *Н. К.*) и проницательного разума, основательного и здравого суждения и редких дарований, украшенных многим учением и прилежным чтением наилучших книг. Театральное искусство знал он в вышней степени; при сем был изрядный стихотворец, хороший живописец, довольно искусный музыкант на многих инструментах, посредственный скульптор и, одним словом, человек многих знаний в довольном степене». Новиков пишет о Волкове, как о человеке, хорошо ему знакомом и даже близком: «С первого взгляда казался несколько суров и угрюм; но сие исчезало, когда находился он с хорошими своими приятелями, с которыми умел он обходиться и услаждать беседу разумными и острыми шутками. Жития был трезвого и строгой добродетели; друзей имел немногих, но наилучших, и сам был друг совершенный, великодушный, бескорыстный и любящий вспомоществовать». Описывая внешность Волкова, современники упоминали о его «быстрых, карих глазах», о «темно-русых волосах в локонах», о «чистом гармоническом» голосе. «Несмотря на средний рост и некоторую полноту, — писал о Волкове П. И. Сумароков, племянник драматурга, — заключал он в себе много величественного и благородного; лицо его было исполнено необыкновенной приятности и выразительности». Видевшие Волкова в разных спектаклях признавали, что он «с равною силою играл трагические и комические роли» и «характера был бешеного», то есть особенно удачно он играл роли, требовавшие большого темперамента.

Неудивительно, что встреча с Волковым осталась в памяти Фонвизина как одно из замечательных событий. Первое посещение театра запомнилось ему во всех подробностях.

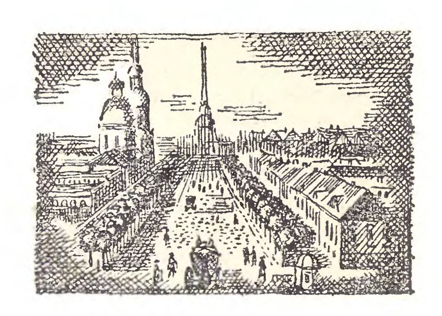
Фонвизина поразили и нравы театральной публики. Среди зрителей было немало щеголей, высокомерных и

тщеславных господ. Некоторые из них платили по триста рублей в год за свои ложи, приказывая обивать их по своему вкусу шелковыми материями и украшать зеркалами. Фонвизину пришлось столкнуться с неписаными законами света, предъявлявшего строгие требования к новичку. В театре он познакомился с сыном одного знатного господина. Как только тот узнал, что Фонвизин не говорит по-французски, его отношение к юноше мгновенно переменилось. «Он счел меня невеждою и худо воспитанным, начал надо мною шпынять», — вспоминал Фонвизин этот эпизод. Будущий писатель, однако, не растерялся и «загонял эпиграммами» — жестоко высмеял — спесивого барчонка.

Между тем, вернувшись в гимназию, Фонвизин взялся вскоре за изучение французского языка и успешно овладел им. Этот случай, при всей своей видимой незначительности, обнаруживает некоторые черты, присущие Фонвизину еще в отрочестве.

Впечатления от поездки, вплоть до мелочей, оставили глубокий след в сознании восприимчивого подростка, и именно во время этой первой встречи с Петербургом у Фонвизина созрел замысел связать свою жизнь с театром.

«ЧИСЛЯСЬ ПРИ ИНОСТРАННОЙ КОЛЛЕГИИ...»

Прошло немногим более трех лет со времени первой поездки Фонвизина в Петербург. После смерти Елизаветы в декабре 1761 года на русский престол вступил ее племянник Петр III, человек безвольный и духовно ограниченный. Сын дочери Петра I Анны и немецкого герцога, он вырос в Гольштейнском (Голштинском) герцогстве. Интересы России ему были глубоко чужды. Процарствовал он недолго: 28 июня 1762 года произошел государственный переворот, и русской императрицей стала жена Петра III Екатерина. Ее поддерживали гвардейские полки, недовольные внешней политикой Петра III, и либерально настроенные дворяне, надеявшиеся осуществить ряд реформ, ограничивающих монархическую власть. Среди приверженцев Екатерины II были, разумеется, и такие, кого привлекала прежде всего возможность выдвинуться, получить личные выгоды. С первых же дней после переворота началась сложная политическая борьба между разными группировками. Вместе с большой свитой Екатерина II отправилась в Москву для коронации, которая произошла 22 сентября 1762 года. Пышные торжества по этому поводу продолжались несколько месяцев. Раздавались награды и чины, на видные государственные посты назначались новые лица.

С живым интересом следил за всеми событиями Денис Фонвизин, переведенный уже к этому времени из гимназистов в студенты Московского университета. Воспользовавшись тем, что по случаю коронации в Москве находились все высшие чиновные лица, Фонвизин подал заявление в Иностранную коллегию. Вице-канцлер А. М. Голицын благосклонно принял просьбу хорошо зарекомендовавшего себя студента. 24 октября 1762 года в университет из коллегии направили официальную бумагу, в которой требовалось, чтобы Фонвизина «выключили из университетских студентов» и прислали на службу в Иностранную коллегию. Здесь же упоминалось, что Фонвизин изучил латинский, французский и немецкий языки, что он «в тех языках свидетельствован и найден в знании оных достаточным и к делам оной Коллегии способным».

Почти сразу после зачисления на службу, зимой 1762/63 года, Фонвизина послали за границу с дипломатическим поручением, которое он успешно выполнил и вернулся в Москву. В июне 1763 года императрица со своей свитой выехала из Москвы в Петербург. Сюда надлежало перебираться и служащим Иностранной коллегии.

Фонвизин прибыл в Петербург, видимо, в июле. Первое сохранившееся его письмо из Петербурга датировано 10 августа 1763 года. Оно адресовано его любимой сестре — Федосье Ивановне. В нем Фонвизин упоминает о ее письме, отосланном ему 4 августа, и свои «посыланные уже письма» к ней. Сестра предостерегала брата от увлечения придворной жизнью и светскими удовольствиями. «Я очень рад принимать от вас наставления, — писал Фонвизин в ответ, — зная, что они идут от такого человека, которого я люблю больше, как себя... Я не лгу, — продолжал он, — что здесь знакомства еще не сделал. С кадетским корпусом не очень обхожусь затем, что там большая часть

солдаты, а с академией затем, что там большая часть педанты; однако с последними я почти и никак не знаком; вот что меня оправдает». Фонвизин обещал сестре описывать все, что он видит в Петербурге, что делает и чувствует.

В летнюю пору Петербург был особенно красив. По широкой Неве плавно двигались парусные суда и лодки. С каждым годом их становилось больше — все оживленнее шла торговля. «Санкт-Петербургские ведомости» нередко объявляли, что привез тот или иной корабль и где он причалил. Так, в одном из объявлений за 1763 год сообщалось, что «прибывший недавно сюда корабль с живыми карпами пристал к берегу против Сухопутного шляхетного кадетского корпуса». Кадетский корпус размещался в Меншиковском дворце (Университетская набережная, 15) и окружавших его зданиях. Обширная территория корпуса простиралась вдоль набережной Невы и Кадетской (ныне Съездовской) линии Васильевского острова. В кадетском саду летом разрешалось гулять «всякого звания и достоинства людям, от шести до десяти часов пополудни, кроме крестьянства и одетых в гнусное платье».

Бывая в этой части города, Фонвизин мог видеть и сохранившееся до наших дней знаменитое здание Двенадцати коллегий (ныне Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова), и Кунсткамеру. Но гранитной набережной тогда еще не существовало. В 1760-е годы только начали одевать в гранит берега Невы около Зимнего дворца. К этому времени через Неву были сооружены два деревянных моста: Тучков и Сампсониевский. Жители столицы продолжали пользоваться в основном плашкоутными (наплавными) мостами, устроенными на стоящих друг за другом барках. Таким был и Исаакиевский мост, соединявший Адмиралтейскую часть с Васильевским островом. Через этот

мост шел путь Фонвизина из Иностранной коллегии к Академии наук, к Кадетскому корпусу.

Только три с половиной года прошло со времени первой встречи Фонвизина с Петербургом. Но даже за этот небольшой срок изменился облик города. Появились новые здания, прокладывались улицы, застраивались недавние окраины. С начала 1760-х годов развернулось строительство Гостиного двора на Невском проспекте. К весне 1762 года на крыше Зимнего дворца были установлены скульптуры из пудостского известняка — «лес белокаменных статуй». Внешнее убранство дворца стало еще богаче и великолепнее. Одновременно появлялись постройки и совсем иного рода. В 1762 году в разных частях Петербурга сооружались небольшие караульные здания — кордегардии — «для сохранения порядка в городе».

Повседневные служебные занятия поглощали у Фонвизина немало времени. В сентябре Денис Иванович писал родителям о своей петербургской жизни: «Хотя здесь кажется мне и скучнее московского, однако поневоле привыкаю и большую часть времени провождаю в коллегии». Служба в Иностранной коллегии была сопряжена с необходимостью бывать при дворе, посещать дома многих влиятельных лиц.

Еще в Москве при зачислении в коллегию Фонвизина представили вице-канцлеру князю Александру Михайловичу Голицыну. С приездом в Петербург Фонвизину приходилось часто ездить к Голицыну, присутствовать в его доме во время приемов иностранных послов, беседовать с членами дипломатических миссий.

Голицын имел два дома на Галерной набережной (затем Английская, ныне набережная Красного Флота). Один из них находился на участке дома № 8, другой — «близ Галерного двора» и «близ Крюкова канала». Крюков канал выходил тогда прямо к Неве (впоследствии часть его засыпали). Примерное местонахожде-

ние этого дома — набережная Красного Флота, участок дома № 50. В XVIII веке въезды в дома на набережной были, как правило, с Галерной (ныне Красной) улицы. Сюда же выходили служебные флигели, сараи, конюшни, а парадные фасады украшали набережную.

На этой набережной находилась и Иностранная коллегия (набережная Красного Флота, 32). В 1750-е годы этот участок принадлежал князю Б. А. Куракину. По его заказу архитектор М. А. Башмаков построил здесь двухэтажный каменный дом. После смерти Куракина в 1764 году сюда и перевели Иностранную коллегию, находившуюся ранее на Васильевском острове в здании Двенадцати коллегий. Работами, связанными с приспособлением жилого дома для нужд коллегии, руководил архитектор А. Вист. Затем в 1782—1783 годы здание подверглось существенной перестройке по проекту Дж. Кваренги. В этом виде дом сохранился до наших дней. Как же выглядела Иностранная коллегия в годы, когда там служил Фонвизин?

Здание имело П-образную форму, и его крылья охватывали часть парадного двора, выходившего на Неву. Перекрытие широкого парадного крыльца поддерживали атланты. В центре возвышался мезонин с треугольным фронтоном. Крышу ограждала балюстрада и украшали статуи. Летом в предзакатные часы солнце освещало набережную, и здание выглядело особенно нарядно. Парадным был и въезд с Галерной улицы: арка высотой в два этажа, по сторонам — колонны тосканского ордера.

Сведений о раннем периоде службы Фонвизина в Иностранной коллегии немного. Известно, что помимо занятий переводами он участвовал в дипломатических церемониалах. Так, в феврале 1764 года он среди других служащих коллегии встречал польского посланника. По поручению вице-канцлера Фонвизин часто ездил во дворец для переговоров с влиятельными

лицами: то с приближенной к императрице Екатериной Ивановной Шарогородской, то с Никитой Ивановичем Паниным.

Служба в коллегии продолжалась недолго. 7 октября 1763 года последовал высочайший указ императрицы Екатерины II, который гласил: «Переводчику Денису Фонвизину, числясь при Иностранной коллегии, быть для некоторых дел при нашем статском советнике Елагине, получая жалованье по-прежнему из оной коллегии».

Иван Перфильевич Елагин, будучи вице-президентом Главной дворцовой канцелярии, состоял «при собственных ее величества делах у принятия челобитен» и пользовался доверием и расположением императрицы. Опытный царедворец и вполне светский человек, он проявлял живой интерес к литературе и театру, выступал сам как поэт, драматург и переводчик. Елагин хотел подобрать себе на службу молодых людей, образованных и обладавших литературным дарованием. Не случайно его выбор пал на Фонвизина, который еще в Москве приобрел некоторую известность как начинающий литератор, а также как замечательный острослов.

«Весьма рано появилась во мне склонность к сатире, — вспоминал писатель. — Острые слова мои носились по Москве; а как они были для многих язвительны, то обиженные оглашали меня злым и опасным мальчишкою; все же те, коих острые слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезным и в обществе приятным. <...> Меня стали скоро бояться, потом ненавидеть».

В студенческие годы Фонвизин уже опубликовал несколько переводных статей в московских журналах. Отдельным изданием вышла в 1761 году небольшая книжечка — «Басни нравоучительные с изъяснениями г. барона Гольберга, перевел Денис фон Визин». Фон-

визин уловил и прекрасно передал живое остроумие и сатирическую соль басен Гольберга. Звери, выступающие в его баснях, воплощают в себе всевозможные человеческие пороки — чванство, глупость, корысть. Для будущего комедиографа этот прозаический перевод оказался полезной пробой пера. Мораль одной из переведенных Фонвизиным басен гласила: «Остроумная шутка часто более имеет действия, нежели важное увещание».

В 1762 году появилась первая часть книги Жана Террассона «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского» — новый переводческий труд Фонвизина. Это довольно длинный философско-политический роман. «Сие сочинение в рассуждении исправления нравов есть весьма полезно», — говорилось в предисловии. В 1763 году уже в Петербурге Фонвизин закончил перевод трагедии Вольтера «Альзира». «Сей перевод, — признавался писатель спустя много лет, — есть не что иное, как грех юности моея, но со всем тем встречаются и в нем хорошие стихи» (перевод был стихотворный). Молодой литератор, однако, не решился отдать его «ни на театр, ни в печать». Между тем перевод в рукописи прочли некоторые знакомые Фонвизина. «Альзира», по его словам, сделала «много шума» и, в частности, обратила на себя внимание И. П. Елагина, который после этого и решил взять молодого литератора к себе на службу.

Фонвизин успешно начал служебную карьеру благодаря своим литературным трудам. По обычаю времени он поднес рукописный экземпляр «Альзиры» влиятельному графу Григорию Григорьевичу Орлову, фавориту Екатерины II. У Г. Г. Орлова в это время был его брат Федор Григорьевич, которому Фонвизин также подарил экземпляр перевода. Г. Г. Орлов жил в так называемом Штегельмановом доме, находившемся на Мойке. Этот двухэтажный дом построил архитектор

Ф.-Б. Растрелли в 1750—1753 годах для богатого купца и банкира Г. Х. Штегельмана. В перестроенном виде дом сохранился до наших дней: это одно из зданий, занимаемых теперь Педагогическим институтом имени А. И. Герцена (набережная Мойки, 50). В XVIII веке за домом находился сад с большими деревьями, кустарниками и цветниками. В январе 1765 года Григорий Орлов праздновал новоселье в другом доме — на Английской набережной, где Фонвизину также приходилось бывать.

С переходом на службу к Елагину у Фонвизина значительно расширился круг петербургских знакомых. В канцелярию Елагина поступали прошения от самых разных лиц, и секретарю надлежало делать доклады по этим прошениям, вести переписку. Тем не менее Фонвизин находил время и для занятий литературными переводами. Многие из них были изданы уже в 1760-е годы.

В 1763 году в типографии Сухопутного кадетского корпуса (она находилась на территории корпуса) Фонвизин напечатал отдельной книжкой свой перевод французского романа Ж.-Ж. Бартелеми «Любовь Кариты и Полидора». Переводчик послал часть экземпляров в Москву и просил сестру помочь с их распродажей. «Деньги как наискорее, бога ради, присылай», — добавлял Фонвизин, почти постоянно испытывавший недостаток в средствах. В декабре 1764 года его произвели в чин титулярного советника и назначили жалованье пятьсот рублей в год — сумма по тем временам немалая, но все же недостаточная для столичного жителя, который по долгу службы обязан являться при дворе, иметь свой выезд, нарядные мундиры и прочее.

В начале 1765 года Фонвизин закончил очередной переводческий труд, предпринятый им «сверх должности своей», — объемистое сочинение немецкого автора И. Г. Юсти «О правительствах». Переговоры о напеча-

тании перевода Фонвизин вел в канцелярии Академии наук, размещавшейся в то время во дворце царицы Прасковьи Федоровны (этот дворец находился рядом со зданием Кунсткамеры, на месте здания Зоологического музея: Университетская набережная, 1). Переводчик требовал за свой труд 150 рублей, «а ниже той цены не брал». Академическая канцелярия приняла условия Фонвизина и направила рукопись в типографию, распорядившись напечатать 1200 экземпляров книги, в том числе 100 на «заморской» бумаге, а остальные на «здешней». Однако среди печатных изданий XVIII века мы не находим этой книги: по каким-то причинам ее, видимо, так и не издали.

В Петербурге Фонвизин продолжил работу над переводом басен Гольберга. Готовя второе издание этой книги, вышедшее в Москве в 1765 году, переводчик включил сорок две новые басни. Он пробовал свои силы в разных жанрах: перевел сентиментальную повесть Ф. Арно «Сидней и Силли», поэму П. Битобе «Иосиф», построенную на библейском сюжете. Рассказ об Иосифе, проданном его братьями, произвел сильное впечатление на Фонвизина еще в детстве. Переведенная им поэма пользовалась успехом у русских читателей конца XVIII — начала XIX века. Известный литератор Н. И. Греч вспоминал, как один «искусный и умный» чтец читал его матери «Иосифа» в переводе Фонвизина.

В первые же годы пребывания в Петербурге Фонвизин проявил серьезный интерес и к сочинениям политико-экономического характера. Так, он перевел трактат Куайе «Торгующее дворянство» и составил реферат «Сокращение о вольности французского дворянства и о пользе третьего чина». В этом полупереводном-полуоригинальном произведении целый раздел был посвящен России: здесь тоже предлагалось учредить «третий чин», то есть третье сословие.

Бóльшую часть времени Фонвизин проводил в доме Елагина: иногда по целым дням занимался там служебными делами, частенько обедал, присутствовал на семейных вечерах. В одном из писем к сестре в январе 1764 года он рассказывал: «Да нынче попалась мне на язык русская песня, которая с ума нейдет: «Из-за лесу, лесу темного». Черт знает! Такой голос (то есть мотив. — *Н. К.*), что растаять можно, и теперь я пел; а натвердил ее у Елагиных. Меньшая дочь поет ее ангельски».

Елагин жил на широкую ногу. Не бывало дня, чтобы в его доме к столу не садились гости. Кушанья подавались здесь превосходные: хозяин знал толк в еде.

Дом Елагина находился на Петербургской (Петроградской) стороне, в одном из зданий Инженерного кадетского корпуса, на Крутицком подворье (улица Красного Курсанта, 14—18). В конце XVIII — начале XIX века на этом участке были построены новые здания, предназначенные для Инженерного корпуса, переименованного во Второй кадетский корпус. Впоследствии вельможа переехал в дом, находившийся на участке между Большой Морской улицей (ныне улица Герцена) и Мойкой (на месте современного дома № 26 по улице Герцена). Этот дом по завещанию Елагина перешел его воспитаннице Анне Ивановне Байковой.

Не раз высказывалось предположение о том, что Фонвизин жил в доме Елагина, но оно не подтверждается фактами. Из писем Фонвизина можно понять, что жил он в другом месте. «Вчера был я поутру у Ивана Перфильевича, обедал дома», — сообщает писатель родным в декабре 1763 года.

К сожалению, он не упоминает о местонахождении своего дома. Известно, однако, что Фонвизин жил «почти вместе», — очевидно, рядом снимал квартиру — с офицером конной гвардии Василием Алексеевичем

Аргамаковым, который стал одним из его первых и ближайших друзей в Петербурге. Вначале Фонвизин видел в Аргамакове «любезного человека», вскоре он говорил о его «просвещенном разуме», наконец, признавался: «Склонности и сходство нравов соединили нас так много, что произошло оттуда истинное дружество». Фонвизин наилучшим образом рекомендовал Аргамакова своим родным и просил оказать ему внимание в Москве, куда Василий Алексеевич отправился в январе 1764 года. С радостью принял Фонвизин известие о помолвке Аргамакова с его любимой сестрой Федосьей Ивановной. «Я его знаю очень хорошо, — пишет ей брат, — и клянусь тебе, что достоинства имеет. Живучи с ним почти вместе, имел я случай довольно узнать его. <...> Ежедневное обхождение его со мною подавало мне случай узнать его мысли. <...> Имеет благородное сердце и за честь свою, действительно, склонится жертвовать жизнию».

После женитьбы на Федосье Ивановне отношения Аргамакова с Фонвизиным по-прежнему оставались самыми дружескими и теплыми. Спустя года два Денис Иванович писал своему зятю в Москву: «Знай, что ты с сестрицею мне столько любезны, что я для вас жить хочу». Отъезд Аргамакова из Петербурга был, конечно, потерей для Фонвизина, остро ощущавшего отсутствие близких. К счастью, в это время в Петербурге находился брат Дениса Павел.

Братьев связывали не только родственные узы и годы совместной учебы. Павел, как и Денис, серьезно интересовался литературой, много переводил и писал стихи, правда, в отличие от брата, не сатирические, а преимущественно лирические — элегии, мадригалы. В начале 1760-х годов Павел Фонвизин был уже известен читателям по своим публикациям в московских журналах «Полезное увеселение» и «Доброе намерение».

Павел Фонвизин служил в Петербурге в Семеновском полку. Отправляясь на военные учения, он часто заходил к дядюшке Николаю Алексеевичу, который жил поблизости.

Полковая слобода располагалась на территории, находящейся между нынешними Московским проспектом, Загородным, Обводным каналом и Звенигородской улицей. Выглядела она как большая деревня: «деревянные дома в правильных квадратах, а улицы в них по большей части немощеные». Между домами стояли амбары, конюшни, сараи для скота, кузницы. Тут же были и огороды. Мостить улицы стали только с 1781 года, начиная от Загородного проспекта. Рядом с полковыми «светлицами» стояли частные дома. В одном из них, видимо, и жил Николай Алексеевич Дмитриев-Мамонов, дядя Фонвизиных. Н. А. Дмитриев-Мамонов доводился двоюродным братом матери Фонвизина, то есть двоюродным дядей Денису и Павлу. С 1758 по 1769 год Николай Алексеевич Дмитриев-Мамонов служил в Семеновском полку. В 1763 году он имел чин капитана, а в 1769 году вышел в отставку в чине полковника армии. Позднее, в 1790-е годы, он стал губернским предводителем дворянства в Рязани. Во время службы в Семеновском полку он был уже человеком семейным: имел жену (женат на Марии Ивановне, урожденной Татищевой) и двух дочерей (Анастасию и Наталью). Отношения у братьев Фонвизиных с семьей Николая Алексеевича сложились самые добрые. Когда Павлу Фонвизину нужно было рано вставать, чтобы успеть на полевые учения, он оставался на ночлег у гостеприимного дядюшки. В этот дом частенько приходил и Денис Фонвизин повидаться с близкими людьми. Впоследствии он и поселился рядом с этим домом. В письме родителям от 6 мая 1768 года он сообщал: «Квартиру нанял я у купца Щербакова рублем дороже. Однако изряднее покои и близ дядюшки, почти обо

двор». Спустя месяца два Фонвизин писал: «Каждый день бываю я у дядюшки, да и нельзя иначе. Он нас жалует, да близость места не допускает нас долго быть розно. Мы живем почти друг против друга».

Есть сведения о нескольких купцах Щербаковых, проживавших в Петербурге во второй половине XVIII века. Фонвизин жил в доме купца Щербакова, находившемся в Московской части, там же, где слобода Семеновского полка. Дом был расположен на участке между набережной Фонтанки и Головиным переулком (ныне улица Рубинштейна). Примерный адрес этого дома, где Фонвизин жил с мая 1768 до конца 1769 года, — участок домов № 58—60 по набережной Фонтанки и вдоль по Щербакову переулку до улицы Рубинштейна; участки домов № 19—21 на ул. Рубинштейна. В конце XVIII века участок, принадлежавший купцу Щербакову, находился между домом купца Крепса и домом купца Ильина. На плане Петербурга 1790-х годов переулок между ними не обозначен: впервые он появился только на плане 1828 года. Сперва переулок назывался Вновьпроложенным, а затем уже получил название по имени домовладельца — Щербаков переулок.

Бывало, что родственники все вместе отправлялись гулять. Одну из таких летних прогулок Фонвизин довольно подробно описал: дядюшка со всей семьей и братья Фонвизины ездили отдыхать на Петровский остров. Здесь они обедали, катались на лодке, качались на качелях, играли. Кроме Дениса и Павла с ними был и третий брат — Петруша Фонвизин, принятый в Пажеский корпус.

Рассказывая о летних развлечениях петербургских жителей, Фонвизин писал: «Гульбища по садам занимают также довольно времени, однако более всего съезжаются на Каменный, Крестовский и Петербург-

ский острова; делают там на поле ужины и веселятся».

Круг петербургских друзей Фонвизина постепенно расширялся. Его тепло встречали в доме Михаила Васильевича Приклонского, служившего в герольдмейстерской конторе. То и дело Фонвизин сообщал родным, что обедал или ужинал у Приклонских. Анне Ивановне, жене Михаила Васильевича, Фонвизин доверительно показывал стихи сестры (Федосья Ивановна посылала брату свои литературные опыты).

Как-то летом вместе с Приклонскими Фонвизин ездил на прогулку в Екатерингоф. Так называлась местность в устье Фонтанки. Екатерингофская дорога (затем Екатерингофский проспект — ныне проспект Римского-Корсакова) приводила к небольшому деревянному дворцу, который был построен Петром I для жены Екатерины, — отсюда и название местности. Екатерингофский дворец возвели в 1711 году в память морской победы Петра 6 мая 1703 года. Дворец был вначале одноэтажный, а при Елизавете Петровне достроили второй этаж, и вместе с новыми помещениями в здании насчитывалась 21 комната. Парк, окружавший Екатерингофский дворец, переходил в лес. При Екатерине II дворец был заброшен, но екатерингофский парк оставался любимым местом прогулок для жителей Петербурга. В каретах или верхом они часто отправлялись в Екатерингоф, гуляли по берегу залива и парку. Эта местность лежала уже за чертой города, и только в 1796 году Екатерингоф присоединили к Петербургу и причислили к четвертой Адмиралтейской части. Любопытна деталь, которую сообщает историк Петербурга М. И. Пыляев: Екатерингоф, хотя и ставший частью города, получил «привилегию, по которой гуляющим дозволялось курить табак». На улицах Петербурга в XVIII веке делать это возбранялось.

Отдых в кругу родных и друзей отвлекал от слу-

жебных забот и обязательных официальных развлечений, которые часто оказывались неотделимы от придворной службы.

Елагин, покровительствуя Фонвизину, пытался иногда использовать его талант и для сведения счетов со своими литературными противниками. Характерен в этом отношении случай, происшедший в июле 1765 года.

Петербургская Академия художеств готовилась к торжеству. Праздновать собирались сразу несколько событий: день восшествия на престол Екатерины II (28 июня), заложение церкви при Академии и новый выпуск ее учеников. Долго и тщательно украшали здание Академии художеств. Наконец к 7 июля (на этот день была назначена главная церемония) все было готово. За два дня до торжества «чрез печатные листочки» были приглашены почетные гости — члены Сената и Синода, а также все персоны первых пяти классов. Вместе с Елагиным собирались ехать Фонвизин и его зять Аргамаков, находившийся в это время в Петербурге. В связи с праздником Академии художеств у Фонвизина появились свои заботы. Елагин срочно поручил ему сочинить стихи для хора, которому надлежало приветствовать императрицу во время торжества. Это поручение имело некоторую подоплеку. Стихи, сочиненные Сумароковым, уже прислали в Академию. Но Елагин, желая досадить опальному драматургу, решил заменить их другими. Фонвизин представил Елагину три варианта «на одну материю». С понятным волнением молодой переводчик отправился в Академию, в толпе многочисленных зрителей смотрел, как Екатерина II со свитой выходила из шлюпки, причалившей у самой Академии, под звуки труб и литавр шествовала к тому месту, где должна была состояться закладка церкви. Длился обычный церемониал, читалась проповедь, произносились речи, на Неве палили пушки,

Наконец наступил торжественный момент: императрица вступила в средний зал, и раздалось пение хора. Пели куплеты, но совсем не те, что сочинил Денис Фонвизин. Спешка, волнения — все было напрасно. Вместо фонвизинских исполнялись стихи Григория Николаевича Теплова, занимавшего видное положение при дворе. Описывая праздник 7 июля, Федосья Ивановна Фонвизина с обидой писала: «Стихов братцовых в Академии не пели, а пели стихи Теплова, которые очень дурны перед братцовыми. Елагин сказал братцу: „Пожалуй, оставь, пускай Теплов дурачится!"»

По долгу службы Фонвизину приходилось присутствовать на придворных церемониях — так называемых куртагах. Посещал он и праздники петербургской знати. Фонвизин был человеком общительным. Интересный и умный собеседник, умеющий весело и остроумно пошутить, он оказывался желанным гостем во многих домах. Фонвизин любил нарядно одеться, блеснуть в разговоре метким словом, а иногда и просто подурачиться, мастерски передразнивая голос и манеру говорить кого-то из общих знакомых. И все-таки в его письмах часто проскальзывает легкая ирония при описании официальных торжеств: «Видел здешние веселья, их не чувствуя»; «Я, истинно, получил ужасное омерзение ко всем вздорам, в которых нынешнего света люди главное свое удовольствие полагают». Развлечений для «знатных особ» в Петербурге было более чем достаточно. При дворе устанавливали даже особое расписание на неделю: например, по средам устраивались маскарады, по вторникам и пятницам — спектакли, по воскресеньям — куртаги; для разнообразия — прогулки в Царское Село.

«Я положил за правило, — признавался он сестре, — стараться вести время свое так весело, как могу; и если знаю, что сегодня в таком-то доме будет мне весело, то у себя дома не остаюсь».

При дворе Екатерины II маскарады были излюбленной потехой. За организацию их взялся предприимчивый антрепренер итальянской труппы Джованни Локателли. У него можно было приобрести и маскарадные костюмы, причем наибольшей популярностью пользовались домино — широкие шелковые плащи с капюшонами. Маскарады устраивались обычно во дворце, иногда в парках Царского Села и Петергофа, куда съезжались многочисленные знатные гости. Эти праздники часто кончались далеко за полночь.

Придворные маскарады, как и спектакли, были доступны лишь петербургскому дворянству. В специальном распоряжении 1764 года о выдаче билетов на маскарад говорилось: «Кто не дворянин и не имеющий дворянского достоинства в оный маскарад придет и усмотрится, то оные браны будут под караул и за то без штрафа оставлены не будут; а кто и билет такому даст, то и оный имеет ответствовать».

Фонвизин, как дворянин, имел доступ на эти маскарады; более того — присутствовать ему там приходилось подчас и независимо от желания. «Сегодня при дворе маскарад, и я в своей доминé туда же поплетусь», — без всякого энтузиазма сообщал он в одном из писем сестре. В другом письме Фонвизин высказался еще более откровенно, описывая маскарад, устроенный при дворе в январе 1766 года: «Народу было преужасное множество; но, клянусь тебе, что я со всем тем был в пустыне. Не было почти ни одного человека, с которым бы говорить почитал я хотя за малое удовольствие».

Тонкие придворные интриги, светские сплетни, закулисная борьба — все это серьезно осложняло жизнь. «В доме самого честного и снисходительного начальника, — писал сам Фонвизин, — вел я жизнь самую неприятнейшую от действия ненависти его любимца». Этим любимцем оказался секретарь Елагина — Влади-

мир Игнатьевич Лукин, человек по-своему талантливый. Он был на несколько лет старше Фонвизина и приобрел уже известность как драматург. Поощряя литературные занятия Лукина, Елагин поручил своему секретарю завершить начатый им самим перевод многотомного романа А. Ф. Прево «Приключения маркиза Г...». Лукин подобострастно благодарил покровителя за оказанную милость. «Я не только не стыжусь, — писал он, посвящая свой труд Елагину, — но еще и за честь себе ставлю объявить целому свету, что и малым в словесных науках знанием единственно вашему превосходительству должен». Совсем иной тон у Лукина был с Фонвизиным, в котором он сразу угадал своего опасного соперника. Недаром Фонвизин спустя уже много лет вспоминал о «беспримерном высокомерии» и тяжелом нраве елагинского секретаря, впрочем отдавая должное его уму.

Сам Елагин играл не очень благовидную роль в отношениях подчиненных. Он подчас сам разжигал распри между ними. В письмах к сестре у Фонвизина нередко прорывалось возмущение, когда он рассказывал ей о службе. «Принужден я иметь дело с злодеями или дураками, — писал Фонвизин в январе 1766 года. — Нет мочи более терпеть, и думаю, скоро стану делать предложение Ивану Перфильевичу о перемене моей судьбины. Честному человеку нельзя жить в таких обстоятельствах, которые не на чести основаны». В июне 1766 года Фонвизин, сообщая сестре о своем пребывании в Петергофе, с радостью упомянул о том, что Лукина Елагин не взял с собой, но тут же добавил: «Я всегда знал, что Иван Перфильевич честный человек, однако любовь его к Лукину приводила меня в отчаяние». Очень скоро, однако, ситуация снова изменилась, и отношения между Елагиным и Фонвизиным обострились.

С горечью и иронией Денис Иванович писал сестре

в июле 1768 года: «В производстве же моем надежды никакой нет. По крайней мере Иван Перфильевич о том, кажется, уже забыл; напоминание ж мое было бы излишне. Он меня любит, да вся его любовь состоит только в том, чтоб со мной отобедать и проводить время». Наконец спустя несколько месяцев Фонвизин подал заявление об отставке. Он признавался родителям, что находиться в доме Елагина ему «несносно становится», и добавлял: «А об отставке я не тужу, года через два или через год войду в службу, да не к такому уроду». Впрочем, уйти от Елагина было не так-то просто. «Такая беда моя, что никто прямо от него брать меня не хочет, — сетовал Фонвизин. — Он говорит, что я, пошед в отставку, сам себя погублю, а не погублю себя, оставшись у него». Елагин явно затягивал решение об отставке своего секретаря.

Большинство «придворных особ» имело те же нравы, те же замашки, ту же спесь. «Когда большие бояре держатся в черном теле, тогда они всего любезнее в свете; а как скоро из него выходят, то всех людей становят прахом пред собою и думают, что царствию их не будет конца». Это мудрое заключение Фонвизин сделал в связи с визитом к Роману Ларионовичу Воронцову, могущественному и всесильному вельможе. Воронцов настолько славился своим взяточничеством и казнокрадством, что ему дали прозвище — Роман Большой Карман. В Петербурге Воронцов владел большим участком в четвертой Адмиралтейской части. В доме Воронцова, находившемся у Обухова моста на набережной Фонтанки (теперь это участок дома № 110), не один раз, видимо, бывал Фонвизин. В июле 1768 года он приезжал к вельможе по делу своего отца и был благосклонно принят. Через несколько дней его пригласили к Воронцову на обед. Может быть, в это летнее время Воронцов находился в своем дворце, выстроенном для него на Аптекарском острове, по проекту

Кваренги. Не исключено, что Фонвизин приезжал и сюда, и в дом Воронцова у Обухова моста.

Чиновный Петербург пришелся не по душе Фонвизину. Но был и другой Петербург — Петербург, в котором кипела творческая жизнь.

В одно время с Фонвизиным в Петербурге жил Александр Николаевич Радищев. Когда Фонвизин начинал свою службу у Елагина, Радищев был еще воспитанником Пажеского корпуса, где учился в это время и младший брат Дениса Ивановича Петруша. Фонвизин заботился о брате, периодически уведомлял родителей о его здоровье. С жалобами на Петрушины шалости обращались к старшему брату. Естественно, что Денис Фонвизин бывал в Пажеском корпусе, находившемся в одном из флигелей деревянного Зимнего дворца. Он знакомился с жизнью воспитанников корпуса, среди которых был и Радищев.

Впрочем, Радищев и Фонвизин могли познакомиться и через семейство Аргамаковых. В Москве Радищев воспитывался вместе с детьми Михаила Федоровича Аргамакова, который приходился родственником Алексею Михайловичу Аргамакову, директору Московского университета и отцу Василия Аргамакова, друга Фонвизина. Впоследствии в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев упоминал одного из персонажей фонвизинского «Недоросля» — Кутейкина и даже ссылался на не опубликованное еще тогда сочинение Фонвизина — «Всеобщую придворную грамматику», о которой речь у нас впереди.

Одним из петербургских знакомых Фонвизина был Василий Кириллович Рубановский (на его дочери впоследствии женился Радищев). Рубановский получил образование в Сухопутном кадетском корпусе, принимал участие в спектаклях, которые кадеты ставили в придворном театре в 1750—1751 годах. Затем Рубановский служил в Петербурге; здесь в его доме и стал бы-

вать Фонвизин вскоре после своего приезда в столицу. 9 декабря 1764 года у Рубановских праздновали именины одной из дочерей — Анны (будущей жены Радищева), и Фонвизин оказался в числе гостей. С 1764 года Рубановский стал служить в Главной дворцовой канцелярии под началом Елагина, так что они с Фонвизиным стали сослуживцами.

У Рубановских в Петербурге было несколько домов. Один из них, двухэтажный каменный дом, находился на Миллионной улице (ныне улица Халтурина, 14). В другом доме Рубановских на Грязной улице (ныне улица Марата, 14) позднее поселился Радищев и выстроил рядом с деревянным одноэтажным домом Рубановских новое каменное здание, в перестроенном виде сохранившееся до наших дней.

Не только знакомство, но тесная многолетняя дружба завязалась у Фонвизина с замечательным актером Иваном Афанасьевичем Дмитревским, которого он впервые увидел несколько лет назад во время своей кратковременной поездки в Петербург. После смерти Волкова в 1763 году Дмитревский «заступил первенство» в придворной театральной труппе. Дмитревский был не только актером, но и литератором: он перевел несколько пьес французских и итальянских авторов.

Фонвизин нередко бывал у «первого актера», который жил в доме, нанимавшемся для придворных актеров. Этот дом, принадлежавший купчихе Анне Дмитриевне Резвой, находился в Литейной части на участке, расположенном между Воскресенской набережной (ныне набережная Робеспьера) и Захарьевской улицей (ныне улица Каляева), недалеко от Гагаринской пристани (то есть недалеко от современного Литейного моста).

Дмитревский тоже посещал часто Дениса Фонвизина, иногда приезжая к нему вместе с женой. Аграфена Михайловна Дмитревская (урожденная Мусина-Пуш-

кина) была одной из самых первых русских актрис. Она выступала преимущественно в комедиях, успешно играя самые разнообразные роли. Дмитревский лет на десять был старше Фонвизина, но разница в возрасте не мешала их дружбе, так же как и различие их общественного положения: Дмитревский — разночинец по происхождению, профессиональный актер, а Фонвизин — потомственный дворянин. Родители Дениса Ивановича выражали недовольство, узнав о простом обхождении их сына с «комедиантом». Фонвизину пришлось оправдываться. В очередном письме к сестре он писал: «Ты рассказала всем, что был у меня Дмитревский с женой; а батюшка изволит писать, что это предосудительно, хотя, напротив того, нет ничего невиннее».

Частым гостем у Фонвизина был и молодой князь Федор Алексеевич Козловский, учившийся, как и Фонвизин, в Московской университетской гимназии, а с начала 1760-х годов поселившийся в Петербурге. Он тоже оказался театралом и поклонником таланта Дмитревского. Фонвизин и Козловский вместе проводили немало времени: отправлялись в театр или на прогулку, устраивали дружеские пирушки, праздновали дни рождения. Козловский был человеком веселым, остроумным и не боялся пошутить над истинами, освященными авторитетом церкви. Великий вольнодумец XVIII века Вольтер с похвалой отзывался о князе Козловском, который ездил во Францию и передал фернейскому мудрецу письма из России от Екатерины II и от Сумарокова. Как и Дмитревский, Козловский много переводил и писал для театра, сочинял также стихи самых разных жанров: песни, эклоги, элегии. Эти стихи нравились многим, и среди поклонников поэтического таланта Козловского оказался никому еще не известный рядовой солдат Гаврила Державин, признававшийся спустя много лет, что сочинения Козловского служили для него когда-то образцом. Жизнь Козловского обо-

рвалась рано: он погиб в июле 1770 года во время Чесменского сражения при взрыве корабля «Евстафий».

Фонвизин сообщает интересную деталь, характеризуя общество своих друзей: «Лучшее препровождение времени состояло в богохулии и кощунстве». В «богохулии» было много молодого задора, даже озорства. Здесь, в этом веселом дружеском кругу, читали и сатирические стихи Фонвизина.

Одна из лучших сатир Фонвизина, созданных в Петербурге в 1760-е годы, — «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке». Автор ведет беседу со своими слугами, пытаясь разрешить с ними вопрос: «На что сей создан свет?» С точки зрения официальной церкви подобный вопрос был неуместен: создание мира — дело бога, а целесообразность его деяний не подлежала обсуждению. Наиболее пространный ответ дает кучер Ванька, объясняющий, почему он весь свет считает «за вздор»:

Здесь вижу мотовство, а там я вижу скупость;
Куда ни обернусь, везде я вижу глупость.
Да, сверх того, еще приметил я, что свет
Столь много времени неправдою живет,
Что нет уже таких кащеев на примете,
Которы б истину запомнили на свете.
Попы стараются обманывать народ,
Слуги — дворецкого, дворецкие — господ,
Друг друга — господа, а знатные бояря
Нередко обмануть хотят и государя;
И всякий, чтоб набить потуже свой карман,
За благо рассудил приняться за обман.
До денег лакомы посадские, дворяне,
Судьи, подьячие, солдаты и крестьяне.
Смиренны пастыри душ наших и сердец
Изволят собирать оброк с своих овец.
Овечки женятся, плодятся, умирают,
А пастыри притом карманы набивают.
За деньги чистые прощают всякий грех,
За деньги множество в раю сулят утех.

Свободомыслящая молодежь с упоением цитировала эти строки. Племянник известного поэта И. И. Дмитриева, М. А. Дмитриев вспоминал: «Я помню время, когда насмешки над религией не только извинялись, как шутка, но были даже признаком остроумия! Послание Фонвизина «К слугам» знали наизусть!» Не всем, конечно, могли понравиться такие смелые стихи, кое-кто обвинял уже дерзкого автора в богохульстве. «У многих прослыл я безбожником», — признавался позднее и сам Фонвизин.

Фонвизинское «Послание к слугам моим» замечательно еще в одном отношении: героями стихотворения оказались совершенно реальные конкретные лица — слуги того самого господина Фонвизина, который был автором стихотворения. Михаил Шумилов — это дядька и камердинер Фонвизина, живший в его доме в Петербурге. О старике Шумилове, который пестовал Фонвизина с детских лет, писатель говорит с особой теплотой:

Любезный дядька мой, наставник и учитель,
И денег, и белья, и дел моих рачитель!

Недаром эти строки пришли на память Пушкину, когда он в «Капитанской дочке» знакомил читателей с верным Савельичем.

Ванька, которому «поручено было смотрение над каретою и лошадьми», стоя на запятках кареты, сопровождал обычно Фонвизина в его многочисленных разъездах по столице. Для Ваньки петербургская жизнь оборачивалась своими довольно невеселыми сторонами:

С утра до вечера держася на карете,
Мне тряско рассуждать о боге и о свете;
Неловко помышлять о том и во дворце,
Где часто я стою смиренно на крыльце,
Откуда каждый час друзей моих гоняют
И палочьем гостей к каретам провожают.

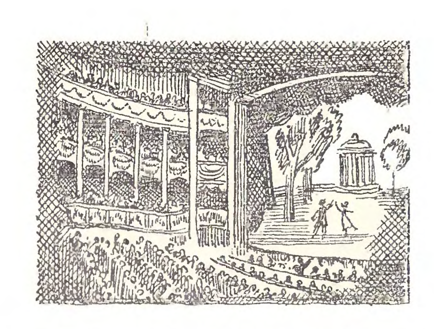
Небольшая характерная зарисовка столичного быта: лакеи толпятся у подъездов дворца или роскошных особняков, получая тычки и затрещины за то, что стоят не на месте. Господа надменны и грубы, а слуги становятся подобострастны и циничны. Парикмахер Петрушка глубокомысленно размышляет:

Не часто ль от того родится всем беда,
Чем тешиться хотят большие господа,
Которы нашими играют господами
Так точно, как они играть изволят нами?

Фонвизинское «Послание» написано просто и живо, эти стихи легко запоминались и оказывались вполне доступны даже тем самым слугам, о которых шла речь. Писатель внимательно прислушивался к простонародной речи, он частенько беседовал со слугами: ему интересно, о чем и как они говорили. Фонвизин в одном из писем к сестре упоминает о «натурально добром сердце» своего Петрушки, заботится о приобретении нового платья для Ваньки.

Во дворце, на дипломатических приемах, в светских гостиных и в людской, среди собственных слуг — всюду Фонвизин остается зорким и умным наблюдателем.

К сожалению, до нас дошло далеко не все из написанного Фонвизиным. Иногда писатель вынужден был сам уничтожать свои стихи, слишком уж смелые и колкие. Родные постоянно опасались, что острый язык Дениса навлечет на него беду. «Сатир писать не буду... — успокаивал он сестру, — я человек, не хвастая могу сказать, резонабельный. Ты меня привела в резон, и я сделал жертвоприношение Аполлону, сожегши ту в печи» (речь шла о какой-то сатире). Впрочем, иногда было уже бесполезно бросать стихи в печь — не напечатанные, они переписывались, передавались из рук в руки, заучивались на память.

ТЕАТР И СПОРЫ ДРАМАТУРГОВ

«В начале царствования императрицы Екатерины II,— сообщал П. И. Сумароков, племянник драматурга,— театр был при деревянном дворце, потом при Зимнем и открыт для благородной публики безденежно. В них зрители имели свои места по чинам. <...> Мужчины ездили в мундирах и башмаках, а женщины в богатых одеяниях. Великолепие и пышность императорской прислуги немало придавало величия сим спектаклям, соделывая оные вместе с тем указателями уважения к званиям и мирного увеселения, училищем вежливости и исправления нравов».

В этих словах есть немалая доля идеализации. Над проблемой «исправления нравов» задумывались далеко не все зрители. Более того, придворный театр многие воспринимали как светское развлечение, приходили на спектакль, чтобы встретиться со знакомыми, назначали свидания в театре, во время представления громко разговаривали и смеялись. А. П. Сумароков с возмущением писал о поведении части театральной публики: кто-то, сидя у оркестра, грыз орехи, в партере «в кулачки бились», а в ложах громогласно рассказывали «истории своей недели». Неоднократно возникала необходимость издавать указы, предписывавшие «сохранять

благочиние» в театре и взыскивать штраф за нарушение.

В Петербурге в 1760-е годы кроме русской театральной труппы было несколько иностранных: драматические — французская и немецкая, оперная итальянская, а в 1767 году давала представления и английская труппа. В наиболее благоприятных условиях находилась французская труппа: ее спектакли ставились в придворном театре дважды в неделю, в то время как русской — только один раз. «Первый актер» русской труппы Дмитревский получал 860 рублей в год, а исполнители главных ролей во французской труппе и артисты балета получали по 2000 рублей в год. Среди зрителей находилось немало галломанов, отдававших предпочтение всему французскому перед отечественным. Они гораздо охотнее посещали спектакли французской труппы, чем русской.

«Я, братец, в подробности о комедиантах не вхожу, а особливо о русских», — говорил наследник престола Павел своему воспитателю С. А. Порошину, когда тот завел с ним разговор о поездке Дмитревского за границу для совершенствования его мастерства. К счастью, эта поездка все же состоялась. Знакомясь с театральным искусством европейских стран и выступая там, Дмитревский успешно соперничал со знаменитым английским актером XVIII века Гарриком.

Еще с 1759 года русский публичный театр был превращен в придворный, и подчинялся он придворной конторе. Это значительно ограничивало социальный состав зрителей. Между тем интерес к театру рос у самых широких слоев петербургской публики. Весной 1765 года в Петербурге появился так называемый «всенародный театр». Правительство проявило инициативу в организации этого театра, одновременно поставив его под контроль полиции. Актеры, участвовавшие в спектаклях, получали плату непосредственно через поли-

цию — каждому по пятьдесят копеек. «Начальником комедиантов» назначили одного из типографских наборщиков, игравших в этом театре. В качестве актеров выступали также подьячие, мастеровые, фабричные, переплетчики. Театр размещался под открытым небом: «близ Мойки», за Малой Морской улицей (ныне улица Гоголя), на Брумбергской площади, называвшейся так по имени владельца лесопильного завода голландского купца Брумберга.

Представления давались почти ежедневно, в четыре часа дня. Заплатив за вход небольшую сумму, каждый мог попасть на спектакли. В. И. Лукин, проявивший большой интерес к этому театру, рассказывал: «Народ толь великую жадность к нему показал, что, оставя другие свои забавы... ежедневно на оное зрелище сбирался. Играют тут охотники, из разных мест собранные, и между оными два-три есть довольно способностей имеющие, а склонность чрезмерную». «Недостатка не было и в благородных зрителях и зрительницах, стеснявших широкий партер своими шестиконными упряжками и богатыми колясками», — свидетельствовал академик Я. Штелин, побывавший не раз на этих представлениях. На подмостках всенародного театра появлялись герои пьес Мольера, Гольберга, Детуша. Их диалоги частенько были совсем не похожи на французский оригинал: русские актеры привносили в спектакли веселый фарс, буффонаду. «На киятре балет выкидывают и ломаются», — рассказывали зрители. В исполнении народных актеров ставилась и пьеса Гольберга «Генрих и Перпилла», которую Фонвизин видел в придворном театре зимой 1759/60 года.

В русском придворном театре еще в 1763 году он побывал на трагедии Сумарокова «Синав и Трувор». «Представлена была прекрасно», — писал он сестре. Этот спектакль с участием Дмитревского пользовался огромным успехом. Главными действующими лицами

были полулегендарные варяжские князья, братья Рюрика — Синав и Трувор. Сюжет трагедии Сумароков построил в духе европейской классической драмы.

Синав и Трувор оказываются соперниками в любви к дочери Гостомысла Ильмене. Пользуясь своей властью, Синав изгоняет Трувора, после чего и Трувор и Ильмена кончают жизнь самоубийством. Синав потрясен этим и горько раскаивается. Он в ужасе, и ему кажется, будто он видит тень погибшего брата. Заключительный монолог Синава в исполнении Дмитревского производил на зрителей неизгладимое впечатление. Играя эту сцену, актер использовал смелый для того времени и вместе с тем очень простой прием. Произнося монолог, Дмитревский поднимался с кресла, на котором сидел, и вместе с ним отодвигался от рампы, как будто защищаясь от преследовавшей его тени брата. Заканчивая, он приподнимался на цыпочки, и это движение производило удивительное действие на зрителей, которые вместе с ним трепетали от ужаса.

«Синав и Трувор», бесспорно, один из самых замечательных спектаклей, которые в Петербурге видел Фонвизин. Он был знаком с репертуаром разных театральных трупп. Ему удавалось посещать даже так называемые «кавалерские спектакли». В них принимали участие высокопоставленные особы — придворные кавалеры и дамы. В балетных сценах выступали фрейлины, а среди кавалеров иногда оказывался и юный наследник престола Павел. «Будет кавалерская трагедия. Хочется и мне промыслить билет, да не знаю как», — писал Фонвизин сестре.

Несмотря на все трудности, сопряженные с получением билета, Фонвизин посещал «кавалерские спектакли». Бывал он и на итальянской опере, и на французской комедии. «Тюркаре», «Дух противоречия», «Женатый философ» — вот французские комедии, упоминаемые в письмах Фонвизина. Последняя из названных

пьес, написанная французским драматургом Ф. Детушем, пользовалась успехом у русской публики. Так, известный меценат П. Б. Шереметев в 1765 году поставил спектакль «Женатый философ», в котором играли «благородные» актеры-любители, в том числе дочери такого крупного вельможи, как Петр Григорьевич Чернышев. Когда Фонвизин спустя год посмотрел эту пьесу, он шутя заметил: «Играна была комедия «Женатый философ», которую смотрели великое множество женатых нефилософов».

Среди увиденных спектаклей Фонвизин называл и «русские комедии» — «Демокрит» и «Слепой видящий», переведенные на русский пьесы западных драматургов и только поэтому так называвшиеся. Почти весь комедийных репертуар русской труппы конца 1750-х — начала 1760-х годов состоял именно из переводных пьес. Ставились многие комедии Мольера: «Тартюф», «Скупой», «Школа мужей», «Скапиновы обманы», «Амфитрион», «Лекарь поневоле», «Принужденная женитьба». На русской сцене появлялись пьесы Реньяра, Мариво, Леграна и других французских драматургов или комедии Гольберга. Не всегда удачными оказывались эти переводы, но благодаря им русская публика XVIII века могла познакомиться с важнейшими произведениями европейского комедийного театра.

Перед театром середины XVIII века стояла важнейшая задача — создание национального репертуара. Сумароков лишь отчасти разрешил эту проблему. Его трагедии пользовались большим успехом и составляли основу репертуара русской труппы. Но высокий жанр трагедии требовал соответствующего настроя зрителей. Повседневная реальная жизнь не могла найти отражения в этом жанре. Возвышенный язык трагедии существенно отличался от обычной разговорной речи. Характерен в этом отношении анекдот о Сумарокове. Во время представления «Синава и Трувора» актер, играв-

ший Гостомысла, начал произносить фразу: «Наполнен наш живот (то есть жизнь. — *Н. К.*) премножеством сует». Не дав закончить эту фразу, выскочил гаер и «гаркнул» перед публикой: «Наполнен наш живот и щами и пирогами». Зрители захохотали, а присутствовавший якобы там Сумароков «сильно осерчал».

Смешение высокого и низкого, с точки зрения Сумарокова, было совершенно неприемлемо. И в теории, и в своей драматургической практике он резко разграничивал трагедию и комедию: высокий и низкий жанр, серьезное и смешное. Комедии Сумарокова оказались не так популярны, как его трагедии. Тем не менее это были первые оригинальные комедии, вошедшие в репертуар русской труппы: «Тресотиниус», «Третейный суд», «Ссора у мужа с женою», «Приданое обманом». В отличие от стихотворных трагедий комедии Сумарокова написаны прозой. Они небольшие по объему: эти «малые комедии» предназначались для постановки вслед за основной, серьезной пьесой для развлечения публики. Для первых комедий Сумарокова характерна ярко выраженная памфлетность. Драматург высмеивал здесь совершенно реальных конкретных лиц. Так, например, в глупом педанте Тресотиниусе (по-французски très sot — очень глупый) нетрудно узнать литературного противника Сумарокова — поэта В. К. Тредиаковского. В целом же характеры этих комедийных персонажей однолинейны: в каждом, как правило, подчеркивается одна главная черта. Эти характеры, при всей их памфлетности, не отличались национальной самобытностью: они обычно повторяли известные в европейской литературе типы персонажей: хвастливый воин, крючкотвор-подьячий, «любовники», то есть влюбленные, и так далее. Попытки других драматургов (М. М. Хераскова, А. А. Волкова) создать оригинальные русские комедии оказывались еще менее удачными.

Между тем именно комедийный жанр вызывал к себе все больший интерес публики, а переводные комедии часто были достаточно далеки от русской жизни.

В середине 1760-х годов в Петербурге выступила группа драматургов, которые стремились создать новый комедийный репертуар. Возглавил эту группу И. П. Елагин.

Обладая не очень крупным писательским даром, Елагин, однако, играл самую активную роль в литературной борьбе своего времени. Еще в 1750-е годы он выступил со стихотворной «Сатирой на петиметра и кокеток», открывшей бурную литературную полемику. И «Сатира» Елагина, и последовавшие за ней полемические стихи в XVIII веке не попали в печать: они распространялись в рукописном виде. Полемика возникла в связи с тем, что в 1750-е годы явственно обнаружились литературные расхождения между тремя крупнейшими поэтами того времени: Ломоносовым, Сумароковым и Тредиаковским. Между ними шли споры о правилах стихосложения и русского литературного языка, о стилевых принципах поэзии. «Сатира» Елагина во многом способствовала тому, что споры стали принимать все более личностный характер. Немалое значение при этом имела и борьба разных дворянских группировок. Елагин принадлежал к противникам И. И. Шувалова, известного своим пристрастием к французским модам и щегольству. Высмеивая «петиметра» (щеголя) и кокеток, Елагин явно стремился задеть Шувалова. Одновременно автор сатиры вступил и в литературный спор: он позволил себе сделать выпад против Ломоносова, иронизируя над его рифмой «Россия — Индúя». Ломоносову Елагин противопоставлял Сумарокова, называл его своим «благим учителем» и восхищался его поэзией. На защиту Ломоносова тотчас выступил один из его учеников, Н. Н. Поповский, написавший стихи «Возражение, или Превращенный петиметр». Елагин

был здесь назван «творцом негодныя и глупыя сатиры». В полемику начали вступать все новые авторы, и литературный спор стал приобретать характер откровенной перебранки.

Спустя несколько лет Елагин, недавний панегирист Сумарокова, существенно изменил свое отношение к драматургу и его творчеству. Этому, видимо, способствовало и последовавшее в 1761 году освобождение Сумарокова от должности директора российского театра. Он продолжал писать, пьесы его ставились, но он уже не был непререкаемым авторитетом в глазах молодых драматургов, образовавших так называемый елагинский кружок.

В кружок входили оба секретаря Елагина — Фонвизин и Лукин, приятель Фонвизина Федор Козловский, капитан Сухопутного шляхетного корпуса Богдан Ельчанинов. К комедийному творчеству Сумарокова участники кружка относились весьма критически. Другие русские литераторы, связанные с театром, по-прежнему занимались в основном только переводами комедий иностранных авторов. В елагинском кружке наметилось новое направление. Стремясь приблизить репертуар к русской жизни, молодые комедиографы стали переделывать тексты иностранных пьес, «склоняя» их на «русские нравы»: место действия переносили в Россию, давали героям русские имена, вводили некоторые черты русского быта. Как ни робки были еще эти попытки русификации театра, для своего времени они оказались важным подготовительным этапом в истории развития национальной драматургии.

В театральный сезон 1764/65 года в Петербурге зрители увидели многие из этих комедий, в том числе «Русский француз» Елагина — переделку пьесы Гольберга. В комедии высмеивалось подражание всему французскому. Елагин на русский лад изменил «знача-

щие» фамилии героев: Мягкосердов, Постоянин, Любимцев.

Фонвизин взялся за переделку пьесы Жана Грессе «Сидней». У Фонвизина комедия имеет другое название — «Корион». Корион — главный персонаж пьесы. Уединившись в деревне, он тоскует в разлуке со своей возлюбленной Зеновией и наконец хочет покончить с собой. Его расторопный слуга своевременно подменяет яд стаканом воды, и Корион счастливо соединяется с вернувшейся к нему Зеновией. Пьеса Грессе могла привлечь Фонвизина этой комической развязкой: конфликт, характерный для классицистической сумароковской трагедии, остроумно разрешался здесь в пародийном плане. Интересен и эпизодический персонаж комедии — друг Кориона Менандр. В его речах слышатся рассуждения, отчасти предваряющие слова фонвизинского Стародума:

Ты должен посвятить отечеству свой век,
Коль хочешь навсегда быть честный человек.

Стихотворный фонвизинский текст довольно близок к оригиналу, но есть и некоторые отступления. Стремясь русифицировать сочинение французского автора, Фонвизин перенес действие пьесы в подмосковную деревню, ввел упоминания о некоторых деталях русского быта XVIII века, слугу Кориона назвал Андреем. В фонвизинской пьесе есть несколько строк, посвященных Петербургу. Советуя своему барину покинуть деревню, Андрей говорит ему:

Не должно ль нам в Москву как можно поспешать?
Хоть сами вы себя немного приневольте!
Оттуда в Петербурх отправиться извольте,
Вам счастья своего недолго будет ждать,
Коль станете во всем вы знатным угождать:
Известны вам самим больших господ законы,
Что жалуют они нижайшие поклоны.

Даже эти скупые штрихи передают впечатления самого Фонвизина от столичной жизни. Часто бывая при дворе и в домах знатных вельмож, писатель насмотрелся на нравы «больших господ», окружавших себя подобострастными холуями.

Одним из комических персонажей фонвизинского «Кориона» выступает Крестьянин. Его речь намеренно уснащена диалектными формами: он говорит, пересыпая свою речь словечком «ста», «сто» и произнося «ц» вместо «ч» и «щ». Это создавало и своеобразный комический эффект, и русский колорит:

Платя-ста барину оброк в указны сроки,
Бывают-ста еще другие с нас оброки,
От коих уже мы погибли-сто вконец.
Нередко ездит к нам из города гонец,
И в город старосту с собою он таскает,
Которого-сто мир, сложившись, выкупает.
Слух есть, что сделан вновь в приказе приговор,
Чтоб цасце был такой во всем уезде сбор.
Не мало и того сбирается в народе,
Цем кланяемся мы поцасту воеводе,
К тому жа сборсцики драгуны ездят к нам
И без посцады бьют кнутами по спинам,
Коль денег-ста когда даем мы им немного.

В словах этих содержалась довольно горькая истина: бесконечные поборы вконец разоряли помещичьих крестьян, они нигде не могли найти защиты и жестоко наказывались за недоимки. Таким образом, рассказ Крестьянина, введенного Фонвизиным в веселую комедию, неожиданно, мимоходом затрагивал одну из самых мрачных сторон русской действительности той поры — крепостничество. Эта тема вскоре получит более глубокое развитие в русской журналистике и в более позднем творчестве самого драматурга.

Как же восприняли высокопоставленные читатели и зрители фонвизинского «Кориона»? Ведь эта пьеса, хотя и не была напечатана, несколько раз ставилась в

придворном театре. 10 ноября 1764 года на представлении этой пьесы присутствовал юный наследник престола Павел. В своих записках С. А. Порошин сообщает: «Ввечеру пошли мы в комедию. Комедия была русская: «Сидней», переводу г. Визина, в стихах... За ужиною разговаривали мы о комедии. Его высочеству (Павлу. — *Н. К.*) сегодняшнее зрелище понравилось, особливо понравился крестьянин». Одиннадцатилетнего наследника, видимо, потешала «цокающая» речь Крестьянина, на этом и основывался неожиданный успех пьесы при дворе.

Между тем, по свидетельству Лукина, «Корион» Фонвизина, «Русский француз» Елагина и пьеса Ельчанинова «Награжденная добродетель» «вытерпели жестокое нападение». «Хотя оное совсем неосновательно было, — писал Лукин, — однако многих поборников по себе имело. Словом, ничто не могло удержать ядовитой зависти, на них вооружавшейся: не только удовольствие многих зрителей, ниже благоволение, от двора оказанное». Признавая, что товарищи по кружку имеют бо́льше «способности и знания», чем он сам, Лукин выражал уверенность, что задетые критикой драматурги «всех неосновательных осуждателей, которые на них нападали, если захотят, без труда усмирить могут, ибо на правду слов мало надобно».

Принципам русификации иностранных пьес по-своему следовал и Владимир Игнатьевич Лукин. Особенно интересна его комедия «Мот, любовию исправленный» (1765), представлявшая собой уже не только переделку пьесы Детуша, но во многом совершенно самостоятельную разработку ее сюжета. «Принявшись за один с оным комиком характер, — писал Лукин, — надлежало мне удалиться от его содержания, сплетения, узла и развязки, дабы с ним ни в чем не повстречаться». По собственному признанию Лукина, «лица» комедии он старался «всевозможно сделать русскими». Изображая

главного героя Добросердова, промотавшего состояние, Лукин стремился использовать некоторые собственные наблюдения из жизни Петербурга. Пьеса интересна еще и тем, что здесь сочеталось смешное с серьезным. Эта «слезная комедия» относилась к жанру, решительно осуждавшемуся Сумароковым.

Лукин пробовал создать типы персонажей, связанные с русской действительностью. Так, в его пьесе изображен честный купец Правдолюбов. Как положительный герой показан и крепостной слуга Василий. Однако главным достоинством этого слуги оказывается его рабская преданность господину: когда Добросердов хочет освободить Василия от крепостной зависимости, тот отказывается покинуть своего барина. Были, правда, современники Лукина, которым образ слуги не нравился совсем по другой причине. «Подлый род», как они называли крепостных, вообще не заслуживал, по их мнению, сочувственного отношения. Комедия Лукина еще до премьеры вызывала самые разнообразные толки у петербургских театралов. 19 января 1765 года пьесу впервые поставили в придворном театре. Лукин так описывал поведение публики во время спектакля: «Началась комедия. Первое действие до конца прошумели, прокашляли, просморкали и табак пронюхали, а два главные русского языка ненавистники, Пустозвяков и Чужехватов, разносили по партеру прошлогодние ведомости, сказывая зрителям, что веселее их читать, нежели представляемый вздор слушать. Второе действие побудило зрителей ко вниманию, а в последующих была тишина, редко случающаяся».

Очевидно, на этом спектакле присутствовал и Денис Иванович Фонвизин, следивший со вниманием за опытами Елагина и Лукина по «склонению» иностранных пьес на русский лад.

Лукин пользовался каждым подходящим случаем, чтобы подчеркнуть свою ученическую зависимость от

Елагина. Посвящая ему свои «Сочинения и переводы», изданные в 1765 году, Лукин упомянул о слухе, приписывавшем некоторые его пьесы Елагину. «Сей слух,— писал Лукин, — несказанно меня обрадовал, польстив мне, что я, конечно, уже до того по нескольку достигнул, к чему все мои желания стремились; ибо сомнение зрителей уверяло меня, что в моем слоге виден учитель мой». Поощряемый Елагиным, Лукин в предисловии к своим комедиям допустил ряд откровенных выпадов против Сумарокова. Отстаивая принципы «склонения на русские нравы», Лукин высмеивал комедии Сумарокова, в которых герои носили иностранные имена и поступали по чужеземным обычаям. «В зрителе, прямое понятие имеющем, — писал Лукин, — к произведению скуки и сего довольно, если он однажды услышит, что русский подьячий, пришед в какой ни есть дом, будет спрашивать: «Здесь ли имеется квартира господина Оронта?» — «Здесь, — скажут ему, — да чего ж ты от него хочешь?» — «Свадебный написать контракт», — скажет в ответ подьячий. Сие вскрутит у знающего зрителя голову. В подлинной российской комедии имя Оронтово, старику данное, и написание брачного контракта подьячему вовсе не свойственно». Хотя автор и пьеса не были названы, театралы без труда могли понять, что речь здесь шла о комедии Сумарокова «Тресотиниус».

Можно представить, с каким негодованием отнесся к этому самолюбивый Сумароков. Но у него нашлись защитники.

Одним из них был петербургский талантливый писатель и драматург Яков Борисович Княжнин. Княжнин выступал как продолжатель лучших традиций сумароковской драматургии. С Сумароковым его связывали и родственные узы: Княжнин женился на дочери Сумарокова. Отношение Елагина и его кружка к Сумарокову возмущало Княжнина. Ответом на нападки Лу-

кина явилась сатирическая поэма Княжнина «Бой стихотворцев». Княжнин здесь высмеивает прежде всего Елагина и Лукина, но заодно и весь литературный кружок, с которым был связан Фонвизин.

Полемист, по обычаям того времени, не постеснялся в бранных выражениях:

О Муза! нареки их, гордых, именами,
Что не стыдившися быть названы срамцами,
Для славы вечныя пошли во след скотин:
Учитель Лукина, фон Визин, сам Лукин,
Козловский разноглаз, Елчанин — сей друг верный...

Сатирик пускал в ход и насмешки над внешностью: Лукин «власы, как уголь, носит, — увы! и пудрить их не хочет никогда», а близорукий Фонвизин «помощи себе лорнета просит».

Вообще, несмотря на близорукость, глаза Фонвизина отличались необыкновенной живостью: «так ярки, что нельзя смотреть было», — записал П. А. Вяземский со слов современников.

Ответом полемисту было стихотворное «Дружеское увещание Княжнину», принадлежавшее, как предполагают, именно Фонвизину (это стихотворение так же, как и княжнинское, не появлялось в печати и распространялось лишь в списках).

Когда не можешь ты Пегаса оседлать,
Почто тебе на нем охота разъезжать? —

так начиналось это «Увещание». Впрочем, его автор выбрал самую общую форму для ответа, не касаясь никаких конкретных деталей и имен.

Выступая с сатирой против елагинского кружка и называя подряд Елагина, Лукина и Фонвизина, Княжнин, очевидно, не подозревал, что между ними уже появились серьезные внутренние разногласия.

В 1766 году Елагин был назначен директором придворного театра. Сбылись его давние честолюбивые

планы. В руках Елагина оказались все основные театральные дела: он составлял штат «всем к театрам и к камер- и к бальной музыке принадлежащим людям», он же ведал и репертуаром. Но программа елагинского кружка — «склонение на русские нравы» иностранных пьес — уже не могла удовлетворить Фонвизина, начинавшего поиски своего собственного пути в драматургии.

Давняя взаимная неприязнь Фонвизина и Лукина перешла в откровенную вражду. К служебным столкновениям присоединились и ссоры из-за авторского самолюбия: до Лукина как-то дошел фонвизинский «не весьма скромный отзыв о его пере». К 1766 году единого елагинского кружка уже не было, а Фонвизин и Лукин оказались скорее противниками, чем единомышленниками.

Общее направление фонвизинского творчества могло вызвать скорее сочувствие, чем осуждение со стороны оппозиционно настроенного Княжнина.

Прошло несколько лет, и Фонвизин с Княжниным стали «съезжаться в обществе». В 1770—1780-е годы оба писателя сотрудничали в одних и тех же журналах, занимая достаточно близкие литературно-общественные позиции. Полная независимость Фонвизина от елагинского кружка стала очевидна, когда появилась первая оригинальная комедия драматурга — «Бригадир».

«БРИГАДИР»

Из Петербурга Фонвизин время от времени ездил в Москву: навещал родных, а иногда приезжал по делам. В 1767 году императрица Екатерина II «соизволила предпринять отсутствие из Санкт-Петербурга»; февраль — апрель она провела в Москве, а затем отправилась в путешествие по Волге, с июня она находилась в Москве и лишь в январе 1768 года вернулась в Петербург. Будучи еще секретарем Елагина, Фонвизин состоял в свите государыни и тоже совершил длительную поездку в Москву, а затем, возможно, и по Волге.

Надолго покинуть Петербург в начале 1767 года собирался не только Денис Фонвизин, но и его брат Павел, служивший в это время в Иностранной коллегии. 23 января 1767 года он писал родителям: «Если б мне удалось ехать с Н. И. Паниным (главой Иностранной коллегии. — *Н. К.*), я б очень счастлив был, а если этого не сделается, то поеду или с вице-канцлером, или с коллегиею после государыни. Вчера поехала половина нашей коллегии, а другая поедет после». Здесь же Павел упоминал о хлопотах, связанных с отъездом. Братья Фонвизины должны были срочно распорядиться имуществом, остававшимся в Петербурге: что-то пришлось продавать, какую-то мебель (канапе, стулья,

кровати, шкаф и некоторые другие вещи) соглашались на время поставить у себя добрые знакомые.

Лето 1767 года было ознаменовано событием, взволновавшим многие умы и, несомненно, привлекшим к себе внимание Фонвизина. В июле в Москве торжественно открылась Комиссия о сочинении проекта нового Уложения. Речь шла о составлении нового законодательного свода. Уложение 1649 года в течение более столетия пополнялось новыми законами. Они нередко входили в противоречие со старыми. Отсутствие единого свода законов приводило к путанице в судопроизводстве, которой весьма ловко пользовались судейские чиновники. Идея упорядочения законодательства вызвала большое воодушевление русского общества. Для выработки проекта нового Уложения созвали депутатов от всех сословий, исключая лишь крепостное крестьянство. Императрица написала для комиссии «Наказ».

Современники и многие последующие читатели екатерининского «Наказа», знакомясь с этим документом, восхищались смелостью и даже свободомыслием содержавшихся в нем идей. Это были идеи Ш. Монтескье, Ч. Беккариа и других философов-просветителей. Неудивительно, что в похвалу Екатерине II раздался не только «голос обольщенного Вольтера» (Пушкин). Однако претворить наказ в действие императрица не торопилась...

Начались заседания комиссии, на которых депутаты обсуждали нужды и запросы разных сословий. Жаркие споры завязались между старой родовой знатью и представителями нового дворянства, выдвинувшегося из низов благодаря петровским реформам. Немало говорилось о правах и привилегиях дворянства по отношению к другим сословиям. Но поднимался вопрос и об обязанностях дворянина, о необходимости разработать систему воспитания и образования дворян. «Дети вырастают в невежестве и лености, — выступал один из дво-

рянских депутатов, — и не только становятся неспособными к службе, но и ни малейшего вида дворянского в жизни и поведении своем не имеют». Шла речь и о необходимости упорядочить судопроизводство, искоренить лихоимство и взяточничество чиновников. Духовенство и купечество стремились отстоять собственные привилегии, пытаясь также утвердить свои права на владение крепостными. Были, однако, и такие выступления, в которых депутаты смело высказывались о злоупотреблениях помещиков, о непомерно высоких оброках, о необходимости более гуманного отношения к крестьянам. Раздавались голоса против продажи крепостных без земли. Наконец, ставился вопрос о праве крестьян на владение землей. Народные интересы пытались защитить не только депутаты от государственных крестьян и однодворцев, но и некоторые дворянские депутаты, например такие замечательные люди, как депутат от Козловского дворянства Григорий Степанович Коробьин. При обсуждении вопроса о беглых крестьянах он называл основную причину их побегов — жестокость и деспотизм помещиков. Коробьин ратовал за то, чтобы ограничить власть помещиков над крестьянами, умело ссылаясь на декларации екатерининского «Наказа». Но большинство дворянских депутатов решительно отклоняло предложения, связанные с малейшим ограничением их прав и привилегий.

Дебаты шли еще полным ходом, когда императрица и вслед за ней вся комиссия прибыли в Петербург. Очевидно, в это время вернулся сюда и Фонвизин. Он, по-видимому, был хорошо осведомлен о работе комиссии, так как среди ее сотрудников оказалось немало его друзей и знакомых. Достаточно сказать, что близкий приятель Фонвизина Федор Козловский был одним из секретарей комиссии. В Петербурге ее заседания проходили в доме, находившемся на Невском проспекте,

на месте современного магазина «Пассаж» (Невский проспект, 48).

Сообщения о ходе заседаний печатались в прибавлениях к «Санкт-Петербургским ведомостям». В связи с начавшейся русско-турецкой войной работа комиссии прекратилась. Кардинальных перемен в законодательстве не наступило: их не хотело по существу большинство тех, в чьих руках была власть, — помещики, владельцы крестьянских душ. В начале 1769 года комиссию распустили. Смелые проекты предали забвению, и для некоторых депутатов важнейшим воспоминанием о комиссии остались золотые медали, которые им выдали во время ее деятельности. Правда, носить эти медали после роспуска комиссии решались уже очень немногие.

Отдельные вопросы, обсуждавшиеся на заседаниях комиссии, нашли отражение в комедии Фонвизина «Бригадир», над которой писатель работал в конце 1760-х годов. Около полугода, в конце 1768 года — начале 1769 года, Фонвизин опять провел в Москве, плодотворно занимаясь литературным трудом. «Перевел „Иосифа"... напечатал „Сиднея"; пишу стихи; дописал почти свою комедию», — сообщал писатель Елагину из Москвы, обращаясь к нему с просьбой отсрочить возвращение в Петербург. Речь шла здесь о поэме П.-Ж. Битобе «Иосиф» и о повести Ф.-Т. Арно «Сидней и Силли, или Благодеяние и благодарность», переведенных Фонвизиным с французского языка. Книга «Сидней и Силли» появилась в продаже в апреле 1769 года, и в некоторых экземплярах в конце повести читатель мог найти любопытное приложение — сатирическое «Послание к слугам моим». А упомянутая в письме к Елагину комедия — это и есть «Бригадир», привезенный Фонвизиным в Петербург в мае — июне 1769 года, — пьеса, которой было суждено знаменовать новый этап в истории русской драматургии.

Фонвизин создал первую оригинальную комедию, в которой отражались важнейшие стороны русской жизни. «Это в наших нравах первая комедия», — метко характеризовал «Бригадира» один из слушателей пьесы. Действующими лицами в пьесе стали современники Фонвизина, изображалось в ней обыденное, повседневное и вместе с тем характерное — иными словами, типическое. Используя опыт современной ему передовой французской драматургии (Дидро, Бомарше), Фонвизин стремился к тому, чтобы его герои жили на сцене, а не ораторствовали. В первой же ремарке автор подробно описывает сцену, которая должна открыться зрителям: «Театр представляет комнату, убранную по-деревенски. Бригадир, в сюртуке, ходит и курит табак. Сын его, в дезабилье, кобеняся, пьет чай. Советник, в казакине, смотрит в календарь. По другую сторону стоит столик с чайным прибором, подле которого сидит Советница в дезабилье и корнете (чепчике. — *Н. К.*) и, жеманяся, чай разливает. Бригадирша сидит одаль и чулок вяжет. Софья также сидит одаль и шьет в тамбуре» (на пяльцах. — *Н. К.*). Для драматурга важно, как одеты его герои, что они делают на сцене, как держат себя. В авторской ремарке отчасти намечается и характер персонажей: «кобенятся» и «жеманятся» Иванушка и Советница, как скоро выясняется, «родственные души», щеголи и поклонники всего французского.

С первых реплик определяются и отношения между персонажами. Бригадир (так назывался воинский чин пятого класса), Бригадирша и их сын Иванушка приезжают в деревню к Советнику (этот штатский чин соответствовал бригадирскому). Для нас особенно интересно упоминание о том, что семейство Бригадира посещает Советника по дороге из Петербурга домой, в свое поместье. Герои пьесы — это в недалеком прошлом столичные дворяне, и в обрисовке их нравов Фон-

визин мог использовать свои петербургские впечатления.

Иванушку собираются женить на Софье, дочери Советника, которая доводится падчерицей Советнице. Уже называется число, когда состоится свадьба, но менее всех радуются этому жених и невеста. Иван, побывавший в Париже, мечтает о жене, с которой мог бы говорить только по-французски. Софья считает Ивана дураком и любит другого человека — бедного дворянина Добролюбова, но не смеет перечить родителям. Между тем Иван все откровеннее выражает свои симпатии Советнице, которая им непрерывно восхищается, сам Бригадир также оказывается влюблен в Советницу, Советник же — в Бригадиршу. Следует несколько блестящих сцен: объяснение каждой пары, раскрывающее характер всех персонажей.

Перемежая речь французскими словами и фразами, Иван грубо бранит родителей за их невежество и тут же излагает свое кредо: «По моему мнению, кружева и блонды составляют голове наилучшее украшение. Педанты думают, что это вздор, и что надобно украшать голову снутри, а не снаружи. Какая пустота! Черт ли видит то, что скрыто, а наружное всяк видит». С энтузиазмом его поддерживает Советница, мечтательно рассказывающая о том, как она проводит поутру часа три у туалета, примеряя головные уборы.

Советник, по словам супруги, «прямая приказная строка». Ловко толкуя указы, он нажил «достаточек»; он «скуп и тверд» и при этом «ужасная ханжа»: «не пропускает ни обедни, ни завтрени и думает, что бог... за всенощною простит ему то, что днем наворовано». Советник зарится на деревеньки будущего зятя, его восхищает патологическая скупость и жадность Бригадирши. О своей «страсти» к ней Советник говорит витиевато, со ссылками на Святое писание. Недалекая,

простодушная Бригадирша не может понять этих речей, и происходит комический диалог:

Советник. Я грешу пред тобою, взирая на тебя оком...

Бригадирша. Да я на тебя смотрю и обем. Неужели это грешно?

Советник. Так-то грешно для меня, что если хочу я избавиться вечныя муки на том свете, то должен я на здешнем походить с одним глазом до последнего издыхания. Око мое меня соблазняет, и мне исткнуть его необходимо должно, для душевного спасения.

Бригадирша. Так ты и вправду, мой батюшка, глазок себе выколоть хочешь?

Когда же Советник наконец признается в любви и встает на колени, появляется Иван, в восхищении хохочет и аплодирует, но Бригадирша и тут ничего не может понять, пока ей не растолковывают, что Советник с ней «амурился».

Не менее нелепым оказывается и признание Бригадира Советнице. Предшественник грибоедовского Скалозуба, Бригадир выражается главным образом военными терминами: «Представь себе фортецию, которую хочет взять храбрый генерал. Что он тогда в себе чувствует? Точно то теперь и я. Я как храбрый полководец, а ты моя фортеция, которая как ни крепка, однако все брешу в нее сделать можно».

«Их любовь смешна, позорна и делает им бесчестие» — вот авторская точка зрения, высказанная устами положительного героя Добролюбова. Он приезжает с известием о том, что давняя тяжба решается в его пользу и значительно увеличит его состояние. Последнее обстоятельство заставляет Советника, только что узнавшего о любовных шашнях его жены с Иваном, видеть теперь в Добролюбове достойного жениха для Софьи.

Меркантильные соображения Советника не раз приходили на ум любящим родителям, выбиравшим женихов для своих дочерей. В воспоминаниях И. М. Долго-

рукова есть любопытная ссылка на фонвизинскую комедию: «Сверх многих диковинок, кои в женихе примечались постепенно, неприятно было и то, что он еще был только сержант гвардии (т. е. имел слишком небольшой чин. — *Н. К.)*, но 2000 душ все 2000 душ, и, по словам Фонвизина в «Бригадире», „какие к черту без них достоинства"».

Герои пьесы — это дворяне-помещики, корыстолюбивые, тупые, невежественные, но уверенные в своем превосходстве над всеми, кто занимает низкое по сравнению с ними положение на сословной лестнице. Крестьяне же в их представлении приравнены к рабочему скоту. Хозяйственная Бригадирша деловито осведомляется у Советницы: «Пожалуй, скажи мне, что у вас идет людям, застольное или деньгами? Свой ли овес едят лошади или купленный?» На это Советница презрительно отвечает: «Шутишь, радость. Я почему знаю, что ест вся эта скотина?» И Бригадир, и Советник преисполнены сознания своих достоинств. Когда Советник заводит речь о том, что у бога «все власы главы нашея изочтены суть», Бригадир самодовольно замечает: «Я не верю, чтоб волосы были у всех считаны. Не диво, что наши сочтены. Я — бригадир, и ежели у пяти классов волосов не считают, так у кого же и считать их ему? <...> Как можно подумать, что богу, который все знает, неизвестен будто наш табель о рангах?»

«Табель о рангах» была введена Петром I и в свое время имела прогрессивный характер, обеспечивая возможность людям незнатным достигнуть благодаря хорошей службе высоких чинов и даже потомственного дворянства. Однако многие дворяне ссылались на этот документ только для того, чтобы подчеркнуть собственное привилегированное положение, забывая о своих обязанностях.

Одной из важнейших тем фонвизинского «Бригадира» оказался вопрос о воспитании дворян. Иванушка,

в отличие от своего отца, получил модное по тем временам воспитание: его обучал французский кучер. В результате ученик оказался столь же невежествен, как и его учитель. Даже сам Бригадир рассуждает более здраво, чем его сын, когда между ними происходит следующий диалог:

Сын. Тело мое родилося в России, это правда; однако дух мой принадлежал короне французской.

Бригадир. Однако ты все-таки России больше обязан, нежели Франции. Вить в теле твоем гораздо больше связи, нежели в уме.

Сын. Вот, батюшка, теперь вы уже и льстить мне начинаете, когда увидели, что строгость вам не удалася.

Бригадир. Ну не прямой ли ты болван? Я тебя назвал дураком, а ты думаешь, что я льщу тебе: однако осел!

Проникшись презрением ко всему русскому, Иванушка «делает бесчестье» собственному отцу, который не без основания называет сына «негодницей». «Всему причиной воспитание» — так резюмирует эту тему Добролюбов.

В веселой и смешной комедии оказались затронуты самые острые и больные вопросы современной Фонвизину общественной жизни. Одно из основных социальных зол — лихоимство и взяточничество — воплощено драматургом в образе Советника. Он вспоминает, как «сам бывал судьею» и умел получать немалые доходы. «Виноватый, бывало, платит за вину свою, а правый за свою правду». Тут же Советник разъясняет, как ему удавалось любому решению придать вид законности: «Челобитчик толкует указ на один манер, то есть на свой, а наш брат, судья, для общей пользы, манеров на двадцать один указ толковать может». Бывший судья искренне недоумевает, как удалось Добролюбову честным путем выиграть свою тяжбу: «Как решить дело даром, за одно свое жалованье? Этого мы как родились и не слыхивали! Это против натуры человече-

ской...» По ходу пьесы выясняется, что Советник вынужден был выйти в отставку, когда появился указ о лихоимстве.

В XVIII веке неоднократно издавались указы против взяточничества. Манифест от 20 июля 1762 года гласил: «За долг себе вменяем непреложный и непременный объявить в народ с истинным сокрушением сердца нашего, что мы уже от давнего времени слышали довольно, а ныне и делом самым увидели, до какого степени в государстве нашем лихоимство возросло... Ищет ли кто места, платит, защищается ли кто от клеветы, обороняется деньгами; клевещет ли на кого кто, все происки свои хитрые подкрепляет дарами». Однако зло оставалось неискоренимым, и фонвизинский Добролюбов имел все основания говорить: «Корыстолюбие наших лихоимцев перешло все пределы. Кажется, что нет таких запрещений, которые их унять бы могли». Посвоему понимая эти слова, Советник подхватывает: «А я так всегда говорил, что взятки и запрещать невозможно». Эти слова звучали красноречивым ответом на высочайшие указы, остававшиеся в силе только на бумаге.

При всем том «Бригадир» — комедия оптимистическая, и конечно не только потому, что смешная и веселая. Фонвизин стремился показать кроме советников и бригадиров и других дворян, подлинно благородных — «новых людей», таких, как Добролюбов, Софья. Пусть очерчены они еще очень бегло, но в их репликах выражены мысли самого автора. Именно Добролюбову принадлежит высказывание о том, что «всему причиною воспитание» — одна из главных просветительских идей, убежденным приверженцем которой был Фонвизин.

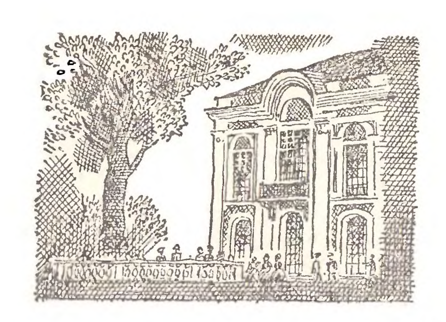
В «Бригадире» есть элементы комедии политической — это в полной мере позднее проявится в «Недоросле». Вместе с тем «Бригадир» во многом предваряет и художественные открытия Фонвизина — автора «Не-

доросля». Его герои — это типы, характерные именно для русской действительности.

Особенно интересен и важен образ Бригадирши — наиболее жизненный и полнокровный. Отвратительная своим скопидомством, вызывающая смех своей бестолковостью и глупостью, Бригадирша предстает перед зрителем и другой стороной, казалось бы, неожиданной в комедийном персонаже. В четвертом действии она выходит на сцену, отирая слезы. Из расспросов выясняется, что плачет она частенько, а причиной тому — грубый, жестокий нрав Бригадира, который и бранит и бьет жену по всякому поводу и без повода. Бригадирша — рачительная помещица, деловито распоряжающаяся «людьми», и она же — безропотная жертва домашней тирании, забитая женщина, способная посочувствовать и чужому горю. Сравнивая свое житье с судьбой других «офицерш», она вспоминает капитаншу Гвоздилову, которую хмельной муж избивал до полусмерти: «Ну, мы, наше сторона дело, а ино наплачешься, на нее глядя». Речь Бригадирши безыскусна и вместе с тем образна: пословицы, поговорки, просторечные выражения естественно и органично входят в ее язык, близкий народной речи.

Впоследствии Фонвизин признавался в том, что у Бригадирши был «живой подлинник» — мать девушки, которой писатель был увлечен в студенческие годы. Беседуя с этой женщиной, прослывшей по всей Москве «набитою дурою», будущий драматург вслушивался в ее речь, запоминая, чтобы спустя много лет воспроизвести ее характер с таким блеском в своей комедии. Самое же замечательное достижение Фонвизина в том, что Бригадирша — это не памфлетный образ, а типичный характер. «Бригадирша наша всем родня, никто сказать не может, что такую же Акулину Тимофеевну не имеет или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу» — так говорил Н. И. Панин.

ПУТЬ К ЗРИТЕЛЮ

Современники вначале знакомились с пьесой Фонвизина как слушатели, а не зрители. Собственно, происходило нечто вроде «театра одного актера» — сам автор читал пьесу мастерски, производя в слушателях «прегромкое хохотанье». Где же происходили эти чтения, кто на них присутствовал? Фонвизин упоминает, что, приехав в Петербург, читал свою пьесу А. И. Бибикову и Г. Г. Орлову.

Александру Ильичу Бибикову было в это время около сорока лет, он занимал видное положение: за участие в Семилетней войне он получил чин генерал-майора, а впоследствии стал генерал-аншефом. В Комиссии о сочинении проекта нового Уложения Бибиков был назначен маршалом, то есть фактически он возглавлял работу комиссии. К Фонвизину Бибиков относился дружески, и когда в начале 1770-х годов его послали в Варшаву с дипломатической миссией, он вел с Фонвизиным оживленную переписку. Кроме деловых вопросов, связанных со службой, Бибиков обращался к нему с просьбами личного характера, благодарил его за посещение домашних, оставшихся в Петербурге, и т. д. Дом Бибикова находился в Литейной части: его участок располагался по Воскресенской «поперешной» улице (ныне проспект Чернышевского) между Второй Артил-

лерийской (Сергиевской, ныне улица Чайковского) и Третьей Артиллерийской (Фурштадтской, ныне улица Петра Лаврова). Современный адрес: проспект Чернышевского, участок, занимаемый домами № 14 и 16. На Каменном острове Бибиков имел дачу, где летом часто устраивались празднества.

Фонвизина сближали с семьей Бибиковых и литературно-театральные интересы. Братья и сестры Бибикова принимали участие в «кавалерских спектаклях». Особенно выделялся среди них младший брат — Василий Ильич. Он выступал и как драматург. Его комедия «Лихоимец» с успехом ставилась в Петербурге в середине 1760-х годов. В этой пьесе высмеивался корыстолюбивый судья, причем сюжет основывался на каком-то истинном происшествии, хорошо известном современникам. В декабре 1765 года В. И. Бибикова назначили директором русского театра.

Со своей комедией Фонвизин познакомил и графа Григория Орлова, который несколько лет назад одобрил фонвизинский перевод «Альзиры». Восхищенный мастерским чтением «Бригадира», Орлов решил доставить развлечение и Екатерине II. «В самый Петров день, — рассказывает Фонвизин, — граф прислал ко мне спросить, еду ли я в Петергоф и если еду, то взял бы с собою мою комедию „Бригадира“».

Петров день, 29 июня, императрица обычно проводила в Петергофе, где праздновались именины наследника Павла Петровича. «Караул наряжался туда особый, по полной роте от каждого гвардейского полка... придворный штат увеличивался, — сообщает один из первых биографов Екатерины II. —Оное торжество отправлялось с великою пышностию». Петергоф был одной из любимых резиденций Екатерины: она тратила огромные суммы, чтобы придать петергофским дворцам и паркам как можно больше великолепия. Петергофские праздники дорого обходились государственной каз-

не. Даже подарки, щедро раздававшиеся Екатериной приближенным в Петров день, поражают своими масштабами: один вельможа получил пятьдесят тысяч рублей, другой — четыре тысячи душ крестьян.

В 1769 году праздник проходил, как всегда, торжественно и пышно. Фонвизин оказался в многолюдной толпе «знатных особ», прибывших на петергофский бал. Подошедший к нему граф Орлов коротко передал повеление императрицы явиться с комедией к ней в Эрмитаж.

Небольшое изящное здание петергофского Эрмитажа было построено еще при Петре I в 1722—1725 годах под руководством архитектора И. Браунштейна. В эту «хижину уединения», или «другой Монплезир», как называли Эрмитаж, Екатерина удалялась во время празднества с немногими самыми приближенными лицами. Сюда-то и пригласили Фонвизина для увеселения монархини и ее гостей. Очевидно, чтение «Бригадира» состоялось в парадном зале, богато украшенном картинами, закрывавшими все стены. Молодой автор сперва робел, но вскоре увлекся чтением и с блеском завершил его, вызвав всеобщее восхищение.

Возможно, что в этот памятный вечер Фонвизин, ободренный успехом, во всем блеске проявил свой актерский дар и умение подражать голосу и манерам любого знакомого человека. Как сообщает предание, в лицах он изобразил знатнейших вельмож, занятых спором за игрой в вист, «так искусно, будто сами тут находились». Фонвизин не побоялся передразнить таких важных персон, как генерал-прокурор А. А. Вяземский, вице-канцлер А. М. Голицын, И. И. Бецкой, ведавший воспитательными учреждениями.

О Фонвизине и его «Бригадире» молва разошлась по всему Петергофу. Особый интерес к молодому автору проявил Никита Иванович Панин, глава Иностранной коллегии, воспитатель наследника престола Павла.

Панин сразу сумел оценить замечательный талант Фонвизина, его смелость. Дня через три после чтения в Эрмитаже Панин встретил Фонвизина в Петергофском парке, поздравил его с успехом и предложил по возвращении в Петербург прийти во дворец и прочесть комедию Павлу.

Четырнадцатилетний великий князь доверительно относился к своему наставнику и охотно принял рекомендованного им «молодого человека отличных качеств и редких дарований». По предложению Панина Фонвизина тут же пригласили к обеду, после которого молодой драматург читал свою комедию в кругу немногих лиц, приближенных к наследнику. Павел и его воспитатель жили в Зимнем дворце. Здесь и состоялось новое чтение «Бригадира», имевшее не меньший успех, чем в петергофском Эрмитаже.

Комедию Фонвизина читали у Панина для его ближайших друзей. Брат Никиты Ивановича Петр Панин, восхищенный талантом драматурга, на следующий день пригласил его «обедать и читать комедию». Далее приглашения посыпались одно за другим: от А. С. Строганова, З. Г. и И. Г. Чернышевых, А. П. Шувалова, М. А. Румянцевой, Е. Б. Бутурлиной, А. К. Воронцовой.

Кто же были эти люди, первые свидетели славы бессмертного драматурга? Все они принадлежали к знатнейшему петербургскому обществу. Среди них были и истинные ценители «редкого таланта».

К этим последним принадлежал Александр Сергеевич Строганов, обер-камергер и член Иностранной коллегии. В 1769 году ему не исполнилось еще и сорока лет. Он успел повидать много стран: Германию, Швейцарию, Италию, Францию. Строганов, один из образованнейших людей, превосходно знал европейские языки, серьезно занимался собиранием книг и предметов искусства. Он был настоящим меценатом. В известной

уже нам Комиссии о сочинении проекта нового Уложения Строганов поднимал вопрос об устройстве школ для крестьян. В его доме часто собирались художники, писатели, музыканты. После смерти Строганова в 1811 году поэт К. Н. Батюшков писал о нем: «Был русский вельможа, остряк, чудак, но все это было приправлено редкой вещью — добрым сердцем».

Семейная жизнь Строганова не удалась. В 1756 году он женился на пятнадцатилетней красавице Анне Михайловне Воронцовой, дочери канцлера. За несколько лет до памятного чтения «Бригадира» у Строганова произошел в семье разлад. Одной из его причин явились политические споры. Анна Михайловна, как и ее отец, Михаил Ларионович Воронцов, оставалась убежденной сторонницей Петра III, и мужу не удавалось победить ее упорство. В 1764 году Анна Михайловна оставила дом супруга и вернулась к отцу. В начале 1769 года она скоропостижно скончалась. Оставшийся без хозяйки дом Строганова, однако, продолжал привлекать многочисленных гостей. Собственно, не дом, а дворец, прекрасно сохранившийся с частичными перестройками до наших дней на углу Невского и набережной Мойки (Невский, 17).

Этот великолепный дворец возведен в 1752—1754 годах по проекту Ф.-Б. Растрелли. Парадные залы, где и происходили торжественные обеды с приемом гостей, располагались во втором этаже. Двери с лестничной площадки открывались в большой пятиоконный зал, украшенный богатой лепкой. Славились находившиеся во дворце картинная галерея и «кабинет», занимавший шесть комнат, соединенных аркадами, без дверей. В этом замечательном для своего времени частном музее хранилось богатое собрание картин, эстампов, различных инструментов, анатомических препаратов, минералов (среди них особое внимание привлекал большой уральский малахит). В шкафах, соединенных прово-

лочной сеткой, стояли красиво переплетенные книги. Владелец охотно демонстрировал свои сокровища гостям. Можно полагать, что с собранием познакомился и Фонвизин, приглашенный для прочтения «Бригадира».

Впрочем, не исключена возможность, что это чтение состоялось в летнем доме Строганова, находившемся в Выборгской части, на правом берегу Невы. Трехэтажное здание строгановской дачи окружал английский парк. «Все порядочно одетые люди» могли иметь доступ в парк и принимать участие в устраивавшихся хозяином танцах, для которых было отведено специальное место на открытом воздухе. И. Георги писал об этом «месте для танцования»: «пятьдесят и более пар вдруг (то есть одновременно. — *Н. К.*) по хорошей музыке танцовать могут. Вокруг оного имеются палатки, в коих отдыхать, глядеть, трактирщиком угощаемым быть или с собою принесенные закуски снедать можно». Едва ли Фонвизин, познакомившись со Строгановым, не побывал на этих загородных праздниках, славившихся по всему Петербургу.

Одним из первых слушателей «Бригадира» был и Захар Григорьевич Чернышев, видный государственный деятель — генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии. Чернышев интересовался литературой и театром: в свое время он замолвил слово за Дмитревского; дружил с поэтом Василием Ивановичем Майковым и покровительствовал ему. При случае Чернышев мог проявить независимость. Однажды у него произошло столкновение с Григорием Потемкиным, после чего Чернышева и его подчиненных обошли при награждении. Чернышев тут же разорвал жемчужное ожерелье, подаренное его жене, и разделил между пострадавшими от его горячности. Жена Чернышева, Анна Родионовна, была родной сестрой жены П. И. Панина Марии Родионовны, так что Паниных и Чернышевых соединяли родственные отношения.

Захару Григорьевичу Чернышеву принадлежал участок, находившийся во Второй Адмиралтейской части между Конюшенной набережной (ныне набережная Мойки) и Офицерской улицей (ныне улица Декабристов). После смерти Чернышева (он умер в 1784 году) его дом перешел во владение принца Нассау, а в начале 1790-х годов его купила Военная коллегия.

Среди лиц, приглашавших читать «Бригадира», Фонвизин упомянул и младшего брата Захара Чернышева — Ивана Григорьевича. Возможно, визит к нему состоялся несколько позднее, так как в 1769 году И. Г. Чернышев вместе с женой находился в Англии в качестве русского посла. Трехэтажный дом Чернышева, где, очевидно, и происходило чтение «Бригадира», был выстроен в 1760-х годах по проекту архитектора Ж.-Б. Валлен-Деламота. Находился он на углу набережной Мойки и Вознесенского проспекта (ныне проспект Майорова), у Синего моста, на месте Мариинского дворца (здание Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета народных депутатов, Исаакиевская площадь, 6). При возведении Мариинского дворца по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера от первоначальной постройки сохранилась центральная часть, фундаменты и стены правого крыла (дома Чернышева). В XVIII веке перед домом располагался большой полукруглый двор, а за домом — обширный регулярный парк: аллеи с аккуратно подстриженными кустами, водоемы, цветочные партеры. Парадная лестница дворца была сделана из серо-белого мрамора, привезенного из Италии, причем каждая ступень — из целого куска. Эта лестница вела в комнаты, где хранились богатые коллекции Чернышева: книги, модели кораблей, морские карты, большая модель Адмиралтейства, копии римских статуй, картины, среди которых было «Святое семейство» Рафаэля (сейчас экспонируется в Государственном Эрмитаже). Побывавший в гостях

у Чернышева в 1777 году швейцарский ученый И. Бернулли не без основания назвал этот дом «одной из достопримечательностей Петербурга».

Возможно, Фонвизин приезжал и в «Александрино», на дачу И. Г. Чернышева, расположенную вдоль Петергофской дороги (проспект Стачек, 162). В начале 1770-х годов на этом участке Чернышев выстроил большой каменный дом. Над куполом, венчавшим здание, развевался флаг. Перед домом на террасе стояло около тридцати небольших пушек. Из этих пушек стреляли, когда императрица проезжала по Петергофской дороге. Выстрелами возвещались также часы завтрака, обеда и ужина. На участке находились другие строения: на острове, посреди пруда, «увеселительный дом»; деревянный «Эрмитаж», окруженный деревьями; многочисленные хозяйственные постройки, оранжереи.

Неудивительно, что среди первых слушателей «Бригадира» оказался и Андрей Петрович Шувалов, двоюродный племянник куратора университета И. И. Шувалова. Андрей Петрович был примерно одного возраста с Фонвизиным. Шувалов учился за границей, значительное время он находился в Париже, проявляя большой интерес к современной французской литературе. Он с большим увлечением читал сочинения Вольтера, а затем познакомился с ним лично; писал стихи на французском языке, снискавшие похвалу «фернейского мудреца». Для соотечественников Шувалова первостепенный интерес представляла его «Ода на смерть Ломоносова», написанная в 1765 году также по-французски. Восхваляя заслуги Ломоносова, Шувалов упоминал и о завистниках великого поэта, пытавшихся очернить его. Имена их он не назвал, но современники легко могли уловить содержавшийся здесь намек на И. П. Елагина, автора «Сатиры на петиметра и кокеток». В 1769 году Шувалов имел дом на Большой Мил-

лионной (ныне улица Халтурина), где, очевидно, и состоялось чтение «Бригадира».

Видимо, по рекомендации Н. И. Панина его родственница графиня Бутурлина тоже пригласила к себе Фонвизина для чтения комедии. Екатерине Борисовне Бутурлиной, похоронившей за два года до этой встречи своего мужа генерал-фельдмаршала Александра Борисовича Бутурлина, было уже в это время под семьдесят лет. Бутурлиным принадлежал большой участок во Второй Адмиралтейской части, на углу Адмиралтейской улицы (ныне улица Дзержинского) и набережной Мойки у Красного моста. В конце XVIII века дом Бутурлиных перешел во владение купчихи Кусовниковой. В 1793 году Музыкальное общество наняло помещение в этом доме для проведения концертов. В перестроенном виде дом сохранился до наших дней (дом № 18 на улице Дзержинского).

Анна Карловна Воронцова, вдова канцлера Михаила Ларионовича Воронцова, умершего в 1767 году, внимательно следила за новостями петербургских салонов и не преминула устроить и у себя чтение фонвизинской комедии. Воронцовой не было еще и пятидесяти. Искусством она по существу не интересовалась: больше всего ее всегда занимали наряды и придворные сплетни. Двоюродная сестра императрицы Елизаветы Петровны, Воронцова в былое время широко пользовалась влиянием при дворе, охотно занимаясь наушничеством и всевозможными интригами. В анналах высшего света осталось достойное воспоминание о Воронцовой: она ввела в употребление английское пиво. К счастью, далеко не все слушатели и слушательницы «Бригадира» были подобны Воронцовой.

Фонвизин выступал со своей комедией у Марии Андреевны Румянцевой, матери знаменитого фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского. Можно представить, с каким живым вниманием и интересом слушала

Фонвизина семидесятитрехлетняя Мария Андреевна. Она когда-то принимала участие еще в ассамблеях Петра I, очаровывая всех своим обхождением и изяществом в танцах. Она вышла замуж за Александра Ивановича Румянцева, любимого денщика Петра, и овдовела в 1749 году. Румянцева жила в Первой Адмиралтейской части, в доме, фасад которого выходил на Красный канал (впоследствии засыпанный), соединявший Неву и Мойку и проходивший вдоль Царицына луга (Марсова поля) параллельно Лебяжьему каналу. В 1817—1819 годах на месте этого и соседних домов по проекту В. П. Стасова построили здание казарм Павловского полка (ныне здание Ленэнерго — Марсово поле, 1). Среди очень немногих петербургских домовладельцев Румянцева имела собственную домовую церковь. В Московской части за Фонтанкой, которая считалась тогда границей города, у Обухова моста, «против измайловских светлиц» (то есть против слободы Измайловского полка), находился деревянный загородный дом, также принадлежавший Румянцевой.

Мария Андреевна Румянцева отличалась добротой и живым общительным характером. Когда ей было уже за восемьдесят, она еще посещала петербургские театры. Румянцева часто бывала во дворце, присутствовала там на обедах и ужинах. Один из современников, называя Румянцеву почти столетней (умерла она на девяносто шестом году), так ее описывал: «Разбитое параличом тело ее одно обличало старость; голова ее была полна жизни, ум блистал веселостью, воображение носило печать юности. Разговор ее был так интересен и поучителен, как хорошо написанная история». В стихотворении «На смерть графини Румянцевой» Г. Р. Державин писал:

...Она блистала
Умом, породой, красотой
И в старости любовь снискала
У всех любезною душой.

Среди первых слушателей и читателей «Бригадира» оказался, однако, человек, который, по-видимому, отнесся к пьесе более чем сдержанно. Это был не кто иной, как непосредственный начальник Фонвизина Иван Перфильевич Елагин. Именно он осуществлял в это время театральную цензуру, и пьеса могла быть напечатана только после его одобрения. Но печатать «Бригадира» Елагин не хотел. Шумный успех пьесы, написанной не по принятому в елагинском кружке принципу «склонения на наши нравы», мог только разжечь ревнивое недоброжелательство Елагина. Отношения Фонвизина с Елагиным давно уже стали напряженными, но тем не менее Елагин не хотел отпускать своего секретаря.

По долгу службы Фонвизин после петербургских триумфов последовал за Елагиным в Царское Село, куда вскоре переехала императрица со своими приближенными.

Ко времени царствования Екатерины II Царское Село стало «одним из первых увеселительных замков Европы». «Внутренность дворца, — сообщал И. Георги, составивший в 1793 году подробное описание Петербурга и его окрестностей, — учреждена с изящным великолепием в нижнем и верхнем этаже для императорских придворных особ и императорских гостей; средний же, или главный, этаж для ее императорского величества и императорского дому». Парадные комнаты среднего этажа поражали воображение гостей пышным убранством. После этих светлых, просторных помещений, украшенных «слишком богатой позолотой», комнаты верхнего и нижнего этажей казались очень темными. Несмотря на горящие здесь светильники, человек, попавший сюда прямо из императорских покоев, первое время шел почти ощупью, как в темноте. Во дворце среди прочих придворных особ, видимо, находился и Елагин со своим секретарем Денисом Фонвизиным.

Д. И. Фонвизин
С портрета К. Фогеля. 1785 год.

Фонвизин-гимназист встречается с Ломоносовым у И. И. Шувалова.
Гравюра Мультановского по рисунку В. Крюкова. 1893 год.

Невский проспект от Аничкова моста с домом И. И. Шувалова.
С картины неизвестного художника по рисунку М. И. Махаева (с дополнениями). Конец 1750-х годов.

М. В. Ломоносов.
Гравюра М. Шрейера по рисунку Х. Г. Шульце. Конец XVIII века.

И. И. Шувалов.
Гравюра Е. Л. Чемесова с портрета П. Г. Ротари.

Ф. Г. Волков.
Гравюра Е. П. Чемесова с портрета А. П. Лосенко.

Зимний деревянный дворец у Полицейского моста. XVIII век.

А. П. Сумароков.
Гравюра с портрета А. П. Лосенко.

А. Н. Радищев.
С портрета К. Гуна.

И. П. Елагин.
Гравюра И. Майра с портрета Вуаля.

Я. Б. Княжнин.
По рисунку Форопонтова.

Эрмитаж в Петергофе. →
Современный вид.

Петергофский дворец.
По рисунку М. И. Махаева. XVIII век.

Монплезир в Петергофе.
Гравюра С. Галактионова с картины С. Щедрина. XVIII век.

Фонвизин читает комедию «Бригадир».
Силуэтный рисунок неизвестного художника.

Невский поспект от реки Мойки с дворцом А. С. Строганова. →
Гравюра Г. А. Качалова по рисунку М. И. Махаева, исправленная и дополненная Е. Т. Внуковым. 1761 год.

Г. Г. Орлов.
Гравюра Е. П. Чемесова.

Дворец в Царском Селе.
Рисунок М. И. Махаева. 1761 год.

Н. И. Новиков.
Литография Шелковникова с портрета Д. Г. Левицкого.

Н. И. Панин.
Гравюра Ф. Алексеева с портрета А. Рослена.

П. И. Панин.
С портрета Ж.-М. Натье.

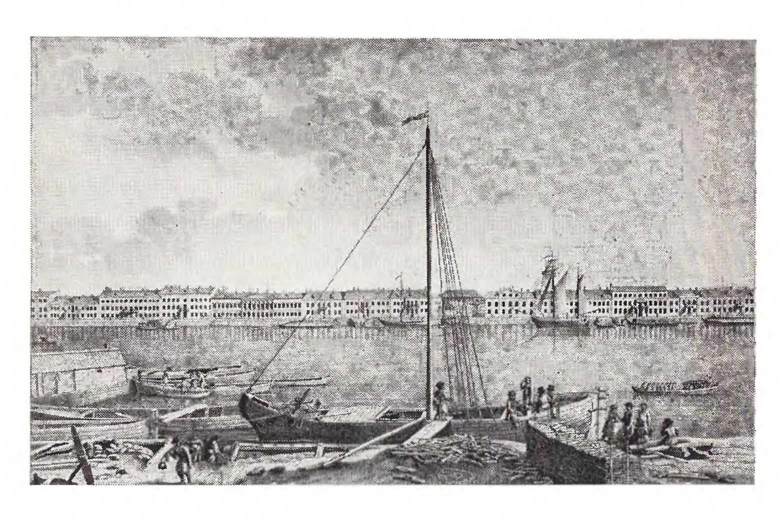

Д. И. Фонвизин и Е. И. Фонвизина.
Силуэты работы Ф. Сидо. 1782—1784 годы.

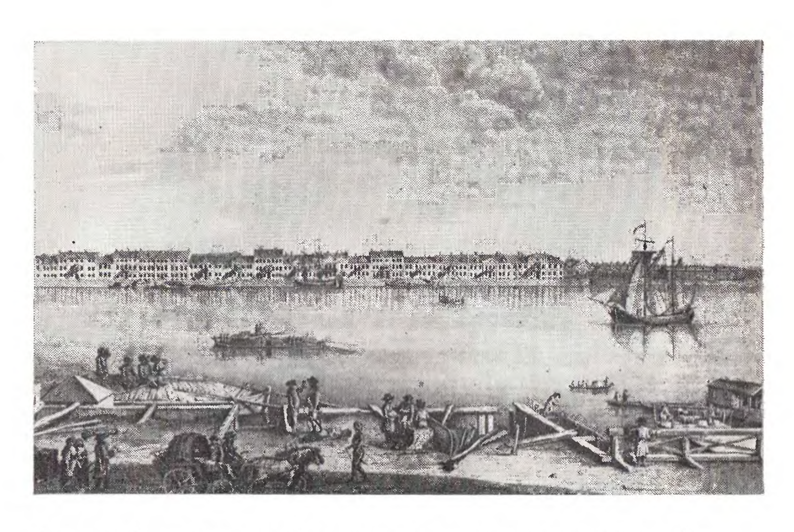
Новый Зимний дворец.
Гравюра А. Н. Бенуа по акварели XVIII века.

Дворец канцлера М. И. Воронцова (Пажеский корпус).
С гравюры начала XIX века.

Вид на Английскую набережную. Конец XVIII — начало XIX века.

Вид на Английскую набережную (продолжение панорамы).

Д. И. Фонвизин.
С портрета А.-Ш. Караффа.

Во всяком случае, позже драматург вспоминал, что, живя в Царском Селе, имел «особливую комнату», где можно спокойно работать, читать, переводить. По утрам Фонвизин совершал прогулки по Царскосельскому парку. Во время одной из таких прогулок он встретился с Григорием Николаевичем Тепловым.

Умный, предприимчивый человек и вместе с тем искусный царедворец, не гнушавшийся никакими средствами для достижения своих целей, Теплов в это время достиг уже высших почетных должностей. Так же как и Елагин, он был статс-секретарем императрицы, а с 1768 года стал сенатором. Теплов был не чужд литературных занятий: в 1760-е годы он сотрудничал в академическом журнале «Ежемесячные сочинения» в качестве автора статей, касавшихся вопросов эстетики и теории поэзии. Теплов издал несколько сочинений нравоучительно-философского характера, а также сборник русских песен, положенных на музыку им же самим, — «Между делом безделье».

Теплов заговорил с молодым драматургом и подобно другим пригласил его к себе читать «Бригадира». Возможно, чтение происходило тогда же в Царском Селе или позже — в Петербурге, в доме Теплова на набережной Фонтанки, «возле Аничковского мосту», а может быть, и на даче Теплова. На плане 1772 года его участок значился на двенадцатой версте по Петергофской дороге. В 1770-е годы Теплов развернул строительство новой дачи на Выборгской стороне, перешедшей затем во владение А. А. Безбородко (ныне Свердловская набережная, 40).

При встрече в Царском Селе Фонвизин говорил с Тепловым не только о комедии, но и о книге философа Самуэля Кларка, пытавшегося обосновать существование бога. Разговор, казалось бы исполненный благочестия, принял оборот, окрашенный явной иронией по от-

ношению к официальным служителям церкви. Теплов пересказывал:

«На сих днях случилось мне быть у одного приятеля, где видел я двух гвардии унтер-офицеров. Они имели между собою большое прение: один утверждал, другой отрицал бытие божие. Отрицающий кричал: «Нечего пустяки молоть; а бога нет!» Я вступился и спросил его: «Да кто тебе сказывал, что бога нет?» — «Петр Петрович Чебышев вчера на Гостином дворе», — отвечал он. «Нашел и место!» — сказал я».

Спустя несколько дней состоялся еще один разговор Фонвизина с Тепловым. Теперь речь шла о затруднениях, которые Фонвизин мог бы встретить со стороны церковной цензуры при переводах книги С. Кларка.

— Но неужели Синод делать будет мне нарочно затруднения в намерении толь невинном?

— Да разве не знаете вы, кто в Синоде обер-прокурор?

— Не знаю.

— Так знайте ж — Петр Петрович Чебышев.

Неудивительно, что русские «безбожники» XVIII века с особым интересом отнеслись к фонвизинской комедии. Еще незадолго до отъезда в Царское Село Фонвизина навестил его приятель Федор Козловский, сообщивший, что уже весь Петербург «наполнен» комедией и многие острые слова из нее «употребляются уже в беседах».

Драматургу было передано очередное приглашение к некоему графу ***, «погрязшему в сладострастии» и прикрывавшему свой цинизм поражавшими всех в то время заявлениями о неверии в бога. Биографы Фонвизина считают, что этот граф *** — Андрей Михайлович Ефимовский, известный вольтерьянец.

Много позднее, уже в XIX веке, М. А. Дмитриев с возмущением писал о Фонвизине: «Его „Бригадир“ наполнен текстами из таких источников, которые ныне

почитаются неприкосновенными!» Здесь явно имелись в виду сцены, когда ханжа-Советник пытался изъяснить свою любовь к Бригадирше с помощью текстов Священного писания.

Ходившие по Петербургу толки о Фонвизине и его комедии были разноречивы. Усиленные похвалы подогревали зависть ханжей, обвинявших автора в безбожии. К ним присоединились и те, которые могли увидеть самих себя в героях фонвизинской пьесы. Тем важнее для молодого драматурга оказалась поддержка Николая Ивановича Новикова, издателя сатирических журналов, замечательного деятеля русского Просвещения.

«ЕГО КОМЕДИЯ... РАЗУМНЫМИ ЛЮДЬМИ БЫЛА ПОХВАЛЯЕМА»

В одном из январских номеров «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1769 год появилось объявление: «Желающие иметь издаваемые ныне еженедельно сочинения под именем «Всякой всячины» могут оные получать в академической книжной лавке каждой недели в пятницу при раздаче «Ведомостей», платя за каждое такое сочинение по $1^1/_2$ копейки». Журнал «Всякая всячина» издавался под негласным руководством самой Екатерины II. Императрица решила обратиться к журналистике, чтобы направить общественное мнение в желательное для нее русло. Статьи «Всякой всячины», построенные в форме непринужденной шутливой болтовни с читателем, служили и для разъяснения политики Екатерины. Но результаты оказались для нее непредвиденными.

Петербургские литераторы воспользовались предпринятым опытом, чтобы выступить с собственными периодическими изданиями. С 1769 года один за другим стали выходить в Петербурге сатирические журналы: «И то и се», «Ни то ни се», «Поденщина», «Смесь», «Трутень», «Приятное с полезным», «Адская почта». Издавались журналы разными людьми и потому были очень разные по содержанию и характеру. Многие из этих изданий заняли позицию, независимую от офици-

альной «Всякой всячины». Между журналистами началась оживленная полемика. В этой литературной борьбе особую роль сыграли журналы, издававшиеся Николаем Ивановичем Новиковым: «Трутень», «Пустомеля», «Живописец», «Кошелек».

Новиков учился в Московском университете в одно время с Фонвизиным. В начале 1760-х годов, как и Фонвизин, он тоже поселился в Петербурге, служил в Измайловском полку и жил, очевидно, в полковых казармах (ныне район Красноармейских улиц). Позднее, в 1770-е годы, Новиков переехал на Васильевский остров. В 1767—1768 годах он был одним из секретарей Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. К сожалению, в сохранившихся письмах Фонвизина нет упоминаний о его встречах с Новиковым в Петербурге. Но встречи такие происходили.

Фонвизин, внимательно следивший за книжными новинками, видимо, нередко заходил к переплетчику Веге в дом асессора Саввы Яковлева на Большой Морской, «что прежде была Миллионная Луговая», или Малая Миллионная (ныне часть улицы Герцена, прилегающая к Дворцовой площади). Здесь продавались журналы, издававшиеся Новиковым: в 1769—1770 годы — «Трутень», в 1770-м — «Пустомеля». Последовавшие за ними «Живописец» (1772—1773) и «Кошелек» (1774) продавались у переплетчика К. В. Миллера в доме купца Т. Позднякова, находившемся на той же Большой Морской. Позднее свою лавку Миллер перевел в собственный каменный дом, находившийся на той же улице. Дома Позднякова и Миллера занимали участок современного здания Главного штаба. В июне 1769 года в лавках Веге и Миллера продавались комедии В. И. Лукина: «Задумчивый», «Тесть и зять», «Разумный вертопрах», едва ли прошедшие мимо внимания Фонвизина, следившего за литературной работой своего соперника. В сентябре 1769 года у Миллера по-

явилась в продаже небольшая книжечка «Рассуждение, удостоенное награждения от Академии Дижонской в 1750 году, на вопрос, предложенный сею Академиею, что восстановление наук и художеств способствовало ли ко исправлению нравов?». Так звучало название знаменитого трактата Ж.-Ж. Руссо, впервые переведенного на русский язык П. Потемкиным. Этот трактат вызвал самый широкий интерес в России. Среди русских почитателей Руссо оказался и Фонвизин.

Полемика, завязавшаяся между «Всякой всячиной» и «Трутнем», касалась вопроса сатиры, который, несомненно, интересовал Фонвизина. Во «Всякой всячине» печатались статьи, обосновывавшие принципы «улыбательной сатиры», то есть не затрагивавшей серьезные общественные злоупотребления и пороки. Новиковский «Трутень» решительно возражал против подобных принципов: «Многие слабой совести люди никогда не упоминают имя порока, не прибавив к оному человеколюбия». «По моему мнению, — продолжал свою мысль Новиков, — больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, который оным снисходит или (сказать по-русски) потакает». «Трутень» иронизировал над сатириками, которые не смеют затрагивать знатных бояр и боярынь: воровство называют преступлением, если речь идет о «маленьком человеке», пороком — если имеется в виду человек среднего состояния, если же приходится говорить о сильных мира сего — это только «слабость».

Новиков не побоялся затронуть в своем журнале и самый злободневный общественный вопрос — вопрос о положении крепостного крестьянства. В «Трутне» были помещены статьи, имитирующие подлинные документы, — письма крестьян к помещику и помещичий указ. Жалобы крестьян на непосильные подати и притеснения оказываются бесполезны. «Сечь нещадно» —

вот основное решение, которое принимает помещик по всем вопросам.

Проблемы, обсуждавшиеся на страницах «Трутня», волновали и Фонвизина. Вполне закономерно, что Новиков и Фонвизин стали единомышленниками, соратниками в идейной борьбе.

В августовском номере «Трутня» за 1769 год публиковались любопытные «Ведомости с Парнаса». Здесь сообщалось об огорчениях «славных стихотворцев, обезображенных худыми переводами». Желая утешить Мельпомену и Талию (музы трагедии и комедии), бог поэзии Аполлон показал «новую русскую комедию ***, сочиненную одним молодым писателем. Талия, прочитав оную, приняла на себя обыкновенный свой веселый вид и сказала Аполлону, что она сего автора со удовольствием признает своим законным сыном. Она и записала его имя в памятную книжку в число своих любимцев». Есть все основания полагать, что «молодой писатель» — не кто иной, как Денис Фонвизин, а «новая комедия» — «Бригадир».

«Трутень» прекратил свое существование в апреле 1770 года. В июне того же года Новиков предпринял издание нового журнала — «Пустомеля». В июльском выпуске этого журнала появилось фонвизинское «Послание к слугам». Имя автора осталось неназванным, но издатель воспользовался случаем здесь же сообщить об успехе, выпавшем на долю автора «Бригадира». «Его комедия ***, — писал о Фонвизине Новиков, — столько по справедливости разумными и знающими людьми была похваляема, что лучшего и Молиер во Франции своим комедиям не видал принятия и не желал; но я умолчу, дабы завистников не возбудить от сна, последним благоразумием на них наложенного».

Это упоминание о завистниках — отголосок полемики, которая еще продолжалась вокруг «Бригадира» в литературных и театральных кругах Петербурга. Коме-

дией восхищались, о ней спорили, но она еще не видела сцены! И только 19 августа 1772 года «Бригадира» наконец поставили в придворном театре в Царском Селе; играли в спектакле «придворные фрейлины и кавалеры». Приятель драматурга Я. И. Булгаков сообщал одному из своих знакомых 16 июня 1772 года, что к постановке готовились еще в июне. Здесь же упоминалось, что роль Советника должен играть сам Фонвизин, а Бригадира — Василий Ильич Бибиков. К сожалению, этот спектакль предназначался для очень узкого круга зрителей. Лишь через одиннадцать лет после чтения «Бригадира» в петербургских салонах он появился на сцене публичного театра. Исследователи называют датой этой постановки 27 декабря 1780 года — спектакль вольного российского театра Карла Книппера.

Однако это представление не было премьерой: с уверенностью можно говорить о том, что оно состоялось несколькими месяцами раньше — в сентябре или даже в августе. До нас дошел любопытнейший отклик на спектакль. В журнале «Санкт-Петербургский вестник» за сентябрь 1780 года была помещена эпиграмма:

Весьма веселую вчера играли драму,
Хотя смеялись все, но я приметил даму,
Котора смехом всех была раздражена:
В Советнице себя увидела она.

Эпиграмма служит вдвойне ценным свидетельством: она помогает уточнить датировку первого публичного представления «Бригадира» («вчера играли драму» — то есть в августе 1780 года или даже ранее) и дает представление о реакции зрителей на спектакль.

У автора становилось все больше друзей, поклонников его таланта, но и ряды врагов пополнялись «раздраженными дамами» и господами, узнававшими себя в персонажах Фонвизина. Тем не менее успех неизмен-

но сопутствовал постановкам комедии. Спустя еще семь лет, в «Драматическом словаре», изданном в 1787 году, говорилось о «Бригадире»: «Комедия, сочинение г. фон Визина, нравящаяся публике, часто представлялась на театрах как в Санкт-Петербурге, так и в Москве, завсегда к отменному удовольствию зрителей и не выходящая изо вкуса».

Общественно-литературному признанию Фонвизина во многом способствовали отклики на его пьесу в новиковских журналах. Не меньшее значение имела статья Новикова о Фонвизине в книге «Опыт исторического словаря о российских писателях». Изданная Новиковым в Петербурге в 1772 году, она представляет собой замечательное явление в истории нашей культуры. Здесь рассказывалось о жизни и творчестве русских писателей древнего периода, писателей недавнего прошлого и современников Новикова.

Словарь содержал довольно большую статью о Денисе Фонвизине и краткую справку о его младшем брате, тоже литераторе, — Павле. Автор словаря перечислил и кратко охарактеризовал оригинальные и переводные сочинения Дениса Ивановича Фонвизина. «Сей человек молодой, острый, довольно искусный в словесных науках, также в российском, французском, немецком и латинском языках», — сообщал Новиков. Далее говорилось, что Фонвизин «написал много острых и весьма хороших стихотворений», что «его проза чиста, приятна и текуща так, как и его стихи». Наконец, Новиков переходил к драматургической деятельности Фонвизина: «Он сочинил комедию «Бригадир и Бригадирша», в которой острые слова и замысловатые шутки рассыпаны на каждой странице. Сочинена она точно в наших нравах, характеры выдержаны очень хорошо, а завязка самая простая и естественная». Это была первая сжатая, но глубокая и содержательная оценка творчества Фонвизина, появившаяся в печати задолго до со-

здания бессмертного «Недоросля». Как бы предугадывая будущую славу Фонвизина, Новиков заключил свою статью словами: «Россия надеется увидеть в нем хорошего писателя».

В 1772 году Новиков приступил к изданию журнала «Живописец» (1772—1773), который явился достойным преемником «Трутня». В «Живописце» опубликовано одно из замечательных произведений русской литературы XVIII века — «Отрывок путешествия в *** И *** Т ***». «Отрывок» был напечатан анонимно, его приписывали и самому Новикову, и другим писателям. Ряд серьезных аргументов, и в частности свидетельство П. А. Радищева, сына писателя, позволяет многим исследователям считать автором этого сочинения А. Н. Радищева. Повествование здесь ведется от лица путешествующего дворянина, который проезжает через несколько деревень, встречая повсюду «бедность и рабство». В деревне Разоренной он посещает крестьянскую избу, поражающую его своей нищетой, встречает запуганных ребятишек, которые стремятся убежать при виде барина. Темы, затронутые в «Отрывке», получили дальнейшее развитие в революционной книге Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

В «Живописце» нашла своеобразное отражение и петербургская жизнь. Среди шутливых рубрик, под которыми Новиков печатал статьи, находим рубрику «Ведомости в Санкт-Петербурге. Из Гостиного двора». Автор рисует жанровую сценку, типичную для XVIII века. Знатные господа прогуливаются по Гостиному двору: «садятся в лавках беседовать; пересматривают все товары, какие только есть; разговаривают о нарядах и любовных делах; пересмехают всех проходящих, а между тем купцы теряют напрасно свое время. Посредственного состояния люди, видя в лавках знатных людей, из учтивости проходят мимо и не покупают нужного для своего употребления. Сии тягостные для хозяина

гости, просидев часа два в лавке, выходят, а купец принужден бывает часа три прибирать разбросанные товары, которые гостям своим показывал и из которых они ничего не купили».

В сатирических статьях, печатавшихся в «Живописце» и принадлежавших, по-видимому, преимущественно самому Новикову, объектом осмеяния служили невежественные и жестокие помещики, крепостники, пустоголовые модники и модницы, галломаны, презиравшие все отечественное. Типы, созданные в этих статьях, во многом соотносятся с фонвизинскими персонажами. В статье «Следствия худого воспитания» рассказывается о помещичьей семье, в которой не проходило почти дня, чтобы родители «между собою не дрались или бы людей на конюшне плетьми не секли». В другой статье речь идет о врагах науки, среди которых оказывается некий офицер по имени Худовоспитанник. «Моя наука вся, — говорит он, — в том состоит, чтобы уметь кричать: пали! коли! руби! — и быть строгу до чрезвычайности к своим подчиненным». Новиковский Худовоспитанник немало общего имеет с фонвизинским Бригадиром. Щеголихи, которых высмеивает «Живописец» за их исковерканную модную речь и пристрастие ко всему французскому, напоминают фонвизинскую Советницу. Подобные примеры нетрудно умножить.

Неудивительно, что Фонвизин оказался одним из сотрудников новиковского журнала. В «Живописце» были напечатаны два его перевода и «Слово на выздоровление Павла Петровича». Кроме того, по всей очевидности, он написал несколько сатирических «писем» специально для новиковского издания. Фонвизину не без основания приписывают анонимно напечатанные в «Живописце» «Письма к Фалалею». Это — мастерское произведение, написанное в форме писем провинциальных помещиков к своему сыну и племяннику Фалалею, находившемуся в Петербурге. Отец Фалалея, Трифон

Панкратьевич, отрешенный в свое время от дел за взятки, живет теперь в деревне, где нещадно сечет крестьян и учиняет непосильные для них поборы. «Да на что они крестьяне; — рассуждает он, — его такое и дело, что работай без отдыху». В письме Трифона Панкратьевича содержится интересный отклик на «Отрывок путешествия», опубликованный в одном из предыдущих номеров «Живописца». «Что за живописец такой у вас проявился? — пишет он сыну. — Изволит умничать, что мужики бедны. <...> Кабы я был большим боярином, так управил бы его в Сибирь». Остроумный литературный прием получает развитие в следующем письме к Фалалею. Трифон Панкратьевич обнаружил, что сын напечатал его письмо в «Живописце», в гневе он грозит приехать в Петербург и расправиться с Фалалеем. Отца с сыном пытается примирить мать Фалалея Акулина Сидоровна. Она нежна, ласкова к своему единственному Фалалеюшке, но эта любящая мать оказывается чудовищно жестокой по отношению к крепостным: «надсадясь» во время одной из очередных расправ, она тяжело заболевает.

В течение 1770-х годов вокруг Новикова объединяется широкий круг литераторов: давно получивший признание Михаил Матвеевич Херасков, начинающий молодой писатель Михаил Никитич Муравьев, Яков Борисович Княжнин. В этот круг вошел и Фонвизин, сотрудник и соратник Новикова. Встречи петербургских писателей часто происходили в гостеприимном доме М. М. Хераскова. М. Н. Муравьев упоминал, как на одном из таких вечеров он читал перевод «Федры». В тот день на дружеском ужине у Хераскова присутствовал и Фонвизин. Здесь находились также поэт и баснописец В. И. Майков, литератор А. В. Храповицкий, жена Хераскова Елизавета Васильевна, также писавшая стихи.

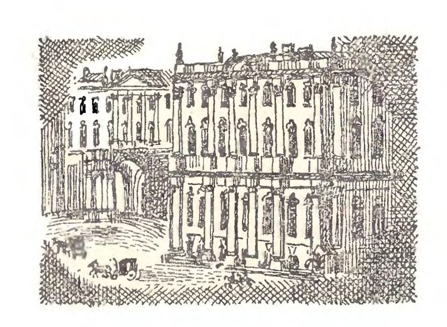
В последующие годы пути Новикова и Фонвизина

внешне как бы разошлись. Новиков вступил в масонское общество, в 1779 году переехал в Москву.

Масонство XVIII века — сложное идеологическое и культурное явление, связанное и с мистическими, и с нравственными исканиями. Некоторые масоны выдвигали в качестве важнейшей добродетели любовь к смерти, стремились в религии найти спасение от всех общественных и социальных бед. Другие, увлекшись алхимией, искали «философский камень», способный, по их мнению, нравственно возродить человека. Среди русских масонов XVIII века были люди, отличавшиеся высокими гуманными принципами, принимавшие активное участие в литературной жизни своего времени.

Новикова привлекали в масонстве идеи самосовершенствования, всеобщего братства, филантропической помощи обездоленным. Вместе с небольшим кружком своих приверженцев он организовывал училища для бедных детей и сирот, аптеки и больницы для неимущих, в неурожайный год собирал средства для обеспечения голодающих хлебом. Главным же делом Новикова стала его огромная книгоиздательская деятельность, расширение книжной торговли, распространение книг в разных городах России. Вся эта инициатива, независимая позиция Новикова и особенно связи московских масонов с наследником престола насторожили Екатерину II. Начались преследования новиковского кружка. По словам современников, «Екатерина II говаривала, что легче ей сладить с шведами и турками, чем с поручиком Новиковым».

В 1792 году Николая Ивановича Новикова объявили государственным преступником и заключили в Шлиссельбургскую крепость сроком на пятнадцать лет. Когда его при воцарении Павла освободили, Фонвизина уже не было в живых. Пушкин справедливо заметил, что только «чрезвычайная известность» Фонвизина спасла его от участи Новикова, Радищева, Княжнина.

СЛУЖБА ДИПЛОМАТА

В конце 1769 года Фонвизин оставил службу у Елагина и стал сотрудником, а вскоре и близким другом Никиты Ивановича Панина, одного из самых замечательных русских политических деятелей XVIII века.

Братья Панины, Никита и Петр, при императрице Елизавете Петровне занимали видные государственные посты. Старший из братьев, Никита Иванович, начал службу в качестве русского посланника в Дании, а затем в Швеции, где провел двенадцать лет. Вернувшись в Россию, он получил в 1761 году ответственное назначение: стал воспитателем цесаревича Павла Петровича. Павлу в это время было семь лет, его воспитателю — сорок три года.

Насколько серьезно отнесся Панин к своему делу, свидетельствует поданное им императрице «мнение» о воспитании будущего наследника престола. «Добрый государь, — писал Никита Иванович, — не имеет и не может иметь ни истинной пользы, ни истинной славы, разделенными от пользы и славы его народа. Воспитатель должен... предостерегать и не допускать ни делом, ни словами ничего такого, что хотя мало бы могло развратить те душевные способности к добродетелям, с которыми человек на свет происходит; а, напротив того,

приличными средствами так распространять, чтоб еще в детских хотениях у его высочества нечувствительно (то есть незаметно. — *Н. К.*) произрастала склонность и желание к добру и честности, претительность же к делам худым и честность повреждающим». Панин стремился внушить своему воспитаннику принципы гуманности, любовь и уважение к отечественной истории и культуре.

Но трудно было осуществить подобные замыслы при дворе матери Павла, Екатерины II, видевшей в сыне прежде всего соперника, претендента на престол. Да и царственный ребенок при всей его любви и уважении к воспитателю неизменно сознавал свое превосходство и нередко позволял себе грубовато подтрунивать над Паниным. Жил Панин во дворце, рядом с цесаревичем, вместе с ним завтракал, обедал и ужинал.

Зимний дворец, который начали возводить по проекту Ф.-Б. Растрелли еще в 1754 году, при Елизавете Петровне, строился почти целое десятилетие. Это одна из последних крупных построек Растрелли в Петербурге. Предшественник Фонвизина, замечательный русский сатирик Антиох Дмитриевич Кантемир писал о Растрелли в конце 1720-х годов: «Инвенции (то есть изобретения. — *Н. К.*) его в украшении великолепны, вид здания его казист, одним словом, может увеселиться око в том, что он построит».

Елизавета умерла в декабре 1761 года. и уже после ее смерти Петр III поселился в новом здании. При Петре отделка во дворце была еще не совсем закончена. «Кроме антикамер (передних комнат. — *Н. К.*) и зал, — пишет историк Петербурга П. Н. Петров, — все прочее было готово и окончено только в 1763 году, к возвращению Екатерины II с коронации».

В это же время шли работы по благоустройству той части города, где находился дворец. В 1760-е годы Дворцовую набережную облицевали гранитом. Одно-

временно предусматривалось развернуть вдоль набережной строительство каменных домов, достаточно высоких, то есть трех- или четырехэтажных. «Возвышение домов необходимо требуется, — говорилось в документах, — чтоб строение на Неве хотя мало соответствовало созидаемому, толь в свете великолепием, красотой и полезностию славному по сей реке каменному берегу». Рядом с Зимним дворцом в 1760—1780-е годы по проектам Ж.-Б. Валлен-Деламота и Ю. М. Фельтена возвели здания Малого Эрмитажа и Старого Эрмитажа (Дворцовая набережная, 34). Этот ансамбль завершался зданием Эрмитажного театра, построенного по проекту Дж. Кваренги в 1780-е годы (Дворцовая набережная, 32). Составлялись планы реконструкции и благоустройства Дворцовой площади, но осуществить их сразу не удалось. В 1760—1770-е годы площадь не имела еще четкой правильной формы. После суровой зимы 1772/73 года на площади соорудили своеобразные камины, «чтоб всякого звания люди, находясь на улицах, могли обогреваньем избавиться жестокости бываемых морозов». Эти камины представляли собой каменные беседки с железной кровлей. Перед дворцом в дни торжеств происходили парады с барабанным боем, выставлялись жареные быки и устраивались фонтаны из вина. К площади примыкал окружавший Адмиралтейство луг, на котором располагались балаганы, качели и зимой ледяные горы.

Здесь, на Дворцовой площади и набережной, гораздо чаще, чем раньше, стал бывать Фонвизин, перейдя на службу к Панину.

Комнаты воспитателя находились рядом с покоями Павла — в западной части второго этажа Зимнего дворца. Наследник имел свою «парадную залу», «учительную комнату», где стоял токарный станок, библиотеку с антресолями, столовую, опочивальню и несколько комнат для отдыха, в частности просторную «жел-

тую комнату», где цесаревич любил заниматься играми. Внутренняя отделка этих помещений отличалась богатой резьбой. В 1772 году в покоях Павла и Панина настлали новый узорный паркет из серого и черного дуба, ореха, красного дерева, пальмы и других ценных пород дерева. Комнаты Павла выходили окнами во двор, прямо против окон фрейлинских комнат, рано начавших привлекать внимание юного наследника престола. Его наставник, при всей своей добросовестности и благородных намерениях, не мог оградить воспитанника от влияния праздной и развращенной придворной среды, да и сам не всегда служил достойным примером: современники вспоминали и о таких чертах Панина, как женолюбие и гурманство.

Панин занимал еще один, не менее ответственный пост, постоянно требовавший немало забот и времени. По возвращении в Россию из Швеции он не прекращал своей деятельности на дипломатическом поприще, а с 1763 года стал возглавлять Иностранную коллегию. Это был опытный и талантливый дипломат. По мнению зарубежных послов, Панин «достойно занимал свой высокий пост и заслуживал безграничное доверие». Его безупречную честность и неподкупность отмечали многие. Даже враги и недоброжелатели признавали достоинства русского министра. Французский дипломат, недовольный политикой Панина, писал о его «лености», но в то же время сообщал интересные для нас подробности, характеризующие Панина: «В характере его замечательна тонкость... соединенная с тысячью приятных особенностей: она заставляет говорящего с ним о делах забывать, что он находится перед первым министром государыни; она может также заставить потерять из виду предмет посольства и осторожность, которую следует наблюдать в этом увлекательном и опасном разговоре».

Один из современников, отмечая удивительное обаяние Панина, писал о нем: «Он был с большими достоинствами, и что его более всего еще отличало — какая-то благородность во всех его поступках и в обращении ко всему внимательность, так что его нельзя было не любить и не почитать: он как будто к себе притягивал».

Панин был довольно высокого роста, несколько полноват, медлителен. «Его черты лица гладкие, красивые и ласковые», — заметил один из современников. Присущие Панину медлительность и «леность» вызывали подчас и шутки, и серьезные нарекания. Более чем сдержанно отзывалась о своем министре Екатерина: «Господин Панин, обладая многими дарованиями, имеет, однако, малодушное и слабое сердце. Он способен предаться всякому, кто льстит ему и ухаживает за ним». В этом суждении заметна немалая доля раздражения, которое вызывала у императрицы независимая позиция Панина.

Однако эта позиция была достаточно сложна и противоречива. Панин оставался опытным, искусным царедворцем. Политические идеалы братьев Паниных связывались с надеждами на создание аристократической группировки, правящей самостоятельно или направляющей действия «просвещенного» государя. Умеренность и ограниченность подобной программы очевидны. Вместе с тем оппозиционность Паниных по отношению к Екатерине II способствовала критическому осмыслению ее самодержавной политики.

Во время своей службы в Иностранной коллегии Фонвизин иногда обращался к Панину по некоторым делам. Но знакомство это было самым отдаленным, и только блестящее прочтение «Бригадира» в Петергофе в июне 1769 года обратило внимание Панина на талантливого и зоркого автора комедии. Никита Иванович стремился окружить себя людьми умными и до-

стойными доверия. Его решение пригласить Фонвизина к себе на службу пришло не скоропалительно. «Я приметил, — вспоминал позднее писатель о Панине, — что он в разговорах своих со мною старался узнать не только то, какие я имею знания, но и какие мои моральные правила».

Фонвизин стал одним из секретарей Панина, главы Иностранной коллегии. Его прежний секретарь, некий господин Козловский, ведавший самыми секретными делами, потерял доверие Панина и был уволен. Назначение на его место Фонвизина вызвало немало кривотолков в дипломатических кругах. Так, французский дипломат С.-А. Сабатье в январе 1770 года сообщал из Петербурга министру иностранных дел Франции герцогу Э. Шуазелю о замене Козловского Фонвизиным. Тут же Сабатье высказывал сомнение в способностях нового секретаря исполнять столь ответственную и сложную миссию и передавал слух о причине назначения: якобы Панин хотел облагодетельствовать человека, который служил шутом для него и его друзей.

Но выбор Панина вполне оправдал себя. Более двенадцати лет (до 1782 года) продолжалась служба Фонвизина на дипломатическом поприще, и из года в год лишь укреплялось к нему доверие Панина. Фонвизин скоро стал одним из самых близких и необходимых помощников министра. Естественно, что и жил секретарь рядом с Паниным, в Зимнем дворце. Очевидно, писатель поселился там в конце 1769 или самом начале 1770 года и жил там до лета 1773 года.

Фонвизин приобщился к дипломатической деятельности в один из сложных периодов русской истории. Пророческими оказались слова писателя: «История нашего века будет интересна для потомков. Сколько великих перемен! Сколько странных приключений! Сей век есть прямое поучение царям и подданным!»

Основанием для этих слов могли служить и события на международной арене, и положение дел при дворе Екатерины II. Умный и дальновидный политик, Н. И. Панин нередко оказывался в затруднительном положении, встречая противодействие со стороны самой императрицы. Екатерину раздражала независимость, с которой братья Панины излагали перед ней свои мнения или даже опровергали ее собственные.

Петр Панин был военным генералом и во время русско-турецкой войны командовал армией при взятии Бендер в 1770 году. Осада крепости затянулась из-за ряда стратегических ошибок и повлекла за собой много потерь. Несмотря на одержанную победу, Панин не получил желаемого им чина фельдмаршала. Гордый и самолюбивый генерал подал в отставку. Он жил в Москве и Подмосковье, но внимательно следил за политикой русского двора, подавая по временам дельные советы брату. Первостепенную роль при этом играл Фонвизин, который, будучи доверенным лицом Никиты Панина, вел оживленную переписку с Петром Паниным.

В этих письмах нашли отражение важнейшие вопросы внешней политики того времени. В начале 1770-х годов умы русских дипломатов занимала прежде всего русско-турецкая война, которая шла с 1769 года. Победы русских войск под предводительством П. А. Румянцева определили исход этой войны, но заключение мира с турками оказалось делом довольно сложным. Этому сильно препятствовали страны, заинтересованные в ослаблении русских сил: Австрия и особенно Франция, подстрекавшая Швецию к новой войне против России. Н. И. Панин прекрасно сознавал, что война с турками затянулась, что она напрасно изнуряет силы и необходим скорейший прочный мир.

Ответственная миссия мирных переговоров весной 1772 года была возложена на фаворита императрицы генерал-аншефа Г. Г. Орлова. Панин тревожился, как

бы столь важные переговоры не сорвались. И эти опасения разделял с ним Фонвизин: «Неужели бог столь немилосерд к своему созданию, — писал он брату Никиты Ивановича П. И. Панину, — чтоб от одной збалмошной головы проливалась еще кровь человеческая. Дело, однако ж, возможное». Переговоры затягивались, так как турки не соглашались на предлагаемые условия, возникали все новые и новые затруднения. Прошло больше года, а долгожданный мир все еще не был заключен. В письмах Фонвизина, касавшихся военных событий, звучала теперь уже горечь: «Для истинного блага отечества нашего мир необходимо нужен. Войну ведем не приносящую нам ни малейшей пользы, кроме пустой славы». Лишь в июле 1774 года война закончилась подписанием Кючук-Кайнарджийского мирного договора.

Успеху политики, проводившейся Паниным, в значительной степени способствовала деятельность Фонвизина. Фактически в руках секретаря находилась вся важнейшая международная корреспонденция. Он следил за всеми поступавшими в Иностранную коллегию доношениями и депешами, срочно переводил их и ответные послания Н. И. Панина. В дипломатических делах многое зависело от своевременности и точности перевода документов. В самые короткие сроки Фонвизину нередко приходилось выполнять переводческую работу огромного объема.

Работая рядом с Паниным, Фонвизин не стал простым исполнителем. Как ни велика была переводческая работа, она далеко не исчерпывала круг деятельности секретаря министра иностранных дел. Фонвизин вел деловую переписку с рядом дипломатов. К Фонвизину писали представители русских посольств в Варшаве (Я. И. Булгаков, К. Сальдерн и затем сменивший его О. М. Штакельберг), в Лондоне (А. С. Мусин-Пушкин), в Мадриде (С. С. Зиновьев), в Константинополе

(А. М. Обресков). Письма требовали своевременных и продуманных ответов.

Фонвизин обладал способностью быстро и глубоко улавливать суть дела в вопросах политики. Торопясь сообщить П. И. Панину важные новости и не имея возможности переслать копии соответствующих документов, Фонвизин писал: «Я нарочно выписал для вас то, что составляет существо сих депешей» (далее следовала краткая выписка). Нередко Фонвизин излагал собственное мнение по обсуждавшимся вопросам. Осторожно, ненавязчиво и вместе с тем убедительно секретарь подсказывал решение отдельных проблем политики Петру Ивановичу Панину, с мнением которого всегда считался его брат Никита Иванович.

Фонвизин принимал участие в многочисленных дипломатических встречах и приемах. «Беседа его была необыкновенно приятна и весела, и общество оживлялось его присутствием. <...> Он в высокой степени владел даром красноречия, и если когда ему хотелось чего-либо добиться, то бывало трудно противустоять его просьбе», — писал о Фонвизине один из современников, хорошо знавших его. Отмеченное качество, разумеется, не раз пригодилось Фонвизину-дипломату.

12 августа 1772 года в Петергофе ожидали прибытия посланника крымского хана — калги-султана Шагин-Гирея. Сан калги-султана считался самым высоким после хана у крымских татар. Шагин-Гирею оказали почетный прием; на его содержание назначили по сто рублей в день. Калга-султан приехал для решения важных политических проблем, касавшихся Крымской области. Речь шла об обеспечении ее независимости от Турции, о тех условиях, на которых Россия брала на себя обязательства защищать крымских татар от турок. До начала этих ответственных переговоров Шагин-Гирей потребовал, чтобы Панин первый сделал ему визит и чтобы во время аудиенции у императрицы ему было

позволено не снимать шапки. После настойчивых просьб калги-султана шапку не снимать ему разрешили, но от визита Панина ему пришлось отказаться.

На аудиенцию к императрице гость приехал в Большой Петергофский дворец. Прием состоялся по всем правилам. Сперва вице-канцлер А. М. Голицын доложил Екатерине о прибытии посла. По ее повелению калгу-султана со свитой ввели из галереи в приемный зал. Посла поддерживали под руки: с одной стороны — церемониймейстер, с другой — советник Бакунин, переводчик. В зале свиту остановили у самых дверей, а посол приблизился к императрице, три раза поклонился и произнес речь, тут же переведенную на русский язык. Екатерина милостиво внимала, но отвечал от ее имени вице-канцлер Голицын. Выслушав его, калга-султан вновь поклонился три раза и, не поворачиваясь спиной, стал медленно отступать к выходу, где к нему присоединилась ожидавшая свита. Визит Шагин-Гирея оказался одним из важных моментов в ходе переговоров России с крымскими татарами, приведших в 1774 году к признанию Турцией независимости Крыма.

Возможно, Фонвизин был на приеме в Большом дворце. Из документальных свидетельств «Камер-фурьерского журнала», отмечавшего все важные события при дворе, известно, что Денис Иванович Фонвизин принял участие в обеде, приготовленном для калги-султана в Монплезире, куда он направился после приема во дворце. Обед проходил по всем правилам этикета, в конце был подан кофе и шербет, и лишь в четвертом часу посланник отправился в Петербург.

По всей видимости, парадный обед проходил в Ассамблейном зале Монплезира, находящемся в правом крыле дворца.

Еще в 1748 году по проекту Ф.-Б. Растрелли бывшее кухонное помещение перестроили, превратив в парадный Ассамблейный зал. Его украсили шпалерами, на

которых были изображены картины из жизни народов Африки, Азии и Америки, отчего зал имел еще одно наименование — Арапский. Прекрасное местоположение Монплезира на берегу моря, окружающие его цветники и фонтаны придавали дворцу особую привлекательность. В жаркие дни императрица устраивала купания в сделанном при Монплезире бассейне; иногда, шутки ради, прямо в парадной одежде она заходила в море, а дамам и кавалерам из придворной свиты приходилось следовать за ней. Ведь Монплезир — это значит «мое удовольствие», а удовольствие должна была получать прежде всего сама императрица.

Прием посла, разумеется, не мог сопровождаться такой потехой, а для скромного служащего Иностранной коллегии Монплезир оставался местом службы, а не отдыха и развлечений.

Напряженная работа в Иностранной коллегии занимала у Фонвизина много времени и стоила ему здоровья: у Фонвизина участились головные боли, с юности мучившие его. «Я веду жизнь, — признавался он, — в некотором отношении хуже каторжных, ибо для сих последних назначены по крайней мере в календаре дни, в кои от публичных работ дается им свобода». Узнав об аресте по ложному обвинению дипломата Л. И. Маркова, Фонвизин с возмущением писал: «Поступок... с Марковым столь ужасен, что поднял бы дыбом волосы на голове моей, — и с неизменным юмором добавлял, — если бы не носил я парика, потеряв, по несчастию, волосы тому уже года с два». Фонвизин сообщал сестре, что «весьма скучает придворною жизнью». «Ты ведаешь, — писал он ей в одном из писем, — создан ли я для нее».

К служебным хлопотам и заботам присоединились личные горести. Еще во время длительного московского отпуска 1769 года Денис Иванович встретил замечательную женщину, покорившую и ум, и сердце писателя.

Она была замужем, скоро наступила неизбежная разлука. Но спустя много лет, на склоне жизни, Фонвизин вспоминал об этой женщине «пленяющего разума»: «Во все течение моей жизни по сей час сердце мое всегда было занято ею. Ибо страсть моя основана на почтении и не зависела от разности полов».

В отличие от Дениса брат его Павел был человеком часто увлекавшимся. В Петербурге он влюбился в некую Замятнину, и родственники, видимо не без причины, взволнованные его очередным увлечением, хотели хотя бы временно разлучить Павла с предметом его страсти. Заботиться пришлось опять-таки старшему брату. По его ходатайству в августе 1770 года Н. И. Панин отправил гвардии поручика Павла Фонвизина со срочными депешами к А. Г. Орлову, командовавшему в это время русским флотом на Средиземном море. Панин дал весьма благоприятную рекомендацию курьеру: «Он человек молодой и исполненный усердия и огня к службе». «Я в нем особенно интересуюсь, — прибавлял Панин, — по причине находящегося в моей канцелярии его брата. Всякую оказуемую к нему милость и призрение вашего сиятельства я, конечно, приму мне в собственное обязательство с чувствительною благодарностию». Эти слова красноречиво свидетельствовали о том, как ценил Панин своего секретаря.

Денис Фонвизин радовался, что младший брат «в совершенной безопасности и на пути к своему счастию». Сообщая сестре об отъезде Павла из Петербурга, Фонвизин шутливо писал: «Я думаю, что гречанки заставят его забыть россиянку. Его сердце в рассуждении нежной страсти на мое непохоже. Я верен, яко горлица.

Где я ни буду жить, доколе не увяну,
Дражайшую мою любить не перестану;
Но брата восхотел отселе удалить,
Чтоб мог он, удален, Замятнину забыть».

Пребывание Павла Фонвизина за границей затянулось. Спустя около года на пути из Ливорно в Дрезден он попал в дорожную катастрофу и сильно разбился. Узнав эту новость, Денис Фонвизин был «вне себя» от горя, расспрашивал курьеров, с нетерпением ждал известий от брата, мужественно скрывал все от родителей и сестры. К счастью, все обошлось благополучно, и после длительной болезни Павел в конце концов поправился.

У любимой сестры Фонвизина Федосьи Ивановны, жившей в Москве, были свои невзгоды. Ее муж, давний петербургский приятель Дениса Ивановича Василий Алексеевич Аргамаков, никак не мог найти подходящую службу; семья росла, и «несносный недостаток» ощущался все сильнее. Наконец летом 1773 года Аргамаков вновь приехал в Петербург, чтобы найти «место» с помощью Фонвизина. Но момент оказался самый неподходящий.

1772—1773 годы были годами острейшей политической борьбы, обнаружившей глубокое недовольство правительством Екатерины в самых разных сословиях и слоях населения. Не случайно именно на эти годы приходится подготовка и начало великой крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева. В сознании многих Екатерина II представала прежде всего незаконным узурпатором царской власти.

Среди участников переворота 28 июня 1762 года были люди, желавшие увидеть на троне не Екатерину, а Павла, юного и способного внимать мудрым советам. Именно такие идеи возникали и у братьев Паниных. Воспитывая наследника престола, Никита Панин надеялся, что скоро воцарится истинно просвещенный монарх. Время шло, и в 1772 году Павлу должно было исполниться восемнадцать лет: совершеннолетнему цесаревичу предстояло получить бразды правления.

Расчетливая Екатерина, не желавшая уступать

своей власти, отлично понимала создавшуюся угрозу. Воспитатель наследника Н. И. Панин, а вместе с ним и Фонвизин с нетерпением ждали момента, пугавшего императрицу.

Человек, воспитанный на просветительской философии XVIII века, автор «Бригадира», зорко видевший все общественные неустройства и смело выступавший против них, Фонвизин разделял и некоторые просветительские иллюзии. Он полагал, что с помощью правильного воспитания можно разрешить основные социальные проблемы, что из Павла можно вырастить доброго и справедливого государя, который воплотит в себе идеал просвещенного монарха, добровольно ограничивающего свою власть. Как бы ни были утопичны эти проекты, попытки их осуществить означали вступление в открытую борьбу с политикой Екатерины II.

Можно представить, сколько волнений в связи со всем этим вызвала серьезная болезнь Павла в 1771 году. Когда опасность миновала, Фонвизин написал «Слово на выздоровление Павла Петровича». Это произведение отнюдь не было панегириком члену царской семьи: проникнутое глубоким искренним чувством, оно явилось смелым политическим выступлением, обнаружившим оппозиционность писателя к правившей Екатерине. Говоря о Павле, Фонвизин рассуждал по существу об «истинном благе народа», «блаженстве россиян и в позднейшие времена», об избавлении их от погибели. «Любовь народа есть истинная слава государей» — вот одна из главных идей фонвизинского «Слова», звучавшего как наставление и урок царям.

Голос Фонвизина, выступавшего от имени своих сограждан, поддержали другие русские просветители. Не кто иной, как Н. И. Новиков, вновь напечатал «Слово» в 1772 году в журнале «Живописец», выделявшемся своей политической смелостью и остротой. Единодушие Фонвизина и Новикова проявилось в отношении

к самым насущным общественным проблемам (выступления против деспотизма и злоупотреблений крепостным правом).

Екатерина II изобрела оригинальный способ успокоить общественное мнение: торжества по случаю совершеннолетия Павла были отложены в связи с его предстоящей женитьбой, служившей одновременно благовидным предлогом для удаления от Павла его наставника Н. И. Панина. До нас дошло полулегендарное свидетельство декабриста М. А. Фонвизина, племянника писателя, о заговоре против Екатерины II, в котором якобы участвовал и Денис Иванович Фонвизин. Достоверность этого позднейшего свидетельства, не подкрепленного другими фактами, сомнительна, но тем не менее оно могло отразить воспоминание о крайнем возбуждении умов, о страстном ожидании политических перемен в 1772—1773 годах.

Летом 1773 года Фонвизин находился при дворе в Царском Селе. Секретарю Панина было не до отдыха: приходилось особенно внимательно вести дела, вникать в новые донесения, подготавливать хорошо обдуманные ответы. Каждое неосторожное слово могло повлечь за собой серьезные последствия: враги и недоброжелатели Панина надеялись, что после женитьбы Павла его воспитатель лишится и своей должности в коллегии.

...В это поистине жаркое для Фонвизина лето и приехал искать место в Петербурге его зять Аргамаков. При всей своей занятости Фонвизин сумел выкроить время и съездить с зятем в Петергоф к очередному фавориту Екатерины Александру Семеновичу Васильчикову. Как и следовало ожидать, визит оказался бесплодным. Васильчиков не отказал и даже просил генерал-прокурора А. А. Вяземского взять на службу Аргамакова. Но просьба, видимо, была не слишком настойчивой: желаемое место отдали другому претенденту.

Впрочем, и самого Фонвизина в это время занимали иные заботы.

Тучи сгущались над головой Панина, а рядом с ним по-прежнему стоял преданный помощник и друг Денис Иванович Фонвизин. Только с близким человеком, сестрой, мог поделиться он своими опасениями. «Мы очень в плачевном состоянии,—писал он ей летом 1773 года.—Все интриги и все струны настроены, чтоб графа (Панина. — *Н. К.*) отдалить от великого князя. <...> Все плохо, а последняя драка будет в сентябре, то есть брак его высочества, где мы судьбу нашу совершенно узнаем. <...> Развращенность здешнюю описывать излишне. — Ни в каком скаредном приказе нет таких стряпческих интриг, какие у нашего двора поминутно происходят, и все вертится над бедным моим графом. <...> Ужасное состояние. Я ничего у бога не прошу, как чтоб вынес меня с честию из этого ада».

Екатерина действовала весьма активно и под предлогом внутренней перестройки во дворце приказала Панину освободить занимавшиеся им комнаты во дворце. «Я, грешный, — сообщал Фонвизин, — получил повеление перебраться в канцлерский дом, а дела все отвезть в коллегию». Это ценное свидетельство дает нам возможность определить место жительства писателя: летом 1773 года после упомянутого распоряжения он переехал в канцлерский дом, то есть во дворец М. И. Воронцова.

Дворец бывшего канцлера Михаила Ларионовича Воронцова находился на Большой Садовой улице, против Гостиного двора. Эта замечательная постройка Ф.-Б. Растрелли сохранилась до наших дней (современный адрес: Садовая улица, 26).

Дворец был сооружен в 1749—1757 годах, вокруг располагался большой регулярный сад с бассейнами, фонтанами; ажурная чугунная ограда, выполненная по рисунку Растрелли, отделяла участок с площадью перед

домом от улицы. Внутреннее убранство также поражало своим великолепием: двойные лестницы были украшены зеркалами и статуями; росписи на потолках изображали сцены из античной мифологии, на стенах висели многочисленные картины.

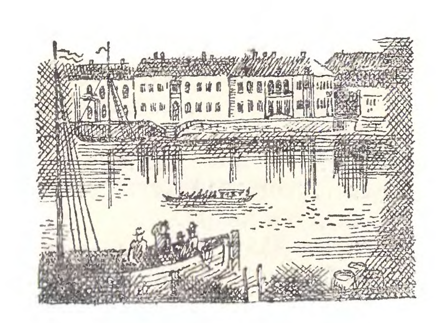
В этом дворце Фонвизину, вероятно, пришлось бывать еще в самые первые годы службы в Петербурге. В 1763-м — начале 1764 года, когда Фонвизин стал служить в Иностранной коллегии, ее возглавлял канцлер Михаил Ларионович Воронцов; в январе 1764 года он упоминался в числе сенаторов Санкт-Петербургского департамента.

Судьба Михаила Ларионовича, как большинства приближенных ко двору, была переменчива. Он стал канцлером еще в 1759 году при императрице Елизавете Петровне. Женитьба на Анне Скавронской, двоюродной сестре Елизаветы, давно упрочила положение Воронцова. В его доме часто устраивались праздники, балы с фейерверком и иллюминацией. Среди гостей присутствовали иностранные министры, а иногда и «высочайшие особы» — императрица Елизавета, затем сменивший ее на престоле Петр III. К воцарению Екатерины Воронцов отнесся более чем сдержанно: сперва он даже отказался присягнуть новой государыне, и за это его подвергли домашнему аресту. Впрочем, Михаил Ларионович оставался еще некоторое время на посту канцлера, но скоро вынужден был отойти от дел. Его роскошный дворец купила императрица; впоследствии, в XIX веке, здесь разместился Кадетский корпус. При Екатерине II во флигелях дворца жили служащие, связанные с дипломатическим миром. В главном корпусе происходили торжественные приемы и церемонии. В 1776 году в течение нескольких месяцев во дворце располагался со своей свитой почетный гость русского двора — принц Генрих, брат прусского короля Фридриха. Богатая меблировка, красивые плафоны, портреты римских

императоров, приобретенные Воронцовым в Италии, — все это видел и Фонвизин, поселившийся в 1773 году в канцлерском доме.

Покинув помещение во дворце, Н. И. Панин летом 1773 года, очевидно, находился в своем загородном доме. Его дача располагалась на возвышенном месте по Петергофской дороге, с левой стороны на пути в Петергоф, на двенадцатой версте от Петербурга, поблизости от дачи И. Г. Чернышева «Александрино». Дача Панина представляла собой деревянное строение, состоявшее из трех зданий, соединенных между собой колоннадами. Дом окружал обширный сад с теплицами, оранжереей, каналами, увеселительными домиками и беседками. Поблизости находилась финская деревня и небольшая русская каменная церковь.

По-видимому, нередко бывал здесь у Панина преданный ему секретарь, друг и советчик Денис Иванович Фонвизин, который в самый критический момент имел мужество написать: «Наблюдаю того только, чтоб жить и умереть честным человеком».

ДОМ НА ГАЛЕРНОЙ

Сентябрь 1773 года, ожидавшийся с такой тревогой, принес отрадные новости. Несмотря на все происки недоброжелателей, Н. И. Панина не отстранили от его должности в Иностранной коллегии.

Женитьба великого князя Павла состоялась, но его воспитателя отпустили от двора с почетом и щедрыми подарками. Очевидно, Екатерина слишком хорошо понимала, как велико влияние и авторитет Панина, какой нежелательный общественный резонанс может вызвать его устранение. «Быть ему шефом иностранного департамента» — вот первый и главный пункт среди оказанных Панину «милостей», включавших и сто тысяч «на заведение дома», и сервиз в пятьдесят тысяч, и придворный экипаж с ливреей, и даже провизию в погреб на целый год.

Для Фонвизина это тоже означало возможность продолжить службу в Иностранной коллегии. Признательный своему секретарю за верность в самые беспокойные, черные дни, Панин подарил ему часть полученных имений. Не были забыты Паниным и два других секретаря — П. В. Бакунин и Я. Я. Убри. Фонвизин стал состоятельным человеком — владельцем имений в Белоруссии с 1180 душами крестьян.

Императрица торжествовала, «очистив свой дом» от раздражавшего ее министра. Но перед ней оказался враг более страшный, более могущественный, чем любой из опальных вельмож, — Емельян Пугачев. Давно назревало недовольство широких масс крестьянства, доведенного до отчаяния усилением крепостнического гнета в годы правления Екатерины II. Тысячи крестьян, работных людей и уральских казаков примкнули к народному восстанию, возглавленному Пугачевым. Восстание вспыхнуло среди яицких казаков, скоро охватило весь Урал, Приуралье и Поволжье. Осенью 1773 года повстанцы овладели Оренбургом, в январе следующего года заняли Челябинск. Императрица скоро поняла серьезность нависшей угрозы, и для борьбы с пугачевщиной мобилизовала все силы.

Александр Ильич Бибиков принял командование армией, брошенной против повстанцев. Народное движение ширилось; в самых разных местах появились новые отряды, нередко действовавшие уже независимо от Пугачева. Они чинили суровый суд и расправу над ненавистными угнетателями. В январе 1774 года Бибиков писал Фонвизину: «Ведь не Пугачев важен, да важно всеобщее негодование». В апреле 1774 года Бибиков скоропостижно скончался в одном из татарских селений на берегу Камы. Впоследствии А. С. Пушкин писал, что это неожиданное известие поразило ужасом Петербург и Москву. Петр Панин счел своим долгом взяться за «почетную» миссию возглавить армию, действовавшую против войск Пугачева. Екатерина II признавала, что теперь своего «персонального оскорбителя», как она называла Петра Панина после конфликта с ним, «боясь Пугачева, выше всех смертных в империи, хвалит и возвышает». Новость о своем назначении П. И. Панин узнал прежде всего из письма Фонвизина.

В Симбирске произошла встреча П. И. Панина с пойманным и закованным в цепи Пугачевым, который

«смело и дерзновенно» отвечал царскому военачальнику. Народная песня о Пугачеве и Панине так передает их разговор:

«Скажи, скажи, Пугаченька Емельян Иваныч,
Много ли перевешал князей и боярей?» —
«Перевешал вашей братьи семьсот семи тысяч.
Спасибо тебе, Панин, что ты не попался:
Я бы чину-то прибавил, спину-то поправил,
На твою-то бы на шею варовинны возжи,
За твою-то бы услугу повыше подвесил».

Годы пугачевского движения (1773—1774) Фонвизин провел в Петербурге, внимательно следя за ходом событий. Как и многие другие русские просветители, Фонвизин осуждал деспотизм и критически оценивал деятельность Екатерины II, но стихийное народное восстание как форму борьбы он совершенно не принимал. Пугачев и в его глазах оставался опасным «злодеем».

Во время похода против пугачевских войск Панин продолжал вести оживленную переписку с Фонвизиным, который посылал ему газеты, книги. Среди книг была только что изданная в Петербурге «Сокращенная повесть о Стеньке Разине» А. П. Сумарокова. Получив ее в октябре 1774 года, П. И. Панин писал Фонвизину: Разин «весьма подобен своим злодеянием низложенному ныне мною врагу государства» (то есть Пугачеву).

В переписке П. И. Панина с Фонвизиным речь шла и о событиях личного характера. В 1774 году в жизни Фонвизина произошла важная перемена: он женился на Катерине Ивановне Хлоповой (урожденной Роговиковой).

Обстоятельства женитьбы Фонвизина были не совсем обычны. Катерина Ивановна была единственной дочерью богатого купца Ивана Роговикова. Рано ли-

шившись родителей, она воспитывалась в доме дяди. Он воспротивился, когда узнал о намерении молодого поручика Алексея Александровича Хлопова, адъютанта графа З. Г. Чернышева, жениться на Катерине Ивановне. Она убежала из дома дяди и обвенчалась с Хлоповым. Рассерженные родственники отказались выдать принадлежавшее ей наследство — около трехсот тысяч рублей.

Есть все основания полагать, что дядя Катерины Ивановны — это богач-откупщик «обер-директор» Семен Роговиков, получивший указом от 18 ноября 1766 года чин надворного советника. В 1767 году он умер, и опекунами его малолетних детей назначили И. П. Елагина и жену Роговикова Анну Яковлевну, видимо приходившуюся мачехой этим детям. Теперь у Катерины Ивановны появилось больше шансов получить законную долю своего наследства. Хлопов начал тяжбу против родственников его жены. В сентябре 1768 года Фонвизин сообщал из Петербурга родителям, что Хлопов подал на Роговикову государыне челобитную. Речь шла здесь о тяжбе не между мужем и женой, как это полагали некоторые биографы Фонвизина, а между Хлоповым, защищавшим интересы своей жены, и ее теткой — женой Семена Роговикова. Рассмотрение тяжбы императрица поручила З. Г. Чернышеву, Н. И. Панину и И. П. Елагину. Непосредственно заняться этим делом, естественно, пришлось секретарю Елагина, а затем Панина — Фонвизину. Денис Иванович вник во все обстоятельства и искренне хотел помочь обиженной стороне. Хлопова Фонвизин хорошо знал. Отец его жил в Москве по соседству с родителями Фонвизина. Известно также, что Хлопов бывал у Дмитревского и тот отзывался о нем как о «малом добром».

Несмотря на всю правоту дела Хлоповых, тяжба затянулась. В 1769 году Анна Яковлевна Роговикова вышла замуж за генерал-адъютанта Рогожина и «по сей

причине» просила освободить ее от опекунства над детьми Семёна Роговикова. Их опекунами теперь стали И. П. Елагин и Н. И. Панин. За это время муж Катерины Ивановны умер, и она оказалась в очень трудном положении: одна, без средств к существованию. Тем больше прилагал Фонвизин усилий, чтобы помочь вдове. По рассказам современников, один из вельмож, бывших на стороне Роговиковой, сказал однажды на заседании: «Охота верить показаниям Фонвизина, который хлопочет о выгодах своей любовницы!» Тогда Фонвизин, давно уже проникшийся сочувствием и симпатией к Катерине Ивановне, принял решение оградить ее честь от пересудов и жениться на ней. В октябре 1774 года она стала его невестой. Тяжбу выиграли наполовину: Катерина Ивановна получила часть денег из принадлежавшего ей наследства и дом на Галерной улице.

Братья Панины искренне радовались за Фонвизина. 31 октября 1774 года писатель сообщил о своей предполагавшейся женитьбе Петру Ивановичу Панину, находившемуся тогда в Симбирске. Панин отвечал на это письмо с некоторой витиеватой торжественностью, характерной для той эпохи: «За обращенное ко мне приятельское уважение уведомлением о предположении Вашем вступить в брачное сочетание с Катериною Ивановною Хлоповою благодарю я Вас всепокорно. Поздравляю как самих Вас, любезный приятель, так и через Вас же дорогую Вашу невесту вседушевно со оным между Вами любовным происшествием. Желаю всем сердцем, чтобы сей союз составил и на самый продолжительный срок обоюдное Ваше во всем наилучшее благосостояние, и удовольствие в том всеконечно будет моею совершенною радостию самое искреннее участие». 8 ноября Фонвизин уже сообщил Панину о состоявшемся бракосочетании, и Петр Иванович, поздравляя, просил уверить Катерину Ивановну в том, что

его «приятельская преданность и почтение» к Фонвизину будет «неразделяемо относиться» и к его супруге.

Родные Дениса Ивановича не сразу одобрили его выбор: ведь Катерина Ивановна принадлежала не к дворянскому, а к купеческому сословию. И отец, и сестра Федосья Ивановна высказывали свои сомнения, но решения своего Фонвизин не изменил. Пришлось применить и некоторую дипломатию: записочку сестры, в которой говорилось о ее «неверии», он разорвал, а письмо, в котором Федосья Ивановна желала счастья брату и его невесте, послал Катерине Ивановне. «Возвращаю Вам, дражайший Денис Иванович, — отвечала невеста Фонвизину, — письмо Вашей сестрицы. Уверяю Вас, что мне обещание дружбы ее очень приятно, что я все употреблю к снисканию ее любви и дружбы. Прошу поблагодарить от меня Василия Алексеевича (Аргамакова, мужа Федосьи Ивановны. — *Н. К.*) за его приписание и уверить его в моем почтении». Здесь же Катерина Ивановна просила Фонвизина приехать к ней во второй половине дня. Эта переписка Дениса Ивановича с невестой происходила в пределах Петербурга: письмо посылалось не по почте, а с нарочным, тотчас же привозившим и ответ.

Катерина Ивановна получила в наследство усадьбу, состоявшую, по обычаю того времени, из нескольких строений — жилых помещений и служб. Усадьба находилась на двух участках, располагавшихся в Первой Адмиралтейской части, в четвертом квартале, вдоль Крюкова канала. Эта часть канала впоследствии была засыпана при постройке Благовещенского моста (ныне мост Лейтенанта Шмидта). Один из участков занимал место между Галерной (затем Английской, ныне набережной Красного Флота) и Старой Исаакиевской (затем Галерной, ныне Красной) улицей «под номером двести тридесятым» (то есть 230). Сейчас здесь располагаются дома № 39 и 41 по Красной улице и дом

№ 38 по набережной Красного Флота. В XVIII веке этот участок был ограничен Крюковым каналом, а с другой стороны — «двором» английского купца Фомы Бонара. Здесь находилось два каменных жилых дома: дом побольше выходил на Неву, второй стоял за ним, на углу Старой Исаакиевской улицы и Крюкова канала. Другой участок располагался напротив: между Старой Исаакиевской улицей, Крюковым каналом и Адмиралтейским каналом (ныне канал Круштейна). Современный адрес примерно определяется так: дом № 1 по каналу Круштейна и площади Труда и дом № 26 по Красной улице, а также прилегающая к этому участку часть площади Труда. В 1977—1980 годах к дому № 26 по Красной улице пристроили новый большой флигель, выходящий на площадь Труда и создающий законченность этого архитектурного ансамбля.

На плане Петербурга 1790-х годов этот участок значится как принадлежащий наследникам умершего надворного советника Роговикова, то есть, по всей очевидности, Семена Роговикова, дяди Катерины Ивановны. На плане 1809 года здесь также указан «дом купцов Роговиковых». Можно полагать, что строения на этом участке полностью или частично также находились во владении Фонвизиных.

Как мы уже знаем, после смерти Семена Роговикова в 1767 году у него оставались малолетние дети. Среди знакомых Фонвизина 1780-х годов встречаем имя Петра Семеновича Роговикова, санкт-петербургского купца первой гильдии. Вполне очевидно, что это сын богача Семена Роговикова и, таким образом, двоюродный брат Катерины Ивановны. Петр Семенович Роговиков бывал у Фонвизиных, оставался у них обедать. Когда Катерина Ивановна продавала один из принадлежавших ей домов, Роговиков выступал в качестве свидетеля при совершении купчей. Не исключено, что и жили они по соседству: на том самом участке, кото-

рый располагался между Старой Исаакиевской улицей и Адмиралтейским каналом.

Тетка Катерины Ивановны, Анна Яковлевна, с которой у Фонвизина после тяжбы едва ли могли быть дружеские отношения, сохранила, по-видимому, в своем владении большой участок, находившийся в Третьей Адмиралтейской части и расположенный вдоль набережной Фонтанки, Вознесенской улицы (проспект Майорова) и Большой Садовой. На плане Петербурга 1790-х годов здесь значится дом «умершего директора Роговикова наследников».

Усадьба Фонвизиных была достаточно обширна, так что часть стоявших в ней домов Фонвизины могли сдавать внаем. Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что в 1782 году Катерина Ивановна Фонвизина заключала контракт о найме дома на Неве англичанами Кулем и Смолем, а стоявшего за ним дома — немецким булочником Иоганном Шульце. Спустя два года, в 1784 году, она отдала свой каменный дом на набережной в залог императорскому Воспитательному дому. Наконец, в ноябре 1789 года этот дом Фонвизина продала английскому купцу Руту. Соседний дом—другим владельцам. Таким образом, в этих домах Фонвизины могли жить только в первые годы своей совместной жизни. Если не с самого ее начала, то впоследствии они поселились, очевидно, в доме, который стоял на участке, выходившем на Адмиралтейский канал.

Место, где находилась усадьба Фонвизиных, было многолюдное и шумное. Эта часть города стала застраиваться в самые первые годы существования Петербурга. Вначале здесь стояли мазанковые дома. Постепенно на их месте появлялись каменные. В XVIII веке набережная Красного Флота называлась сперва Нижней, затем Галерной и Английской. Она вела к Галерной верфи, где стояли многочисленные суда и лодки. В петровское время дома строились по специальному проекту 1717

года, предусматривавшему определенный тип дома «для именитых»: двухэтажный дом в семь окон по фасаду. Но уже с 1730-х годов стали отступать от этого типа: возводились трехэтажные дома с бо́льшим количеством окон и разнообразными архитектурными украшениями. К 1770-м годам набережную сплошь застроили каменными домами. По свидетельству И. Г. Георги, «некоторые из них весьма великолепны, также у всех сих домов есть задние домы на Старую Исаакиевскую улицу». Значительную часть жителей составляли английские купцы. Здесь же, на набережной, находилась английская церковь, впоследствии перестроенная по проекту Дж. Кваренги (набережная Красного Флота, 56). На набережной причаливали барки с товарами, они разгружались и отсюда развозились по складам. Жителям это доставляло известные неудобства. Фонвизину не раз приходилось воевать с подрядчиками, которые ставили ворот для разгрузки барок прямо против его дома и портили мостовую. Хозяевам домов полагалось тогда мостить улицу «во всю длину своего двора до самой середины», а также следить за чистотой улицы.

Вместе с тем местоположение дома было удобно Фонвизину: усадьба находилась близко от Иностранной коллегии (ныне дом 32 по набережной Красного Флота), в которой он служил. Часть набережной, где располагалась коллегия, отделялась от участка Фонвизиных Крюковым каналом, впадавшим в Неву. Через канал был переброшен деревянный мост, называвшийся Нижним. В 1788 году по проекту И. Е. Старова здесь построили новый каменный мост, ставший одной из достопримечательностей Английской набережной. Издалека виднелись высокие каменные столбы моста. «Каждый такой четвероугольный столб, — сообщал И. Г. Георги, — имеет подножие из такого же камня в 4 фута кубических; величина оного составляет $2^1/_2$ сажени,

а поперешник без мала 4 фута. Столбы и подножия в середине пусты и содержат вороты, служащие к навертыванию цепей подъемного моста посредством ключа, совсем часовому подобному». При подъеме моста суда и баржи с лесом беспрепятственно могли выходить в Неву через Крюков канал, по которому они двигались из Новой Голландии. Этот остров, образованный между Мойкой, Крюковым и Адмиралтейским каналами (ныне каналом Круштейна), оказался удобным местом для хранения леса. В 1760-е годы вместо стоявших здесь деревянных сараев началось строительство новых каменных складов под руководством архитектора С. И. Чевакинского. В 1770-е годы в Новой Голландии по проекту Ж.-Б. Валлен-Деламота возвели монументальную арку, ставшую одним из замечательных архитектурных сооружений Петербурга.

За два десятилетия, которые Фонвизин прожил на Галерной, многое изменилось в этой части города. Каждодневный путь Фонвизина в Иностранную коллегию лежал по самым красивым местам Петербурга: Английской набережной, Исаакиевской площади, простиравшейся в то время до самой набережной. После того как в 1782 году установили памятник Петру I, часть этой площади стала называться Петровской (ныне площадь Декабристов). Здесь находилось еще старое, но по-своему величественное здание Сената с башней и церковью, за ними — Зимний дворец. Далее Фонвизин шел на Большую Морскую (ныне улица Герцена), где находился дом Н. И. Панина. Впоследствии этот дом перешел в собственность П. В. Завадовского (до наших дней он не сохранился). Сейчас участок занят домом № 20 по улице Герцена и домом № 65 по набережной Мойки.

На Луговой Миллионной и Большой Морской располагались и главные книжные лавки, куда, конечно, заглядывал Фонвизин. Он не мог не посетить лавку

Вейтбрехта на Большой Морской. Лавка находилась в доме купца Попова у Синего моста, то есть у Исаакиевской площади. В июле 1777 года в лавку Вейтбрехта поступила новинка — «Новопереведенная книга под титулом «Похвала Марку Аврелию», сочинения славного французского писателя г. Томаса» (Тома. — *Н. К.*). «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали об этой книге: «На российский язык перевел оную г. надворный советник Фонвизин, с особливою исправностию и чистотою языка, свойственною сему известному автору».

Обращение Фонвизина к произведению французского просветителя А. Тома не было случайно. Здесь писатель нашел мысли, близкие и созвучные его собственным. Программа просвещенного правления, развернутая в сочинении Тома, соотносилась с теми идеями, которые были высказаны Фонвизиным в «Слове на выздоровление Павла Петровича». «Вольность есть первое право человека,— читаем мы в фонвизинском переводе, — право повиноваться единым законам и кроме их ничего не бояться. Горе рабу, страшащемуся произносить ее имя! Горе той стране, где изречение его вменяется в преступление!»

Древнеримский император Марк Аврелий выступал в произведении Тома как идеал просвещенного монарха, любящего истину и готового к самопожертвованию ради блага подданных. Нетрудно представить, насколько далек был этот идеал от той действительности, которая окружала Фонвизина. Идеальный Марк Аврелий говорил себе: «Укрощу страсти мои, и из всех их ужаснейшую, ибо она есть и приятнейшая: укрощу сластолюбие».

Как далека была от этой стоической философии восседавшая на русском троне императрица, сластолюбие которой не имело границ. Сменявшие друг друга ее фавориты расточали государственную казну. Достаточно привести такой факт: Григорий Орлов в пору своего

фавора мог брать из всех императорских касс до 100 тысяч рублей. В Петербурге для Орлова возводилось великолепное здание «Мраморного дома» (Мраморный дворец, ныне Ленинградский филиал Центрального музея В. И. Ленина, ул. Халтурина, 5/1). Строительство, потребовавшее несметных сумм, шло за счет царской казны. Эта замечательная постройка, осуществлявшаяся по проекту А. Ринальди в 1768—1785 годах, восхищала жителей Петербурга изысканным сочетанием светло-серого гранита с розовато-серым и розовым мрамором. Каждая деталь отличалась роскошью убранства: бронзовые, позолоченные оконные рамы, зеркальные стекла в окнах. Для внутренней отделки также был использован натуральный мрамор. «Здание из благодарности» — такую надпись сделала Екатерина, собираясь дарить «Мраморный дом» своему отставленному фавориту Григорию Орлову. Он умер в 1783 году, не успев получить этого подарка. И. Бернулли, видевший этот дворец в 1777 году, когда строительство еще не совсем было закончено, заявил: «Это, без сомнения, красивейший дворец в Санкт-Петербурге, не исключая императорских, хотя уступает некоторым в размерах».

В 1770-е годы, когда возводилось это здание для фаворита, Фонвизин работал над переводом «Слова похвального Марку Аврелию», в котором есть рассуждение о «забавах»: «Если учение и дела занимать будут все мои часы, то забавы не найдут уже ни одного праздного из них на похищение себе». Помощь страждущим — вот лучшая и достойная «забава» идеального монарха.

Подобные рассуждения могли не понравиться многим власть имущим. Еще опаснее оказывались смелые шутки Фонвизина, задевавшие высокопоставленных лиц. Разнесся слух о том, что один «случай острого слова» в адрес Потемкина навлек на Фонвизина неприятности, в связи с чем он взял отпуск и отправился путешество-

вать по Европе. Мы не знаем всех причин, заставивших писателя предпринять это путешествие в 1777—1778 годах. Во всяком случае, немаловажным основанием послужила и болезнь Катерины Ивановны, которую Фонвизин хотел показать лучшим французским врачам. Поездка предстояла длительная, поэтому пришлось позаботиться об имуществе, оставлявшемся в Петербурге. «Покровительство всеми делами» Фонвизин просил взять на себя своего приятеля и сослуживца по Иностранной коллегии — Петра Васильевича Бакунина. Часть имущества передавалась на хранение Я. Я. Убри, одному из секретарей Н. И. Панина. Среди этих вещей был, в частности, большой сундук с книгами и довольно значительное собрание гравюр (в специально составленном реестре их значилось 67). Среди них были портреты французских актеров (в том числе портрет знаменитого трагика Лекена), пейзажи, изображения мифологических сцен.

Фонвизины покинули Петербург в августе 1777 года. Проехав Польшу, Германию и часть Франции, в ноябре они прибыли в Монпелье, где Катерина Ивановна проходила курс лечения. Весну и лето 1778 года путешественники провели в Париже и осенью возвратились домой, в Петербург. Но пребывание за границей не стало для Фонвизина отпуском в полном смысле этого слова. Для членов русских посольств, для зарубежных политических деятелей и дипломатов Фонвизин не был просто частным лицом: его знали в дипломатическом мире «по репутации»; он выступал как представитель Н. И. Панина, главы внешней политики России. В Варшаве русский посол с почетом встретил Фонвизина и его жену и постоянно оказывал им всяческие знаки внимания; в Мангейме Фонвизина милостиво принял курфюрст и вел с ним беседу полудипломатического характера. Этот визит, так же как и трехнедельное пребывание Фонвизина в Дрездене, имел не-

маловажные последствия. Именно в это время Россия принимала деятельное участие в мирном улаживании конфликта между Пруссией и Саксонией, связанного с территориальными притязаниями мангеймского курфюрста. Переговоры Фонвизина, по всей видимости, способствовали урегулированию этого вопроса. Во Франции Фонвизина пригласили в одно из парижских литературных обществ, где он встретился с замечательным деятелем американской революции В. Франклином.

Встреча происходила в самый разгар войны за независимость в Северной Америке. Несмотря на настойчивые обращения англичан к русскому правительству, Россия отказывалась помогать им в подавлении восставших американских колоний. Не кто иной, как Н. И. Панин, впоследствии явился инициатором политики «вооруженного нейтралитета», направленной против Англии. К этой политике, официально провозглашенной в 1780 году, примкнул ряд северных держав, что обеспечивало Америке возможность вести торговлю и срывало ее экономическую блокаду, задуманную Англией. В сложном деле подготовки и осуществления смелых политических замыслов Панина неизменным помощником выступал Фонвизин.

Находясь за границей, Фонвизин наблюдал европейскую жизнь и описывал свои впечатления в письмах, адресованных Н. И. и П. И. Паниным, сестре Федосье Ивановне и некоторым другим.

Письма Фонвизина представляют широкую картину жизни предреволюционной Франции. За внешним блеском французской аристократии писатель видит неприглядные стороны ее быта и нравов. Живо интересуясь театром, музеями, литературными новостями Франции, отдавая должное тому, что достойно похвалы, писатель замечает, что «при невероятном множестве способов к просвещению глубокое невежество весьма нередко». Превозносимая французами «вольность» на де-

ле оказывается «рабством», «ибо бедный человек не может снискивать своего пропитания иначе, как рабскою работою, а если захочет пользоваться драгоценною своею вольностию, то должен будет умереть с голоду». Нередко отзывы Фонвизина о французах поражают своей резкостью и категоричностью: он скептически отзывается даже о французских писателях и философах. За всем этим стоит давний спор Фонвизина с теми, кто привык говорить о Франции как о «земном рае».

Описывая Лион, Фонвизин тут же мысленно переносится в Петербург: «По берегу Роны построена линия каменных домов прекрасных и сделан каменный берег, но гораздо похуже петербургского. Сия ситуация делает его очень похожим на Петербург, тем наипаче, что Рона не много уже Невы». Оказывается, что лионские жители по внешности, обычаям и ухваткам очень напоминают петербуржцев, даже «по улицам кричат точно так, как у нас». Но вот Фонвизина поразило зрелище, которое не находит себе никакой аналогии: на центральной улице Лиона он видит большую группу людей с факелами, которые... опаливают свинью! «Подумай, — обращается Денис Иванович к сестре, — какое нашли место, и попустила ли б наша полиция среди Миллионной улицы опаливать свинью!»

Признавая, что во Франции есть много хорошего, писатель приходит к выводу, что в Петербурге жить несравненно лучше: «у нас все дороже; лучшее имеем отсюда втридорога, а живем в тысячу раз лучше». Сравнивая французский и русский уровни жизни, Фонвизин упоминает, в частности, о дороговизне дров во Франции. «Дрова здесь в сравнении нашего очень дороги: я за два камина плачу двадцать рублей в месяц, — сообщал он из Монпелье, — но со всем тем в Петербурге гораздо больше печей имея, больше еще на дрова тратил и не разорялся».

Не без гордости писатель рассказывал, как французы восхищались его петербургской теплой и нарядной одеждой: собольим сюртуком с золотыми петлями и кистями, горностаевой муфтой. Фонвизин относился с неизменной иронией и к показному шику (например, его поражают французские кружевные манжеты, пришитые к рубашке из дерюги), и к показному глубокомыслию и учености, основанным на тщеславии. Для сравнения на ум приходит опять-таки петербургский знакомый Фонвизина Александр Петрович Сумароков. «Помнишь, какого мнения был о себе наш Сумароков и что он о своих достоинствах говаривал? — делится Фонвизин с сестрой своими наблюдениями, неотъемлемыми от московских и петербургских воспоминаний.— Здесь все Сумароковы: разница только та, что здешние смешнее, потому что вид на них гораздо важнее».

Фонвизин далек от того, чтобы огульно бранить все чужеземное, превознося отечественное. Видя общественные неустройства во Франции, он с горечью вспоминает о тех же социальных бедах в России: «Здешние злоупотребления и грабежи, конечно, не меньше у нас случающихся. В рассуждении правосудия вижу я, что везде одним манером поступают.<...> Ни порода, ни наружные знаки почестей не препятствуют нимало снисходить до подлейших обманов, как скоро дело идет о малейшей корысти». Мнимая французская «свобода» оборачивается еще более тяжким гнетом, и понявший это сатирик пишет замечательные слова: «Если кто из молодых моих сограждан, имеющий здравый рассудок, вознегодует, видя в России злоупотребления и неустройства, и начнет в сердце своем от нее отчуждаться, то для обращения его на должную любовь к отечеству нет вернее способа, как скорее послать его во Францию. Здесь, конечно, узнает он самым опытом очень скоро, что все рассказы о здешнем совершенстве сущая ложь, что люди везде люди, что прямо умный и достойный

человек везде редок и что в нашем отечестве, как ни плохо иногда в нем бывает, можно, однако, быть столько же счастливому, сколько и во всякой другой земле».

В письмах Фонвизин продолжает вспоминать о России, о Петербурге, постоянно проводит параллели между своим и чужим, саркастически повторяя: «Славны бубны за горами!»

Можно представить, с какой радостью возвращался Фонвизин в Россию, в Петербург, в свой дом на Галерной. Из путешествия он привез новые книги, эстампы, портреты французских актеров.

В доме становилось все уютнее и красивее. Неизвестно, в какое время приобретена мебель для комнат, в которых жили Катерина Ивановна и Денис Иванович. Но сохранившийся реестр, сделанный самим Фонвизиным, помогает представить обстановку этого дома: скромное бюро простого дерева, обитое зеленым тонким сукном, комод красного дерева для бумаг, пюпитр для фолиантов, кресла в чехлах, круглый столик красного дерева, эстампы в золоченых рамах — вот, очевидно, кабинет писателя. Гостей принимали за большим столом красного дерева, рассчитанным на двадцать персон, после трапезы они могли перейти к карточным столикам, беседовать, сидя в кожаных креслах, на канапе или на соломенных стульях, слушать игру на стоявших здесь же клавикордах или на флейте. В спальне помещались большие кровати, обитые зеленой тафтой, комоды красного дерева для платья. Украшением комнат служили многочисленные зеркала в золоченых рамах. Особенно великолепно было самое большое зеркало в два с половиной аршина (то есть примерно метр восемьдесят сантиметров) и шириной семнадцать вершков (то есть около семидесяти пяти сантиметров). В шандалах, больших красивых подсвечниках, стоявших у зеркал, по вечерам зажигались свечи, отражаясь в зеркалах и наполняя комнаты мягким мерцающим светом...

Здесь, в этом доме, мирно и дружно жили Фонвизины. Детей они не имели. Однако в доме всегда было многолюдно. Хозяева радушно встречали гостей, обсуждали с ними петербургские новости, делились впечатлениями от прочитанных книг и виденных спектаклей, говорили об искусстве. 31 мая 1781 года М. Н. Муравьев писал сестре: «Вчерась был я еще в первый раз у Фонвизина, несмотря на то что давно был знаком ему и имел его позволение ходить к себе. И говорено об эстампах». В доме на Галерной продолжалась литературная работа писателя.

Вскоре после возвращения из путешествия, в мае 1779 года, он опубликовал в петербургском журнале «Академические известия» очередной перевод с французского — «Та-Гио, или Великая наука, заключающая в себе высокую китайскую философию», произведение, снова посвященное политической проблеме: речь шла здесь о взаимоотношениях государя и подданных. В это же время Фонвизин обращается к созданию комедии «Недоросль».

«НАРОДНАЯ КОМЕДИЯ»

Много споров среди исследователей вызывает так называемый «ранний» «Недоросль». Сохранилось несколько фрагментов разных редакций этой пьесы, напоминающей отдельные сцены бессмертной комедии. Можно провести параллели и между главными персонажами: Иванушка из «раннего» «Недоросля» — Митрофанушка; Улита Абакумовна — госпожа Простакова, Добромыслов — Стародум. Действие происходит в доме провинциальных помещиков — Аксена Михеича и его жены Улиты Абакумовны. Их сын Иванушка, двадцатилетний недоросль, все еще осваивает грамоту. Мать не чает в нем души и без конца закармливает его блинами. Отец безуспешно пытается заставить сына учиться.

Пьеса открывается сценой обучения Иванушки. Дается авторская ремарка: «Театр представляет комнату, в которой стоит стол, на столе тарелка с блинами и чашка с маслом. И за тем столом Улита учит Иванушку. Аксен по комнате ходит». Родители не могут сладить со своевольным и грубым Иваном. Когда отец, выйдя из себя, подымает трость на сына, тот с силой вырывает ее, и Аксен падает, а Улита получает сильный удар. В сохранившихся фрагментах из третьего действия следует несколько сцен, описывающих приезд гостей — дворянина Добромыслова с сыном Миловидом.

В одной из редакций говорится, что они возвращаются из Петербурга в свое имение, находящееся по соседству с деревней Аксена. В другой — вместо Петербурга упоминается Тверь. Не исключена возможность, что эта пьеса, достаточно слабая в художественном отношении, принадлежала какому-то автору, связанному с культурной жизнью Твери. Но не исключено, что это была переделка текста, автором которого все-таки был Фонвизин, только Фонвизин — не зрелый мастер, а начинающий драматург. Может быть, это действительно «ранний» «Недоросль», созданный еще в 1760-е или в начале 1770-х годов? Известная вероятность этого предположения заставляет со вниманием отнестись к «петербургскому» варианту пьесы.

Особый интерес в этой связи представляет образ сына Добромыслова, который назван в одной редакции Миловидом, в другой — просто — Мальчиком. В отличие от Иванушки Миловид прекрасно образован и давно уже находится на службе. Выясняется, что Миловид «уж выучился по-немецки, по-французски, по-итальянски, арифметику, геометрию, тригонометрию, фортификацию, архитектуру, историю, географию, танцевать, фейхтовать, манеж и на рапирах биться и еще множество наук окончил, а именно на разных инструментах музыкальных умеет играть».

Всем этим предметам в 1760-е годы обучали в Сухопутном шляхетном и Пажеском корпусах. Оба эти петербургские учебные заведения Фонвизин достаточно хорошо знал. В Пажеском корпусе, как мы помним, учился его младший брат Петруша. В Кадетском шляхетном получил образование Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов, двоюродный брат Фонвизина. «В кадетском саду видаю по воскресеньям братца А. М., — писал Денис Иванович летом 1766 года, — а чтоб лучше знать о их содержании, то был уж я не один раз при столе их». И жизнь, и быт петербургских кадетов хоро-

шо известны драматургу, и в образе маленького Миловида из «раннего» «Недоросля» могли отразиться некоторые черты, характерные для молодых дворян, учившихся в корпусе.

В пьесе есть и другие любопытные сведения о петербургской жизни той поры. Между Улитой и Мальчиком происходит следующий диалог:

Улита. Весело, мальчик, в Питере-то было?

Мальчик. Очень, сударыня, весело.

Улита. Как противу здешних мест?

Мальчик. Несравненно, сударыня, в рассуждении великолепного города, а здеся, сударыня, деревня.

Улита. Да и я во многих городах бывала, однако важного ничего в них не нашла, только людей больше.

Мальчик. Не то одно веселит, что шум от народа происходится, а лучшее удовольствие состоит в том, что частые собрания и обращение с благородными и разумными людьми.

Улита. А как же собрания у вас там бывают?

Мальчик. Комедии, маскарады, клобы.

Улита. Ахти мне, у вас и клопы в дела идут?

Мальчик. Конечно, так, сударыня. Там-то и научаемся разума.

Улита. Да что ж вы с клопами делаете?

Мальчик. Веселимся, играем концерты и тогда танцуем, а после ужинаем со всею компанией.

Улита. Ах! *(Плюет.)* Тьфу, тьфу, и кушаете их? Чего-то проклятые немцы да французы не затеют! Как же они танцуют? Разве дьявольским каким наваждением? У нас их пропасть, и нам от них, проклятых, покоя нет, да только ничего больше наши клопы не делают, как по стенам ползают да ночью нестерпимо кусают — только.

Вмешавшийся в разговор Добромыслов учтиво разъясняет Улите: «Он, сударыня, не про клопов говорит, а про клобы, о благородном собрании, где все съезжаются, веселятся и разговаривают и научаются, как жить в обществе, и то собрание называется клобом».

Приведенный отрывок для нас очень интересен: впечатления Мальчика о Петербурге, очевидно, близки первым впечатлениям Фонвизина, пораженного кра-

сотой «великолепного города». Автор «раннего» «Недоросля» упоминает об одном из новых развлечений образованной петербургской публики — посещении клубов.

И. Георги в «Описании Санкт-Петербурга» особую главу посвящает петербургским «клобам». «Клобы, — пишет Георги, — или определенные общества для обхождения, увеселения и отдохновения, учреждаются во всяком большом богатом городе, преисполненном людьми, работами угнетенными и имущими рассыпать мысли свои, такожде и праздными, ничем, кроме собственным своим увеселением, не занимающимися». Членом клуба мог стать только тот, кто принят большинством голосов. За право вступления в клуб платили вступительный взнос, а затем ежегодный. Каждый год избирались директора, которые следили за соблюдением установленных правил клуба. Среди этих правил, в частности, есть и такое: «Члены, которые впадают в подлые поступки или других ругают, выгоняются».

Известно, что Фонвизин состоял членом Музыкального клуба, основанного в Петербурге в 1772 году «некоторыми охотниками до музыки». Дважды в неделю устраивались концерты, а раз в месяц — бал или маскарад. В клубе можно было поужинать, провести время в приятной беседе, кое-кто играл в карты. Далеко не всегда удавалось свести доходы с расходами, и несколько раз Музыкальный клуб прерывал свою деятельность из-за финансовых затруднений. Однако приверженцы клуба каждый раз воскрешали его, так что он продолжал существовать и в 1780-е и 1790-е годы. Для собраний этого общества нанимался дом Чичерина (ныне Невский, 15), а с 1793 года — дом купчихи Кусовниковой (бывший дом Бутурлина) на углу Мойки и Адмиралтейской улицы (ныне улица Дзержинского, 18).

Фонвизин с юных лет был «охотником до музыки» и играл на скрипке. Возможно, он вступил в Музыкальный клуб одним из первых. Но обнаружены списки чле-

нов клуба только за 1780-е годы. Здесь же названы рядом с Фонвизиным Дмитревский, Радищев, Львов, Муравьев, Капнист, Бортнянский, Левицкий, Старов, Шубин... Писатели, композиторы, художники — вот общество, в котором состоял и Денис Иванович Фонвизин.

11 марта 1780 года М. Н. Муравьев писал о встрече с Фонвизиным в Музыкальном клубе. В тот вечер исполнялось произведение Дж.-Б. Перголезе «Stabat mater». Рассказывая о полученном удовольствии от концерта, Муравьев прибавлял: «...и другое удовольствие для моего тщеславия разговаривать с Д. И. Фонвизиным», считавшимся одним из самых замечательных своим остроумием людей в Петербурге.

Когда же драматург начал работу над известным текстом бессмертной комедии? Можно полагать, что это произошло после возвращения Фонвизина из заграничного путешествия осенью 1778 года. В письме М. Н. Муравьева к Д. И. Хвостову 11 июля 1779 года встречаем первое упоминание о «Недоросле»: Фонвизин «пишет комедию с великим успехом». В стихотворном послании к Хвостову («Успех твой первый возвещая...»), созданном осенью 1779 года, Муравьев, очевидно уже познакомившись с «Недорослем», писал:

У нас теперь один Фонвизин,
Который солью острых слов
И меткой силой укоризен
Срывает маску с шалунов.

Приступив к работе над текстом «Недоросля», писатель был уже не только зрелым мастером, но и мудрым, проницательным политиком, сознававшим, сколь велики и серьезны в России общественные неустройства.

Борьба Екатерины II с оппозиционной по отношению к ее правительству группой Паниных продолжа-

лась. Находившийся в Петербурге английский дипломат Гаррис сообщал в мае 1779 года: «Граф Панин, к которому императрица никогда не имела искреннего расположения, теперь сделался предметом ее ненависти; он, со своей стороны, несмотря на свою высокую должность, оказывает настолько сочувствия оппозиции, насколько то возможно в такой стране». Гаррис видел, так сказать, внешнюю сторону событий: его интересовала прежде всего политика России по отношению к Англии, и в связи с этим Панин едва ли мог вызывать большую симпатию у английского дипломата. Он верно, однако, отметил крайнюю напряженность отношений между императрицей и Паниным.

Тем не менее в мае 1779 года Фонвизин, доверенный секретарь Панина, получил повышение. «Всемилостивейше пожаловали мы в канцелярии советники надворного советника Дениса Фонвизина», — говорилось в указе, собственноручно подписанном Екатериной в Царском Селе. Указ тотчас же опубликовали в майском номере журнала «Санкт-Петербургский вестник».

Монаршая «милость», однако, не обольстила ни Паниных, ни Фонвизина, разгадавшего характер Екатерины — «Тартюфа в юбке и короне». Своей первостепенной задачей Панины считали составление свода законов для преемника русского престола. Фонвизин, человек государственный в лучшем смысле этого слова, естественно, оказался не только незаменимым помощником, но главным участником в работе над сочинением нового политического документа. Оставаясь убежденным сторонником монархического образа правления, Панин считал необходимым ограничить власть императора твердыми законами, обязательными для всех членов общества, в том числе и самого царя. Эта идея была достаточно прогрессивна для своей эпохи.

Осень 1781 года оказалась трудным временем для Н. И. Панина. Пока он находился в отпуске, всеми де-

лами в коллегии стал ведать вице-канцлер А. И. Остерман, давно метивший на пост главы коллегии. Крайне неприятной новостью для Панина послужило известие о поездке в Австрию наследника престола Павла с его второй женой Марией Федоровной (первая жена Наталья Алексеевна умерла в 1776 году). Они выехали из Петербурга 19 сентября, а на следующий день, по сообщению одного из дипломатов, «Панин получил приказание отпустить своего секретаря и возвратить все бывшие у него бумаги; он оставался в совете, но ему дано понять, что это назначение будет только почетным». Панин тяжело заболел, но и теперь его верный секретарь и друг не покинул его. Фонвизин продолжал бывать у вышедшего в отставку Панина, продолжал обсуждать с ним проекты государственных реформ. И в последние годы жизни, не оставляя мысли о выработке нового законодательства, Панин поручил Фонвизину написать введение к задуманному им своду законов.

Таким образом, почти одновременно с работой над «Недорослем» Фонвизин писал «Рассуждение о непременных государственных законах», известное также под названием «Завещание Панина». Этот смелый политический документ, естественно, не печатался ни при Екатерине II, ни позднее — вплоть до начала нашего века. Впервые «Рассуждение» было опубликовано только в 1907 году в приложении к книге Е. С. Шумигорского «Император Павел I. Жизнь и царствование». В годы правления Екатерины II хранить этот документ представлялось небезопасным. Но у Фонвизина нашлись верные надежные друзья — Пузыревские, на которых он мог положиться.

Петербургский губернский прокурор Александр Николаевич Пузыревский и его жена Татьяна Калистратовна часто бывали у Фонвизиных. Т. К. Пузыревская не только сохранила запечатанный конверт с

«Рассуждением» Фонвизина, но после восшествия на престол Павла в 1796 году сумела вручить ему этот документ, как и обещала Фонвизину.

Копия «Рассуждения» хранилась у Павла Ивановича Фонвизина. С 1784 года он стал директором Московского университета. Иногда он ездил в Петербург по служебным надобностям. В 1792 году во время следствия по делу Н. И. Новикова устроили обыск и в его доме. К счастью, копию «Рассуждения о непременных государственных законах» он успел своевременно передать другому брату — Александру Ивановичу Фонвизину, отцу будущего декабриста Михаила Александровича Фонвизина. «Рассуждение» стало известно декабристам. На основе фонвизинского сочинения Никита Муравьев составил один из агитационных декабристских документов, «ходивших по рукам» среди членов тайных обществ.

Что же представляло собой фонвизинское «Рассуждение»? Писатель начал этот документ знаменательными словами: «Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных. Сию истину тираны знают, а добрые государи чувствуют». В дальнейшем изложении представляется мрачная картина самодержавного правления при государе, порабощенном своими страстями. Писатель смело говорит об одном из самых страшных зол — фаворитизме. Недостойные любимцы государя стремятся затмить истину в его глазах: справедливость попрана, и от прихоти любимца зависит судьба многих подданных.

Фонвизин нисколько не преувеличивал: он писал эти строки в ту пору, когда фаворитизм при дворе Екатерины II принимал все более отвратительные формы. Паниным приходилось вести трудную дипломатическую борьбу не только с самой императрицей, но и с братьями Орловыми, выдвинувшимися, как известно,

благодаря статному красавцу Григорию Орлову, привлекшему благосклонное внимание императрицы.

В первой половине 1770-х годов фавор Орловых пошел на убыль, в связи с тем что появился новый любимец — Григорий Потемкин. В начале 1774 года императрица вызвала его в Петербург и осыпала щедрыми наградами. В июне 1776 года императрица подарила Потемкину Аничков дворец.

Этот великолепный дворец (ныне Дворец пионеров имени А. А. Жданова, Невский проспект, 39), построенный по проекту М. Г. Земцова и Г. Д. Дмитриева в 1740-х годах, императрица Елизавета отдала своему любимцу — А. Г. Разумовскому. При Екатерине дворец откупила у него казна. Потемкин не жил в подаренном ему дворце, он разместил здесь свою библиотеку и иногда устраивал роскошные праздники. Главным местопребыванием временщика был Зимний дворец, где ему отвели особые покои. С 1777 года он перебрался в так называемый «шепелевский дом», рядом с Эрмитажем, и в любой час мог предстать перед императрицей. Аничков дворец вместе с прилегающим к нему садом Потемкин продал за большие деньги купцу Шемякину. Скоро, однако, в 1785 году, дворец снова был куплен «в казну».

Фонвизин познакомился с Потемкиным еще в гимназии Московского университета. Потемкин по-приятельски продолжал относиться к Фонвизину и после своего возвышения, охотно беседовал с ним, восхищался его актерским даром. В хлопотах о служебном повышении брата Фонвизин обратился непосредственно к Потемкину, который тут же удовлетворил его просьбу. Потемкин обладал незаурядными способностями государственного деятеля и полководца. Реформы, проведенные им в русской армии, принесли в свое время несомненную пользу (например, введение новой, более удобной формы и зимнего обмундирования). Потемкин

не раз проявлял заботу по отношению к солдатам, и они любили его. Он был не чужд литературных интересов и даже сам писал стихи.

Но вместе с тем известен своевольный капризный нрав Потемкина, этого попавшего «в случай» человека, приобретшего огромную власть в стране. Часами дожидались просители в его приемной и оставались ни с чем: находясь не в духе, он проходил через толпу, не замечая обращавшихся к нему людей. Без особого повода Потемкин мог наградить пощечиной знатного заслуженного человека. Окружавшие «светлейшего князя» сносили оскорбления и раболепствовали перед ним. Отношения между Потемкиным и Фонвизиным были сложны. По свидетельству П. А. Вяземского, Потемкин хотел «переманить» от Панина его секретаря. Фонвизин бывал у Потемкина, развлекая его своими остроумными рассказами. Екатерине II эти посещения не нравились, и она относилась к ним с нескрываемым раздражением.

Вынужденный по условиям времени и обстоятельств вести сложную дипломатическую игру в общении с сильными мира сего, писатель находил способ высказать свое истинное отношение к ним.

В годы, когда влияние Потемкина росло, Фонвизин писал о просвещенном государе: «Он должен знать, что государственным награждается одна заслуга государству, что не повинно оно платить за угождения его собственным страстям и что всякий налог, взыскуемый не ради пользы государства, есть грабеж в существе своем и форме».

Взгляды Фонвизина, непосредственно высказанные в «Рассуждении», получили художественное воплощение в бессмертном «Недоросле». Начав работу над пьесой с конца 1770-х годов, драматург завершил ее в 1781-м или самом начале 1782 года. В «Недоросле» талант Фонвизина проявился во всей полноте и блеске.

Проблематика комедии многопланова и далеко выходит за рамки своей исторической эпохи. Но вне этой эпохи, вне общественной борьбы того времени невозможно по-настоящему понять фонвизинскую пьесу. «Недоросль» — это политическая комедия. Здесь идет речь о тех вопросах, которые волновали русских свободомыслящих людей века Просвещения: падение нравов в помещичьей и придворной среде, необходимость ограничения самодержавного правления, воспитание достойных граждан.

Фонвизин ставит в своей комедии и самый животрепещущий вопрос эпохи — вопрос о крепостном праве. Простакова показана как «госпожа бесчеловечная», жестокая помещица, мучающая крепостных. Простакова искренне возмущена, узнав, что ее девка Палашка лежит больная и бредит: «Лежит! Ах, она бестия! Лежит! Как будто благородная!», «Бредит, бестия! Как будто благородная!» Простакова уверена, что находящиеся в ее власти крепостные существуют только для того, чтобы служить ей.

Можно вспомнить соответствующие слова из «Рассуждения» Фонвизина о том, что просвещенный государь «не допускает поселиться в его голову несчастной и нелепой мысли, будто бог создал миллионы людей для ста человек». Эта «несчастная и нелепая мысль», овладевшая Простаковой, не позволяет ей видеть людей в крепостных, а отсюда страшные последствия: человеческий облик теряют и такие преданные холопы, как Еремеевна, и прежде всего — сами господа Простаковы — Скотинины. Животное начало заглушает в них все человеческое. Когда в конце пьесы, узнав во Вральмане своего бывшего кучера, Стародум спрашивает его: «Да ты, Вральман, я чаю, отстал и от лошадей?» — учитель Митрофанушки отвечает: «Эй, нет, мой патюшка! Шиучи с стешним хоспотам, касалось мне, што я фсе с лошатками».

Традиционная сюжетная основа комедии — борьба разных претендентов на руку героини — имеет второстепенное значение в пьесе Фонвизина. Главное же в «Недоросле» — это характеры, замечательные по своей правдивости и силе обобщения. Митрофанушка с его «Не хочу учиться, а хочу жениться», Простакова с ее «Да извозчики-то на что ж?», Скотинины, которые от природы «крепколобы», — это в своем роде бессмертные типы, вошедшие в сознание каждого русского читателя.

Эти образы жизненны потому, что они неразрывно связаны с совершенно конкретной русской действительностью. Простакова — не просто властная и невежественная женщина. Русская помещица, владелица крепостных душ, она находит основание для своего самоуправства, ссылаясь на указ о вольности дворянства. Действительно, при Петре III, в 1762 году, был издан указ, освобождавший дворян от обязательной военной службы. Толкование, которое Простакова дает указу, поистине абсурдно: «Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен; да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства?» При всей видимой абсурдности этого вывода «мастерица толковать указы» верно улавливает внутренний смысл законодательства, всегда стоявшего на стороне помещика, на стороне власть имущего.

Пушкин очень тонко определил значение «Недоросля», назвав его «народной комедией». Проблематика, характеры, наконец, язык пьесы — во всем этом проявилась подлинная народность творчества Фонвизина.

Памятные нам с детских лет сцены обучения Митрофанушки — это, казалось бы, самые смешные, комические сцены. Но одновременно они непосредственно связаны и с серьезными беседами Стародума и Правдина, и с «Рассуждением о непременных государственных законах».

Воспитание — это, по словам Стародума, «залог благосостояния государства». Фонвизин-публицист провозглашает свои позитивные идеи в политическом документе. Фонвизин-художник создает образы и сцены, неоспоримо убеждающие в правоте этих идей,

Образ немецкого учителя Адама Адамовича Вральмана, казалось бы эпизодический в «Недоросле», тоже оказывается связан с раскрытием темы воспитания. В отличие от прямого Цыфиркина и недалекого Кутейкина, Вральман ловко приноравливается к нраву своих скотообразных господ и пользуется в семье Простаковых особыми преимуществами. За то, что ребенка «не неволит», Адам Адамович получает триста рублей в год. «Сажаем за стол с собою, — рассказывает о своих щедротах Простакова. — Белье его наши бабы моют. Куда надобно — лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром».

По ходу действия выясняется судьба Вральмана. Среди многих иностранцев, искавших в России хорошего заработка, он приезжает в Петербург, где служит кучером. Адам Адамович любит порассказать о своих петербургских впечатлениях. С важностью он пытается описать гулянья в Екатерингофе: «Пыфало, о праснике съетутца в Катрингоф кареты с хоспотам. Я фсе на них сматру». И тут же выдает себя: «Пыфало, не сойту ни на минуту с косел». Простакова с удивлением пытается выяснить, «с каких козел», и Вральману приходится объяснять, что он выбирал место повыше и забирался на козла, откуда и смотрел «большой свет».

В Екатерингоф, как мы знаем, совершал прогулки и Фонвизин. Особенно много народа собиралось в Екатерингофский парк 1 мая — на встречу лета. На эти гулянья нередко приезжала и Екатерина II со своей свитой; в парке устраивалась иллюминация, в знамени-

том ресторане Локателли готовились изысканные блюда.

Но вернемся к дальнейшей судьбе Вральмана. Оставшись без места, он перебрался в Москву. Не сумев устроиться здесь кучером, он нанялся в учителя к Простаковым, чтобы учить Митрофана «по-французски и всем наукам».

Невежественные учителя-иностранцы — это было одно из серьезных зол в России XVIII века. Еще при Елизавете Петровне, в 1757 году, сенат издал указ «О предварительном испытании в науках иностранцев, желающих определиться в частные дома для обучения детей, и о взыскании штрафа с тех, которые примут к себе в дом и станут держать учителя, не имеющего должного аттестата». Но указ оставался на бумаге, а на деле невежды-учителя беспрепятственно подвизались в домах таких же невежд — русских помещиков. Для службы в Пажеском корпусе в качестве лакеев было нанято восемь французов, но вскоре все они стали домашними учителями.

В «Рассуждении» Фонвизина упоминается город, в котором «живут люди большею частию по нужде». Речь шла здесь о казенном, чиновничьем Петербурге, городе, в котором служат и делают карьеру. Но с Петербургом неразрывно связывалось и другое представление: это город, ставший центром просвещения.

В фонвизинском «Недоросле» эта тема получает неожиданное развитие в рассуждении госпожи Простаковой. С сокрушением она вынуждена признать: «Ребенок, не выучась, поезжай-ка в тот же Петербург, скажут, дурак. Умниц-то ныне завелось много. Их-то я боюсь». При всей своей ненависти к наукам и «умницам» Простакова понимает, что без ученья нельзя сделать и карьеры, о которой она мечтает для Митрофанушки. Между тем мысль о карьере естественно связывается с Петербургом.

Но беседа Стародума с Правдиным в третьем действии комедии — одна из самых важных сцен пьесы — совершенно по-новому раскрывает тему Петербурга, показывая Петербург придворный. Стародум рассказывает, как по прибытии в столицу он попал ко двору.

Правдин. Как же вам эта сторона показалась?

Стародум. Любопытна. Первое показалось мне странно, что в этой стороне по большой прямой дороге никто почти не ездит, а все объезжают крюком, надеясь доехать поскорее.

Правдин. Хоть крюком, да просторна ли дорога?

Стародум. А такова-то просторна, что двое, встретясь, разойтиться не могут. Один другого сваливает, и тот, кто на ногах, не поднимает уже никогда того, кто на земи.

Правдин. Так поэтому тут самолюбие...

Стародум. Тут не самолюбие, а, так назвать, себялюбие. Тут себя любят отменно; о себе одном пекутся; об одном настоящем часе суетятся.

Правдин преисполнен иллюзий, которые не так давно обольщали и самого Фонвизина. Как бы сомневаясь в резких отзывах Стародума, Правдин пытается напомнить о «тех достойных людях, которые у двора служат государству». На это Стародум отвечает: «О! те не оставляют двора для того, что они двору полезны, а прочие для того, что двор им полезен». Эта фраза непосредственно соотносится с приводившейся характеристикой города, в котором «живут большею частию по нужде», из фонвизинского «Рассуждения о непременных государственных законах». В словах Стародума о людях, «полезных двору», содержится немалая доля сарказма, как свидетельствует конец беседы.

Правдин. С вашими правилами людей не отпускать от двора, а ко двору призывать надобно.

Стародум. Призывать? А зачем?

Правдин. Затем, зачем к больным врача призывают.

Стародум. Мой друг! Ошибаешься. Тщетно звать врача к больным неисцельно. Тут врач не пособит, разве сам заразится.

Русские городские типы. Торговец квасом.
Рисунок Ж.-Б. Лепренса. XVIII век.

Русские городские типы. Торговка хлебом.
Рисунок Ж.-Б. Лепренса. XVIII век.

Русские городские типы. Торговцы мороженой рыбой.
Рисунок Ж.-Б. Лепренса. XVIII век.

Русские городские типы. Торговец живой рыбой.
Рисунок Ж.-Б. Лепренса. XVIII век.

НЕДОРОСЛЬ,

КОМЕДІЯ

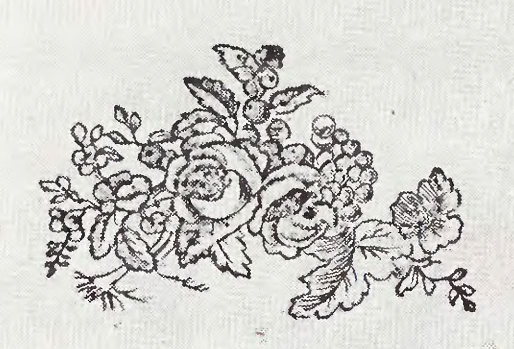
ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Представлена въ первый разъ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

Сентября 24 дня 1782.

Продается у Клостермана, противъ адмиралтейства, въ домѣ мещанскаго клоба. No. 106.

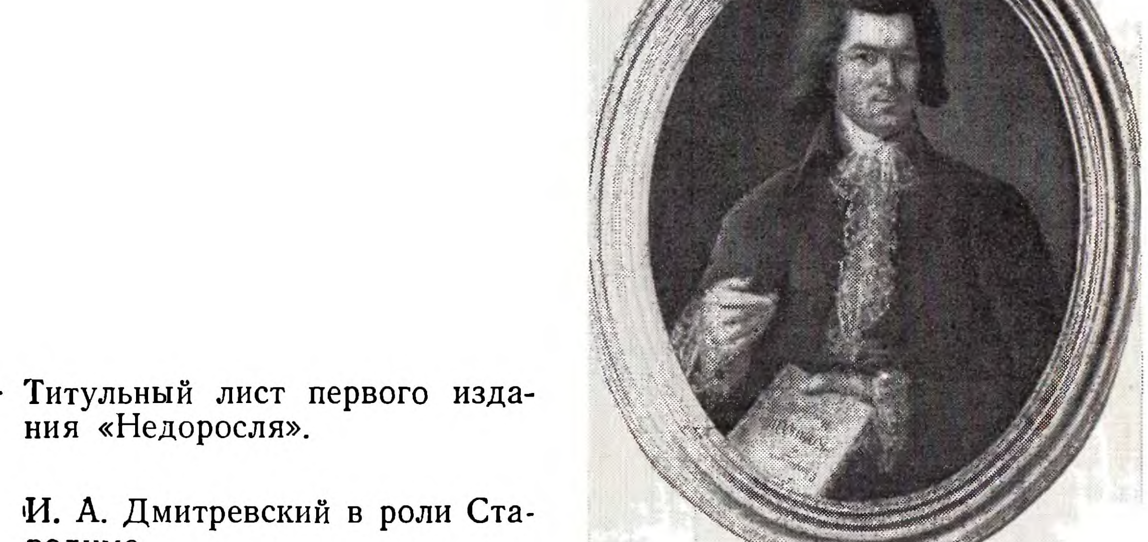

Въ Санктпетербургѣ,

Печатана въ вольной типографіи у Шнора.

1783.

Деревянный театр на Царицыном лугу.
Рисунок Дж. Кваренги.

← Титульный лист первого издания «Недоросля».

И. А. Дмитревский в роли Стародума.

П. А. Плавильщиков.
С портрета П. Бореля.

Я. Д. Шумский.
Литография А. Роппольта с рисунка Вильгельма.

Надгробие Н. И. Панина на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Современный вид.

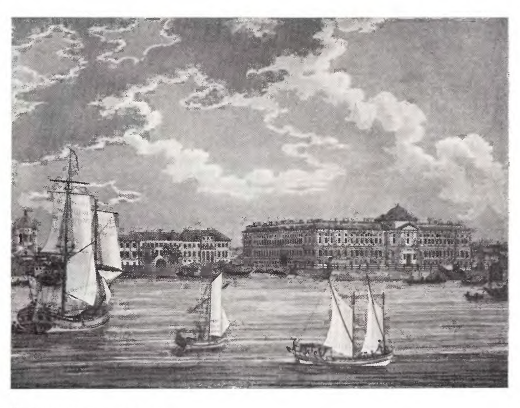
Г. А. Потемкин.
С портрета И.-Б. Лампи.

Е. Р. Дашкова.
Гравюра И. Майра.

Вид на Мраморный дворец.
Гравюра Эйхлера. XVIII век.

Академия художеств.
Гравюра Т. Мальтона. 1789 год.

Академия наук.
Гравюра Т. Мальтона. 1789 год.

Надгробие Д. И. Фонвизина на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Современный вид.

Бюст Д. И. Фонвизина работы Л. Бернштама.

Стародум — а значит, и сам Фонвизин, вкладывающий в уста любимого героя собственные мысли, — убежден в бесполезности попыток служить государству при дворе такой императрицы, как Екатерина II. «Достойные люди», о которых говорит Правдин, в действительности ничем не могут помочь, оставаясь при дворе, — «разве сами заразятся».

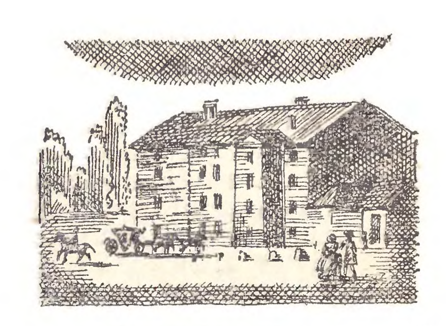
В комедии Фонвизина придворный Петербург впервые получил такую смелую, беспощадную характеристику.

Язык комедии — это подлинное художественное открытие драматурга. В «Бригадире» и «раннем» «Недоросле» временами чувствовалась еще некоторая нарочитость речевой характеристики персонажей. «Народную комедию» в этом упрекнуть нельзя. Каждый говорит по-своему, и диапазон этой речи необычайно широк. В разных обстоятельствах Простакова говорит по-разному: то грубо, то льстиво, то надменно, то ласково. Достаточно вспомнить, как она называет своих собеседников: портной Тришка — это «воровская харя», «болван», «скот», Еремеевна — «собачья дочь» и «скверная харя», зато Митрофан — «Митрофанушка, друг мой сердечный», Стародум — «гость наш бесценный», «второй наш родитель», «батюшка мой». Далеко не однообразна и речь положительных героев: Стародум с высоким пафосом говорит о должности честного человека, не без издевки беседует со Скотининым, нежно обращается к Софье. Многие высказывания Стародума афористичны: «Наличные деньги — не наличные достоинства», «Золотой болван — всё болван», «Прямую цену уму дает благонравие. Без него умный человек — чудовище».

Стародум, Правдин, Софья и Милон — это не схемы, не безличные провозвестники истины. Это обобщенные портреты современников Фонвизина — мыслящих интеллигентных людей. Их живая разговорная речь

тоже оказалась запечатлена в «народной комедии», и благодаря этому мы можем составить себе представление, как беседовали между собой образованные петербуржцы в пору создания «Недоросля».

Трудно с уверенностью говорить о каких-то конкретных прототипах положительных героев «Недоросля». Правда, по свидетельству известного драматурга начала XIX века А. А. Шаховского, прототипом Стародума явился Петр Иванович Панин. «Сочинитель, как я слышал, — писал Шаховской, — в свободно мыслящем и благородном лице Стародума хотел представить брата своего покровителя и начальника». По-видимому, были основания сближать образ Стародума с личностью П. И. Панина. Но несомненно и другое: общение с такими жителями столицы, как Никита Иванович Панин, Николай Иванович Новиков, и подобными им «честными людьми» помогло Фонвизину создать обобщенные, типичные для своего времени образы идеализированных героев. Придворному противостоял другой Петербург, не принимавший обмана и фальши, ненавидевший порок и смело подымавший против него голос. Этот Петербург представлял и сам автор «Недоросля».

ПРЕМЬЕРА «НЕДОРОСЛЯ»

В начале 1782 года Фонвизин в домах своих петербургских знакомых читал только что завершенного «Недоросля». Пьесу принимали по-разному. Просвещенные слушатели и знатоки с восхищением утверждали, что «это лучшая из русских театральных пьес в комическом роде», что она непременно будет иметь успех в публике. Но многие, узнав в пьесе самих себя, отнеслись к «Недорослю» сдержанно, а порой и с откровенной враждебностью. В знатных домах смелые речи о придворных оказывались совсем некстати, и на пути к сцене «Недоросль» находил все новые и новые затруднения.

Известная часть петербургской публики, посещавшей придворный театр, не терпела над собой насмешек, но с удовольствием принимала многие пустые и пошлые пьесы. Характерны в этом отношении свидетельства Михаила Никитича Муравьева, молодого талантливого литератора и страстного театрала. Муравьев известен в истории русской литературы как один из первых писателей сентиментализма. В конце 1770-х годов он регулярно посещал петербургские спектакли. Рассказывая о постановке комедии М. М. Хераскова «Злонравный» летом 1779 года, Муравьев писал Д. И. Хвостову: «Впечатление сей комедии было так сильно, что

эдакий характер, слышал я от одного зрителя, конечно, должен существовать. Злые ненавидят стихотворцев, и вы видите, сударь, что они имеют причину. Их узнают». Из этого же письма мы узнаем о реакции публики на французскую комедию, «которой предмет смешить как бы нибудь»: «Вы не представите себе, сколько рукоплесканий при всякой неблагопристойности». Зрителям, восхищавшимся этой пьесой, едва ли мог понравиться «Недоросль». Но подлинных «ревнителей театра» и зрителей, подобных Муравьеву, становилось все больше. «Прибавляется помалу число молодых актеров, — писал Муравьев в ноябре 1779 года. — Всякую субботу составленное из них общество играет какую-нибудь пьесу на немецком театре, куда с позволения директора вход свободен охотникам». Это общество актеров осуществило постановку русских пьес — трагедий Сумарокова «Семира» и «Синав и Трувор».

Хлопоты, связанные с попытками Фонвизина поставить комедию в театре, совпали по времени с новыми заботами служебного порядка. В 1781 году Фонвизина назначили членом Почтового департамента, находившегося тогда в ведомстве Иностранной коллегии.

Русская почта имеет свою многовековую историю. Когда-то правительственные распоряжения и письма доставлялись гонцами, нарочными. В XVII веке при царе Алексее Михайловиче была налажена постоянная связь между крупнейшими городами. Количество почтовых трактов и почтовых станций (ямов), на которых ямщики меняли лошадей, значительно возросло в XVIII веке. Вскоре после основания Петербурга были проложены почтовые тракты, соединявшие новую столицу с Новгородом и Москвой. При Петре I в Петербурге появился почтамт. В последующие годы почтовые связи расширялись. Однако общая организация почтового дела требовала решительного упорядочения. Письма часто не доходили к адресатам или прибывали с боль-

шой задержкой, случалось, ямщики отдавали письма в чужие руки или бросали их где-нибудь в степи.

За реорганизацию почтового дела взялся генерал-майор Александр Андреевич Безбородко, возглавлявший Почтовый департамент.

Нужно было начинать с самого необходимого — составления почтовой карты дорог, налаживания регулярного почтового обмена между Москвой и Петербургом. Обязанности почтовых служащих, правила выдачи подорожных на почтовых лошадей — все это требовало упорядочения. Как и И. П. Елагин, Безбородко состоял личным секретарем Екатерины II по «принятию челобитен». Безбородко пользовался большим влиянием при дворе, и, видимо не без умысла, императрица постаралась его ввести в Иностранную коллегию. Никита Иванович Панин официально продолжал возглавлять Иностранную коллегию, но докладчиком по иностранным делам перед государыней выступал Безбородко. Энергичный и честолюбивый человек, он деятельно принялся за переустройство почты.

Фонвизин как член правления Почтового департамента принял участие в разработке проекта реорганизации почт. В своем проекте он ставил три основных вопроса: «1) безопасность почты; 2) скорое ее хождение и 3) сбор, сохранение и возможное приращение доходов». К сожалению, известен только незаконченный черновой набросок фонвизинского проекта. Но в этом сохранившемся тексте содержалась идея, очень важная для организации почтового дела того времени. «Почта должна быть двоякая, — писал Фонвизин, — одна легкая — для писем и самых легких и маленьких посылок, а другая тяжелая — для денег, вещей и людей». Вскоре этот проект был осуществлен: из Петербурга в Москву и обратно стали доставлять два раза в неделю не только «легкую», но и «тяжелую» почту,

то есть почтовые отправления весом более пяти фунтов, перевозки людей и багажа.

Встал вопрос и о помещении для почтового двора и центрального управления почтами в Петербурге. Первый почтовый двор в Петербурге находился в мазанковом здании, сооруженном при Петре I в 1714 году на месте Мраморного дворца. После пожара 1735 года для почтового двора построили каменный дом на Миллионной (ныне улица Халтурина), у Зимней канавки, но и он скоро стал слишком тесен и неудобен. Требовалось значительное пространство для размещения конюшен рядом с почтовым двором: ведь почта перевозилась на лошадях. В феврале 1782 года Почтовый департамент приобрел дом на Новой Исаакиевской улице (ныне участок дома № 14 по улице Союза Связи), принадлежавший прежде графу Сергею Павловичу Ягужинскому. В этом доме, «состоявшем из множества покоев», разместили почтовое управление. На находившемся рядом участке предстояло развернуть строительство здания самой почты.

Совсем рядом, на углу Новой Исаакиевской улицы и Выгрузного переулка (ныне переулок Подбельского), находилась усадьба Безбородко — здесь строился для него дворец, интерьеры которого оформлялись по проекту Дж. Кваренги (ныне Центральный музей связи имени А. С. Попова — улица Союза Связи, 7). Против дома Ягужинского в том же 1782 году начали возводить здание почтамта по проекту Н. А. Львова.

Один из образованнейших людей XVIII века, разносторонне одаренный, Львов известен не только как архитектор, но и как писатель, тонкий знаток литературы и искусства, близкий друг Г. Р. Державина и В. В. Капниста, Д. Г. Левицкого и В. Л. Боровиковского. Несомненно, Фонвизин в это время часто общался с Львовым, которого знал и раньше: Львов тоже

служил в Иностранной коллегии. Теперь они стали сослуживцами по Почтовому департаменту.

С 1777 года Львов жил на Дворцовой набережной, в доме своего начальника Петра Васильевича Бакунина, одного из секретарей Н. И. Панина. В доме Бакунина, с которым у Фонвизина были и деловые, и дружеские связи, нередко устраивались домашние спектакли, привлекавшие интерес многих петербургских литераторов, в частности М. Н. Муравьева. В конце 1782 года Львов переселился от Бакунина к А. А. Безбородко в связи с работами по строительству почтамта.

Здание почтамта строилось в течение нескольких лет (1782—1789). Хотя впоследствии оно несколько раз реконструировалось (последняя перестройка относится к 1903 году, когда был возведен стеклянный потолок центрального зала), основа, созданная Львовым, сохранилась (ныне это современное здание Главного почтамта — улица Союза Связи, 9).

В XVIII веке на месте знакомого нам просторного зала находился «черный двор» почтового стана. Прямо в этот двор выходили конюшни; здесь же были сараи, мастерские. В верхних этажах жили нижние чины.

Правда, к тому времени, когда строительные работы завершились и в новопостроенном почтамте закипела жизнь, Фонвизин давно уже не служил в Почтовом департаменте. 7 марта 1782 года (то есть когда строительство только начиналось) Денис Иванович подал прошение об отставке. «Жестокая головная болезнь, — писал Фонвизин, — которою стражду я с малых лет, так возросла с моими летами, что составляет теперь несчастье жизни моей». Просьбу не замедлили удовлетворить. Уже через три дня, 10 марта, императрица передала Безбородко указ об увольнении Фонвизина «от всяких дел». Екатерина милостиво распорядилась о выплате ему «по смерть» половинного жалованья из почтовых доходов «с прибавочным окладом».

Внешне все казалось вполне благовидно. Но близкие Фонвизину люди понимали, какие истинные причины заставили его подать прошение об отставке. Внимательно читая текст «Недоросля», можно обратить внимание на одно из высказываний Стародума в его разговоре с Правдиным.

Правдин. Но разве дворянину не позволяется взять отставки ни в каком уже случае?

Стародум. В одном только: когда он внутренне удостоверен, что служба его отечеству прямой пользы не приносит. А! тогда поди.

Решение подать в отставку писатель принял, очевидно, в связи с двумя обстоятельствами. Первое — нежелание продолжать службу под началом Безбородко, явного недруга Панина. Второе — противодействие, оказанное постановке «Недоросля».

Фонвизин долго не мог получить разрешения на постановку пьесы. В мае 1782 года комедию предполагалось поставить на сцене придворного театра, но спектакль так и не состоялся.

Придворный театр находился вначале в самом здании Зимнего дворца — в той его части, которая выходит к Адмиралтейству (во втором этаже). Помещение было очень небольшим, так что на спектаклях могло присутствовать совсем немного зрителей. «Убранство не очень роскошное», — констатировал побывавший в этом театре И. Бернулли. По его описанию, в зале было три «царицыных места»: одно против сцены, другое за оркестром, а третье — над самой сценой.

Лишь в начале 1780-х годов началось строительство Эрмитажного театра на углу Дворцовой набережной и Зимней канавки (Дворцовая набережная, 32), на месте старого Зимнего дворца, построенного при Петре I. Осенью 1785 года театр открылся, хотя работы по расширению сцены и внутренней отделке продолжались вплоть до 1787 года.

«Этот Гваренги (Кваренги. — *Н. К.*), — писала Екатерина II одному из своих корреспондентов в 1785 году, — строит нам прелестные вещи: уже весь город полон его построек; он строит банк, биржу, множество магазинов, лавок и частных домов, и его постройки лучшие в городе». Императрица была довольна своим новым театром, который, как она сообщала в одном из писем, «внутри представляет прекрасный вид: в нем могут поместиться от двух до трех сот человек, но не более, что для Эрмитажа составляет самую крайнюю цифру». Присутствовать на спектакле в Эрмитажном театре считалось большой честью.

Помимо русской труппы в 1780-е годы на «казенном содержании» находились немецкие, французские, итальянские актеры, певцы, балетная труппа и оркестр. Все они по первому требованию должны были выступать в придворном театре. Естественно, что репертуар подбирался прежде всего в соответствии со вкусами самой Екатерины и ее приближенных: театр должен был развлекать, доставлять удовольствие, а сатира могла быть только «улыбательной». Серьезные политические темы не могли прийтись ко двору в буквальном смысле. Все это и предрешило прием, оказанный «Недорослю» в высших сферах.

Театральная дирекция не хотела пропускать смелые речи о царедворцах, а Фонвизин не хотел исключать их из текста комедии. Бывший гувернер князя А. Б. Куракина Пикар, сообщая петербургские новости, писал 28 мая 1782 года: «Мы не увидим здесь новую комедию господина Фонвизина под названием «Недоросль», на что мы прежде надеялись, потому что актеры не знают своих ролей и не в состоянии сыграть ее в назначенное время. Автор уезжает через несколько дней в Москву и, говорят, поставит свою комедию на московском театре; при настоящем недостатке в удовольствиях и театрах это действительно лишение для публики,

которая уже давно отдает должную справедливость превосходному таланту господина Фонвизина».

Возможно, Пикар не знал об истинных причинах задержки фонвизинской пьесы и ссылался на актеров, которые «не знают своих ролей». Во всяком случае, очевидно, что в письме, адресованном А. Б. Куракину, находившемуся за границей, Пикар просто не мог распространяться о гонениях на «Недоросля».

Отправившись в Москву, Фонвизин надеялся осуществить постановку «Недоросля», но и здесь это не удалось. Правда, чтение комедии в частных домах проходило с таким же успехом, как и в Петербурге. Драматург читал свою новую комедию в доме московского почт-директора Б. В. Пестеля. Вот как это происходило:

«Большое общество литераторов и знатоков съехалось к обеду; любопытство гостей было так велико, что хозяин упросил автора, который сам был прекрасный актер, прочитать хоть одну сцену безотлагательно; он исполнил общее желание; но когда остановился после объяснения Простаковой с портным Тришкою об укороченном кафтане Митрофана, присутствовавшие были так заинтересованы, что просили продлить чтение; несколько раз приносили и уносили кушанье со стола и не прежде сели за обед, как комедия была прочитана до конца, а после обеда Дмитревский, по общему требованию, должен был опять читать ее сначала».

Споры и толки о новой комедии Фонвизина, видимо, способствовали оживлению давней литературной полемики. Летом 1782 года баснописец Иван Иванович Хемницер, друг Н. А. Львова, написал стихотворное «Письмо», в котором высмеял А. С. Хвостова — одного из литературных противников Фонвизина. Принадлежавшее Хвостову «Послание к творцу посланья», то есть к автору «Послания к слугам моим», в XVIII веке не публиковалось, но распространялось в списках. «Пос-

ланне» имело ярко выраженный полемический характер. Хвостов весьма иронически отзывался о Фонвизине и его стихах. Решительно выступив в защиту Фонвизина, Хемницер писал:

Чем больше будешь ты Фонвизина бранить,
Тем больше будешь ты его чрез брань хвалить.
Ты сам его, скажу, хоть втайне почитаешь,
Да въявь затем бранишь, что плату получаешь.

Это «Письмо» Хемницера, так же как и его эпиграммы «На Хвостова», свидетельствует о несомненной поддержке, которую оказывал Фонвизину львовско-державинский кружок в один из самых трудных периодов его жизни.

Несмотря на все препоны и осложнения, комедия «Недоросль» нашла путь к сцене в том же 1782 году. Это произошло во многом благодаря Ивану Афанасьевичу Дмитревскому. Годы, прошедшие со времени первого знакомства Фонвизина и Дмитревского, каждому из них принесли свои радости и разочарования, за эти годы достигли своего расцвета талант драматурга и талант актера. Самое же замечательное — дружба, завязавшаяся в юности, выдержала испытание временем, окрепла и превратилась в творческое содружество. Никаких чинов не существовало между статским советником и «комедиантом». Они запросто продолжали бывать друг у друга. Фонвизин как-то был болен, и приехавший к нему Дмитревский, войдя, сказал: «Я стóю твоих упреков как непотребный». — «К чему „как"?» — улыбнувшись ответил больной и дружески протянул руку «комедианту».

Побывав несколько раз за границей, Дмитревский покорил своим мастерством и европейских зрителей. Он мог соперничать с самим Гарриком, знаменитым английским актером. С неизменным успехом выступал Дмитревский на русской сцене, пленяя зрителей и

вдохновением и прекрасной техникой. Человек большого ума, глубоко преданный своему делу, Дмитревский понимал, как плохо еще поставлено в России театральное образование. Воспитание нового поколения для отечественной сцены — вот задача, которую ставит перед собой «первый российский актер». Решить эту задачу помогло появление в Петербурге театра Книппера.

Зимой 1779/80 года петербургский купец и антрепренер немецкого театра Карл Книппер открыл вольный русский театр, то есть, в отличие от придворного, театр общедоступный. Труппу антрепренер составил из учеников Московского воспитательного дома. В этом доме, учрежденном при Екатерине II, воспитывалось около 800 «приносных детей»—найденышей. В 1770 году в Петербурге открылось отделение Московского воспитательного дома. По договоренности с Книппером учеников для труппы привезли из Москвы, а для обучения их театральному искусству пригласили Дмитревского. Пятьдесят детей и подростков, прибывших из Москвы, Книппер поселил сначала в доме портного мастера Карла Фридриха Гейдемана, находившемся на Невском, а затем, в марте 1781 года, в доме на Луговой Миллионной. Это было совсем близко от Царицына луга (ныне Марсово поле), где стояло деревянное здание театра Книппера.

Царицын луг получил название от находившегося поблизости дома Екатерины I. На его месте в 1740—1741 годах по проекту Ф.-Б. Растрелли выстроили Второй Летний дворец — красивое деревянное здание, отличавшееся богатством архитектурной отделки. В 1791 году этот дворец снесли в связи с сооружением Михайловского (Инженерного) замка (Садовая улица, 2). К западной стороне Царицына луга выходило здание строившегося Мраморного дворца, законченного в 1785 году. С восточной стороны, отделенный Лебяжьим каналом, простирался Летний сад, куда позволялось

входить «всем порядочно одетым людям». Во время праздничных гуляний здесь собиралось «великое множество людей», играл роговой оркестр. На Царицыном же лугу устраивали «потешные огни».

Во второй половине XVIII века на Царицыном лугу находилось два театра. Со стороны Второго Летнего дворца, «при канале», стояло деревянное здание, где размещался театр французского антрепренера Поше. Здесь разыгрывались пьесы на французском и итальянском языках, ставились также оперы и балеты, устраивались маскарады.

В другом конце Царицына луга, в той его части, которая прилегала к Мойке и бывшему Красному каналу, еще при Елизавете Петровне был построен деревянный манеж. Это помещение использовала для своих представлений немецкая театральная труппа, а затем труппа Книппера. В ветхом здании театра актерам и зрителям постоянно грозила опасность оказаться под обломками. Каждый год стены укрепляли деревянными подпорами и наконец для большей надежности — железными. Но никакие меры предосторожности не могли уже спасти разваливавшийся деревянный манеж. В марте 1781 года последовал наконец указ о необходимости построить новое здание, и к октябрю был возведен деревянный театр «в новом роде, совершенно еще неизвестном в здешнем крае». Один из первых посетителей театра так описывал его внутреннее помещение: «Сцена очень высока и обширна, а зала, предназначенная для зрителей, образует три четверти круга. Лож не имеется, но кроме паркета и партера со скамейками, сделан трехъярусный балкон, возвышающийся один над другим и окружающий залу без всяких промежутков. Живопись очень красива, и вид весьма хорош, когда при входе видишь зрителей, сидящих, как в древности, амфитеатрально. Кроме главного подъезда сделано еще шесть выходов, весьма пространных

и так устроенных, что в случае пожара публика сможет выйти в несколько минут».

В этом здании проходили репетиции и спектакли труппы, обучавшейся Дмитревским. Иван Афанасьевич не жалел своих сил и времени, занимаясь с начинающими актерами. По контракту ему вменялось в обязанность учить своих питомцев двенадцать раз в месяц, но занимался он с ними почти ежедневно по два раза: перед полуднем и после полудня. Говоря о результатах своей работы, Дмитревский с гордостью сообщал, что уже в первый год занятий с труппой Книппера он поставил двадцать восемь спектаклей. Книппер же, со своей стороны, плохо выполнял условия контракта и задерживал жалованье самому Дмитревскому и юным актерам. «Дети исполняли свою должность, — писал Иван Афанасьевич, — больше по уважению ко мне, нежели по воздаянию, получаемому от содержателя».

Несмотря на все трудности, театр очень скоро стал привлекать петербургскую публику, успешно конкурируя с иностранными труппами. «Русский театр, — сообщал Пикар в очередном письме, — весьма усердно посещается и тем причиняет большой ущерб другим театральным представлениям. Театр Поше, на котором даются французские комедии, публикою совершенно покинут. Нынешний театр довольно часто посещается солдатами лейб-гренадерского полка, платящими, как и другие, за вход свои полтиннички».

Своим успехом театр был обязан прежде всего Дмитревскому, который пользовался большим доверием и авторитетом среди учеников и среди актеров придворного театра. Это обстоятельство сыграло немаловажную роль в продвижении «Недоросля» на сцену. Недоброжелательные толки, ходившие вокруг фонвизинской комедии, привели к тому, что актеры не хотели исполнять ее, опасаясь возможных неприятностей: им могла

грозить даже рекрутчина. Только благодаря стараниям Дмитревского пьесу наконец согласились поставить в театре Книппера. Один из современников, Дмитрий Хвостов, в стихотворной сатире передает нам рассказ о перипетиях, сопутствовавших первой постановке «Недоросля»:

Лишь «Недоросля» нам Фонвизин написал,
Надменин автора исподтишка кусал.
Тут стрелы злобные отвсюду полетели,
Комедию играть актеры не хотели.
Когда ж неистовой неправды глас умолк,
Все зрители, забыв недоученых толк,
Все с восхищением увидели обнову
И Стародумова глазами Простакову.

Дмитревский вместе с автором пьесы мужественно отражал «злобные стрелы» и, беря всю ответственность на себя, сделал первую постановку «Недоросля» своим бенефисом. Это был первый и единственный бенефисный спектакль Ивана Афанасьевича Дмитревского.

Наконец Фонвизину удалось получить на постановку комедии «письменное дозволение от правительства». В «Санкт-Петербургских ведомостях» за 20 сентября 1782 года сообщалось: «В следующую субботу в театре, что на Царицыном лугу, представлена будет придворными российскими актерами новая комедия «Недоросль». Весь сбор назначается в пользу г. Дмитревского». Итак, в субботу 24 сентября 1782 года состоялась премьера «Недоросля». И Фонвизин, и Дмитревский тщательно готовили этот спектакль. Денис Иванович взял на себя миссию главного режиссера, каждому актеру он начитал его роль, объясняя, «что и как должно быть сказано, выражено и играно, оживил своим творческим даром их способности, учредил общее сценическое действие».

О внимании Фонвизина к актерской игре можно судить и по многочисленным ремаркам в тексте комедии.

Жесты, мимика, интонация — все это во многом предусматривалось самим драматургом. Вспомним, например, сцену знакомства Стародума с семейством Простаковых в 5-м явлении, в третьем действии. Текст предваряется большой ремаркой:

В следующую речь Стародума Простаков с сыном, вышедшие из средней двери, стали позади Стародума. Отец готов его обнять, как скоро дойдет очередь, а сын подойти к руке. Еремеевна взяла место в стороне и, сложа руки, стала как вкопанная, выпяля глаза на Стародума, с рабским подобострастием.

Стародум (*обнимая неохотно г-жу Простакову*). Милость совсем лишняя, сударыня. Без нее мог бы я весьма легко обойтиться. (*Вырвавшись из рук ее, обертывается на другую сторону, где Скотинин, стоявший уже с распростертыми руками, тотчас его схватывает.*) Это к кому я попался?

Скотинин. Это я, сестрин брат.

Стародум (*увидя еще двух, с нетерпением*). А это кто еще?

Простаков (*обнимая*). Я женин муж. } (*Вместе*)
Митрофан (*ловя руку*). А я матушкин сынок. }

Милон (*Правдину*). Теперь я не представлюсь.

Правдин (*Милону*). Я найду случай представить тебя после.

Стародум (*не давая руки Митрофану*). Этот ловит целовать руку. Видно, что готовят в него большую душу.

Очень многое зависело, конечно, от первых исполнителей «Недоросля». В подборе актеров Фонвизину очень помог Дмитревский. Сам он взялся играть Стародума. Это немало способствовало успеху всего спектакля. Многие зрители того времени считали, что Дмитревский имел мало соперников: «Всякое слово, действие имело свой вес, свое приличие, он основатель сцены нашей», — писал П. Сумароков. Поэты XVIII века посвящали Дмитревскому восторженные строки. Сравнивая его со знаменитым французским трагиком Лекеном, Д. Хвостов обращался к русскому актеру:

Ты Севера Лекень, средь Россиия державы
Умел приобрести венцы бессмертной славы.
. . . .
Скажи, Дмитревский, мне: назначено ль судьбой
Петрополя театр прославить лишь тобой?

Игра Дмитревского заставляла зрителей забывать, что они находятся в театре. Искренний поклонник таланта Дмитревского, Н. Струйский выразил свое впечатление от его игры в следующих стихах:

Я мыслил как тогда, коль где играешь ты:
Я не актера зрю, но бытия черты.

Сама внешность Дмитревского как нельзя более подходила для исполнения роли Стародума. Известный мемуарист и страстный театрал С. П. Жихарев, видевший Дмитревского уже в преклонном возрасте, так описывал наружность актера: «Черты лица имеет необыкновенно правильные, физиономию привлекательную и выразительную, глаза умные с поволокою, движения тихие и размеренные».

Достойным партнером Стародума-Дмитревского оказался молодой актер придворного театра Петр Алексеевич Плавильщиков. Получив хорошее образование в Московском университете, Плавильщиков знал языки, в подлиннике читал Вергилия и других древних и новых авторов, серьезно интересовался историей. Из-за купеческого происхождения Плавильщикову нелегко было найти подходящую службу, но здесь пришел на помощь его сценический дар. Став профессиональным актером, он выступал и как автор. Ему принадлежит несколько трагедий, восемь комедий, из которых особенно замечательна пьеса «Бобыль» (1792). В начале 1790-х годов Плавильщиков стал сотрудничать с И. А. Крыловым. В журнале «Зритель», издававшемся в Петербурге Крыловым и А. И. Клушиным, Плавильщиков поместил ряд статей о театре, в которых ратовал за создание национальной драматургии.

Начав свою сценическую деятельность в Москве, Плавильщиков приехал в Петербург незадолго до постановки «Недоросля». Дмитревский сразу обратил внимание на двадцатидвухлетнего актера и поручил ему от-

ветственную роль Правдина. Плавильщикову особенно удавались положительные типы: он успешно играл героев, «исполненных достоинства и нравственного величия». Его круглое лицо, голубые глаза, приятный голос — все это как нельзя подходило к образу чистосердечного, благородного Правдина, не лишенного, в отличие от Стародума, некоторых иллюзий.

Об исполнительской манере молодого Плавильщикова шли споры. Писатель И. И. Дмитриев вспоминал, как в 1782 году, будучи в театре, он вступил в разговор с одним незнакомцем, критиковавшим Плавильщикова. «Соглашусь с вами, — говорил Дмитриев, — что иногда он слишком кричит, горячится, невпопад произносит слово или размахивает руками; но у него звонкий голос, выразительное, пригожее лицо, свободная и благородная поступь. <...> Он не хочет обезьянить Дмитревского, но сам силится обдумывать игру свою, а это верный признак природного таланта».

Сцены с участием Стародума — Дмитревского и Правдина — Плавильщикова производили на зрителей большое впечатление. На спектакле присутствовал юный Николай Михайлович Карамзин, будущий знаменитый писатель и историограф. Карамзину тогда было около шестнадцати лет, но память о премьере «Недоросля» сохранилась у него на всю жизнь. «Сцены комические, — рассказывает Н. И. Греч со слов Карамзина, — возбуждали в зрителях мимолетный смех, а серьезные обращали на себя все внимание публики, которая в то время любила разглагольствия на сцене, особенно если они были наполнены колкими замечаниями на светские обычаи и слабости того времени».

Это ценное свидетельство обнаруживает, как современники воспринимали «Недоросля». Комедия не только смешила, но заставляла задуматься над важными общественными вопросами.

Едва ли, однако, успех премьеры можно объяснить только вниманием зрителей к «серьезным сценам». Ведь это комедия, и общественные пороки здесь не только обличались, но осмеивались, осмеивались зло, беспощадно. Недостойное, унижающее человека было воплощено в персонажах, выведенных на всеобщее посмеяние.

Удалась и роль госпожи Простаковой. Играла ее Авдотья Михайлова, поражавшая своим темпераментом. Один из суфлеров говорил о ней: «Замечательная актриса! У, господи боже мой! Что за буря! Суфлировать не поспеешь, забудешься, рвет и мечет, так и бросает в лихорадку». Эта Простакова была поистине и смешна, и страшна.

Взрывы смеха сопровождали появление на сцене Еремеевны. Ее роль Дмитревский уговорил взять на себя «любимца публики» Якова Даниловича Шумского. Тот самый Шумский, который восхитил юного Фонвизина, впервые приехавшего в Петербург, выступал теперь, спустя более чем двадцать лет, на первом представлении бессмертного «Недоросля». Бывший когда-то цирюльником, Шумский попал в труппу ярославских актеров и вместе с Дмитревским продолжал в Петербурге свою сценическую деятельность, прослыв неподражаемым комиком. Он блестяще исполнял роли ловких слуг, молодых повес, простолюдинов, пленял публику своей мимикой и вдохновенным комизмом. Можно представить, какой хохот стоял в зале, когда Шумский, наряженный в женское платье, заступался за Митрофана, обещая Скотинину «выцарапать бельмы». Даже в «Драматическом словаре» (1787) в кратком описании премьеры «Недоросля» отмечалась игра Шумского: «Характер Мамы (то есть Еремеевны. — *Н. К.*) играл бывший придворный актер г. Шумский к несравненному удовольствию зрителей».

Шумский был уже далеко не молод в это время, и через три года он уже ушел в отставку. Актер продолжал жить в Петербурге и сам стал своеобразной достопримечательностью города. В конце XVIII — начале XIX века (Шумский умер в 1806 г.) жители привыкли видеть седенького худенького, но бодрого старичка, шедшего по улицам Петербурга с большим мешком за плечами. Бывший актер жил тогда на седьмой версте по Петергофской дороге, но каждый месяц ходил за своей пенсией в присутственные места на Невский проспект. Полагавшиеся ему двадцать пять рублей Шумский получал медью, так как медные деньги тогда были в очень широком обращении. Шумский не нанимал извозчика, а взваливал мешок с полученной пенсией на плечи и шел домой пешком через весь город. Ноша была нелегка — мешок весил около полутора пудов.

По мнению М. Н. Муравьева, Шумского превзошел другой актер — В. М. Черников. Именно ему суждено было стать первым исполнителем роли Митрофана. Черников, по-видимому, обладал многогранным дарованием. За три года до постановки «Недоросля» Муравьев видел его в комедии Я. Б. Княжнина «Несчастье от кареты», где Черников играл положительного героя — молодого «любовника» Лукьяна. В другой комедии Княжнина, «Сбитенщик», Черников с большим успехом исполнил главную роль сбитенщика Степана. Впоследствии в том же «Недоросле» Черников играл и роль Еремеевны.

Зрители увидели в этом спектакле прославленного Дмитревского и актеров, о которых почти ничего не известно. Одни из них начинали свою актерскую деятельность (как Плавильщиков), другие ее завершали (как Шумский). Главное, что благодаря тщательной режиссуре самого автора получился настоящий слаженный актерский ансамбль. Сам Фонвизин мог при-

знать, что «успех был полный». В знак своего восхищения публика «аплодировала пьесу метанием кошельков», как сообщает нам «Драматический словарь».

Сохранился рассказ — правда, скорее всего, легендарный — о том, как Потемкин сказал драматургу: «Умри теперь, Денис, или хоть больше ничего уже не пиши! Имя твое бессмертно будет по этой одной пьесе». Впрочем, говорил ли Потемкин с Фонвизиным или нет, не так уж и важно. Приведенные слова, получившие широкую известность, по-видимому, отражают главное впечатление современной Фонвизину публики, оценившей его бессмертное творение. Премьера «Недоросля» была подлинным триумфом Фонвизина-драматурга и Дмитревского-актера.

В Москве все еще не решались пропустить «Недоросля» на сцену. После знаменательного дня 24 сентября 1782 года Фонвизин не без гордости писал московскому антрепренеру М. Е. Медоксу: «Вы можете уверить господина цензора, что во всей моей пьесе, а следовательно и в местах, которые его так пугали, не изменено ни одного слова». Фонвизин передал Медоксу текст комедии, но московская премьера «Недоросля», несмотря ни на что, долго затягивалась и состоялась спустя более полугода после петербургской — 14 мая 1783 года.

Повторение спектакля в театре Книппера произошло тоже не так скоро. Правда, за октябрь и ноябрь о спектаклях вольного театра на Царицыном лугу вообще нет сведений. Известно только, что там поставили четыре спектакля в декабре 1782 года. В этом же месяце в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось объявление о продаже лож на следующий, 1783 год.

Театр переживал в это время трудный период. Карл Книппер обнаружил свою несостоятельность в качестве антрепренера: финансовые дела оказались запутаны,

актеры не получали жалованья. Театр нужно было передать в руки человека деятельного, хорошо знающего актерские нужды и, главное, по-настоящему преданного театральному искусству. Таким человеком стал Иван Афанасьевич Дмитревский, который фактически уже давно взял на себя руководство театром. С 1 января 1783 года Дмитревский официально вступил в права предпринимателя вольного российского театра. К концу этого же месяца труппа подготовила вторую постановку «Недоросля», и спектакль состоялся 30 января.

К сожалению, вольный театр на Царицыном лугу просуществовал недолго. И. Георги писал по этому поводу: «Частные или вольные общества актеров никогда не могли соделать свое счастье, невзирая на величину, богатство и царствующий изящный вкус в сем городе. <...> Оный (театр Книппера — Дмитревского.— *Н. К.*) нравился всем, но не мог содержаться». Лучшим участникам труппы пришлось стать актерами придворного театра, а остальные «присуждены были избрать другое рукомесло».

Но недолгое существование вольного театра оставило значительный след в истории нашей культуры. С его помощью Дмитревский упрочил права фонвизинской комедии на петербургской сцене. В 1783 году текст «Недоросля» был напечатан в Петербурге, и на титульном листе указывались сведения, где можно приобрести книгу: «Продается у Клостермана, против Адмиралтейства, в доме мещанского клоба, № 106». Этот дом находился на углу Вознесенской улицы (ныне проспект Майорова, участок домов № 10—12, гостиница «Астория») и Большой Морской улицы (улица Герцена, участок дома № 39).

Отныне пьеса «почасту на Санкт-Петербургском и Московском театрах была представляема», как сообщает нам «Драматический словарь». В домашнем спек-

такле у графа Апраксина в Москве в 1784 году участвовал сам драматург: Фонвизин сыграл роль Скотинина.

«Недоросль» ставился на сцене не только столичных, но и провинциальных театров. Уже в 1786 году, в бытность Державина тамбовским губернатором, комедию увидели зрители Тамбова. Довольно скоро пьеса дошла до далекой Сибири. Когда Радищев останавливался в 1791 году в Иркутске на пути в ссылку, в местном театре «очень недурно разыгрывалась» фонвизинская комедия.

Разумеется, относились к пьесе очень по-разному, но равнодушным к спектаклю не оставался никто. В пометах Пушкина на книге П. А. Вяземского о Фонвизине есть фраза, представляющая большой интерес: «Бабушка моя сказывала мне, что в представлении «Недоросля» в театре была давка — сыновья Простаковых и Скотининых, приехавшие на службу из степных деревень, присутствовали тут и следственно видели перед собою своих близких и знакомых, свою семью».

Вполне естественно, что далеко не всегда у таких зрителей и слушателей пьеса могла встретить благожелательный прием. Один из литераторов рассказывал, как он читал «Недоросля» в знакомой помещичьей семье. Прием был самый суровый: «Вместо сочувствия я увидел сердитые физиономии. Явно было, что Простакова им не чужая, что в их домах имелись «бестии», которым не дозволялось бредить. Продолжать чтение не следовало, и я, сильно сконфуженный, закрыл книгу при неодобрительном и почти угрожающем молчании».

Смелая сатира Фонвизина оставалась действенной и после смерти драматурга. Изъять из репертуара «Недоросля» было уже невозможно, но цензоры постарались искалечить текст фонвизинской комедии. В распоряжении петербургской театральной дирекции в конце 1790-х годов находился рукописный экземпляр ко-

медии с купюрами и переделками, смягчавшими остроту сатиры. Этот экземпляр хранится сейчас в Ленинградской государственной театральной библиотеке.

Цензурным гонениям пьеса подвергалась при Павле, на которого возлагали такие надежды и Панины, и сам драматург. Это не ирония судьбы: ставший монархом Павел и «друг свободы» Фонвизин едва ли смогли бы найти общий язык... Зато новые и новые поколения честных людей России отдавали дань своего уважения и восхищения творцу «комедии народной». Сценическая история фонвизинской пьесы — история, которая не имеет конца, потому что «Недоросль» действительно бессмертен.

«СЕЙ ВОПРОС РОДИЛСЯ ОТ СВОБОДОЯЗЫЧИЯ...»

Начало 1783 года было ознаменовано для Фонвизина печальным событием: 31 марта умер Никита Иванович Панин. Накануне, как обычно, у него за ужином собрались друзья, беседовали, играли в карты. Ночью он почувствовал себя плохо. Утром приехал встревоженный Павел Петрович, следом за ним его супруга. Когда Панин умер, потрясенный Павел Петрович проговорил: «Боже мой, дай ему хотя одну минуту чувства, чтобы он почувствовал, сколь я ему одолжен». Хоронили Панина 3 апреля в Александро-Невской лавре торжественно, со всеми почестями, которые подобало воздать министру иностранных дел. От дома Панина по Большой Морской до монастыря пешком шли за гробом крупнейшие сановники, именитые иностранцы, многочисленная толпа людей разного звания. При выносе тела наследник престола в последний раз поцеловал руку своего бывшего наставника.

Среди присутствовавших на грустной церемонии далеко не все искренне сожалели о кончине Панина. Екатерининские вельможи прекрасно знали, что императрица, давно к нему неблаговолившая, могла испытывать в связи с его смертью скорее облегчение, чем печаль. Но было немало людей, которые понимали и чувство-

вали все значение этой утраты. В первую очередь к ним принадлежал и Денис Иванович Фонвизин.

Погребение состоялось в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры, где покоились особы царского происхождения и самые выдающиеся политические деятели.

Благовещенская церковь, сохранившаяся до наших дней (ныне здесь размещается один из отделов Музея городской скульптуры), была построена еще при Петре I в 1717—1722 годах. В 1724 году сюда перевезли из Владимира мощи Александра Невского, с именем которого связана история основания лавры. В 1762 году здесь происходили похороны Петра III. Впоследствии, когда Павел, очень чтивший память отца, стал императором, по его приказу прах Петра III с пышной церемонией был перенесен в Петропавловский собор.

Спустя пять лет над могилой Панина поставили мраморный бюст с надписью: «Панин, граф Никита Иванович, друг человечества, предводительствовал двадцать лет политическими делами, приобрел колену своему графское достоинство и имел доверенность воспитать наследника престола всероссийского». Разумеется, приобретение «графского достоинства» по тем временам считалось делом первостепенной важности. Надписи на надгробиях XVIII века непременно сообщали, какие титулы и чины имели похороненные. На памятнике Панину под бюстом выбиты вне трафарета слова — «друг человечества». Панин, разумеется, был бесконечно далек от демократической революционности. Он вел упорную и последовательную борьбу с Екатериной II, отстаивая не народные интересы, а права небольшой аристократической группы, претендовавшей на участие в управлении государством. Но при всей ограниченности политической программы Панина она во многом привлекала и Фонвизина, врага самовластия и деспотизма, сторонника просвещенной монархии.

Более десяти лет Фонвизин работал с Паниным, и их связывали дружеские отношения, взаимное доверие. Смерть Панина стала большой личной утратой для Фонвизина.

Надгробие Панина считается одним из самых интересных памятников в Благовещенской церкви. Фонвизину, правда, не нравился этот «монумент», о чем он откровенно и написал Петру Ивановичу Панину: «Тут мастер весьма неясно изобразил свою идею. По сторонам бюста поставил он две фигуры, но что чрез их сказать хотел, того усмотреть невозможно, да и фигуры коротки и худо драпированы. Словом, сей монумент нельзя сравнивать с теми, кои в Италии видел я над телами людей партикулярных». По мнению Фонвизина, памятник выдающемуся государственному деятелю должен отличаться от надгробия «людей партикулярных» (то есть частных).

(Позднее, в 1797 году, Панину поставили памятник в виде барельефа в церкви Марии Магдалины в Павловске. Но Фонвизина в это время уже не было в живых.)

Впрочем, писатель взял на себя задачу увековечить память Панина иным способом. Фонвизин написал произведение под названием «Жизнь графа Никиты Ивановича Панина». Это и некролог, и документальная биография, и смелое публицистическое произведение. Называя даты, имена, Фонвизин последовательно ведет рассказ о жизни «добродетельного гражданина», о его семье, о его дипломатической деятельности, об отношении к воспитанию Павла. Упоминаются и «претерпеваемые им отовсюду гонения», «зависть и ревность», которые он вызывал у царедворцев. Как традиционный герой древнерусской житийной литературы, Панин у Фонвизина идеализирован: говорится все время только о его достоинствах и заслугах. Но вспомним, что Панина уже не было в живых: писатель не льстил,

напротив, рисковал нажить себе новых врагов этими похвалами, если бы стало известно его авторство.

Рассказ о жизни Панина по существу превращался у Фонвизина в наставление современным политическим деятелям. Первое правило, которым руководствовался Панин во внешней политике, гласило: «Государство может всегда сохранить свое величие, не вредя пользам других держав». «Что же касается до внутренних дел, — продолжал Фонвизин, — душа его (Панина. — *Н. К.*) всегда огорчалась поведением тех, кои от невежества или из раболепства, или для собственныя своея пользы полагают в число государственных таинств то самое, о чем в просвещенном народе все должны ведать, как, например: количество доходов, причины налогов и проч. Он не мог терпеть, чтоб самовластие учреждало в гражданских и уголовных делах особенные наказы в обиду тех судебных мест, кои должны защищать невинного и наказывать преступника».

Фонвизин выдвигал в своем сочинении политические идеи, явно расходившиеся с действиями екатерининского правительства. Панин представал как нравственный образец государственного деятеля: «Всякий подвиг презрительной корысти и пристрастия, всякий обман, обольщающий очи государя или публики, всякое низкое действие душ, заматеревших в робости старинного рабства и возведенных слепым счастием на знаменитые степени, приводили в трепет добродетельную его душу».

Вполне понятно, что подобное произведение, да еще посвященное бывшему опальному министру, не могло быть сразу напечатано. Тем не менее оно нашло путь к читательской публике довольно необычным путем: в 1784 году в Лондоне вышла небольшая книжечка на французском языке без имени автора. Это и была фонвизинская «Жизнь Панина» с пропусками наиболее смелых высказываний. Через два года после этого петербургский журнал «Зеркало света», издававшийся

Ф. Туманским, опубликовал сочинение на русском языке, но опять-таки с пропусками и без имени автора. Есть сведения, что перевод с французского сделал писатель И. И. Дмитриев, который тоже не знал, кому принадлежит сочинение. В нескольких последующих отдельных изданиях «Жизни Панина», появившихся в XVIII веке, имя автора по-прежнему не называлось. Лишь после смерти Фонвизина, уже в XIX веке, сочинение было опубликовано по оригинальному тексту Фонвизина и включено в его собрание сочинений.

Даже в самые трудные дни после смерти друга Фонвизин не потерял присутствия духа. Важнейшие бумаги Панина, и в том числе знаменитое политическое «Завещание», были своевременно спасены его бывшим секретарем. Находясь в доме Панина на Большой Морской во время его кончины, Фонвизин тщательно собрал все эти документы и бережно хранил у себя до приезда в Петербург Петра Ивановича Панина, которому незамедлительно передал их. Предусмотрительность оказалась как нельзя кстати: бумагами Панина очень скоро заинтересовались, и в его доме был устроен настоящий обыск с участием вице-канцлера Ивана Андреевича Остермана. С не изменявшим ему юмором Фонвизин сообщал П. И. Панину, как проходил этот обыск: «Граф Иван Андреевич усомнился, не находятся ли государственные дела в шкапе, принадлежащем к гардеробу, и требовал, чтобы оный отворили. Тут нашлись старые сапоги, и великая душа его успокоилась». В последующие годы Фонвизин с неизменным уважением отзывался о Н. И. Панине. Дипломат С. Р. Воронцов (русский посол в Венеции, с 1785 года — в Лондоне) был поражен, с какой смелостью Фонвизин, будучи в Италии в 1784—1785 годах, высказывался о внешней политике России, подчеркивая заслуги Панина и не одобряя деятельность его преемников.

В 1783 году писатель много и плодотворно работал. Он обратился теперь к прозе и публицистике. Возможность для публикации новых произведений возникла в связи с изданием журнала «Собеседник любителей российского слова», предпринятым Е. Р. Дашковой.

Екатерина Романовна Дашкова — одна из замечательных женщин в истории русской культуры. Превосходно образованная, начитанная и одаренная незаурядным умом и волей, она сыграла заметную роль в общественно-научной и литературной жизни России XVIII века. В начале 1783 года Дашкову назначили на пост директора Академии наук. Эта должность была установлена в связи с тем, что президентом Академии считался К. Г. Разумовский, человек весьма влиятельный, но совершенно далекий от академических дел. Директор Академии наук С. Г. Домашнев давно уже вызывал недовольство ученых, и после его отстранения почетный, но ответственный пост перешел к Дашковой.

Энергичная и предприимчивая, она деятельно принялась за работу. Время пребывания Дашковой во главе Академии ознаменовано рядом важных начинаний, способствовавших развитию отечественной науки и литературы. Общественно-политическая позиция Дашковой оставалась при этом достаточно сложной и противоречивой. Отношения между Екатериной II и Дашковой, вначале доверительные и дружеские, постепенно становились все более отчужденными. Многое связывало Дашкову с группировкой, оппозиционно настроенной по отношению к императрице.

Дашкова приходилась родственницей Паниным: муж ее доводился двоюродным племянником Никите и Петру Паниным. Несмотря на отдаленность родства, их семьи были очень близки, часто виделись и помогали друг другу в трудную минуту. Вскоре после восшествия Екатерины II на престол Петр Иванович Панин стал

сенатором и должен был находиться в Петербурге, а дома своего он еще не имел. На помощь пришла Дашкова. Ее муж, уехавший в это время из столицы по делам службы, нанял для семьи просторный, недавно отделанный дом Одара. Екатерина Романовна пригласила Паниных поселиться в этом доме, а сама вместе с детьми перебралась во флигель.

Дашкова отчасти разделяла и политические взгляды Н. И. Панина, ратовавшего за ограничение самодержавной власти Екатерины. Имя Дашковой рядом с именами Панина и Фонвизина называлось в числе предполагаемых участников заговора, якобы ставившего целью возведение на престол Павла.

Вполне естественно, что, тесно общаясь с Паниными, Дашкова еще в 1770-е годы близко познакомилась с Фонвизиным. В 1782 году, возвращаясь в Петербург из длительного заграничного путешествия, она была серьезно озабочена тем, что в столице у нее нет пристанища: принадлежавший ей деревянный дом на берегу Фонтанки у Семеновского моста давно продан и остановиться негде. С просьбой о помощи она обратилась к «дорогому Денису Ивановичу», надеясь на его «дружбу и попечение». Не без сарказма по адресу императрицы Дашкова доверительно писала Фонвизину с дороги: «У нас же пристойных трактиров не завелось, а то бы хотя новое позорище (то есть зрелище. — *Н. К.*) представила в столице ее величества двора ее статс-дама, а притом русская уроженка, в трактире домком живущая! по дорожной привычке, в трактир въехала. Теперь же, в подражание ее подвластных кочующих народов и за неимением палаток, остается в карете на улице жить!».

Правда, хотя у Дашковой действительно в это время не было своего дома в Петербурге, она имела, однако, дачу в четырех верстах от города по Петергофской дороге. Здесь, в Кирьянове, она и поселилась с

детьми по возвращении в Петербург из чужих краев. Дача находилась поблизости от дачи Н. И. Панина, и родственники стали опять частыми гостями друг у друга.

В 1783 году Дашкова принялась за строительство каменного дома на своем дачном участке. Здание сооружалось по проекту архитектора Дж. Кваренги (сохранилось до наших дней; современный адрес: проспект Стачек, 45). Несмотря на некоторые изменения, сделанные в XIX веке, оно сохранило первоначальное изящество и строгость форм: центральный двухэтажный корпус с высокими окнами украшен портиком с четырьмя ионическими колоннами. В XVIII веке дом стоял среди обширного парка, переходившего в лес, где дворовые Дашковой собирали грибы. В парке был установлен мраморный обелиск и другие декоративные постройки. После смерти княгини, в XIX веке, дом отдавался внаем. Известно, что в 1820-е годы здесь происходили литературные собрания, в которых, в частности, принимал участие Иван Андреевич Крылов — в ту пору, когда он уже стал известным баснописцем.

Вернемся снова к осени 1782 года, когда у Дашковой не было еще этого роскошного особняка и с наступлением холодов ей нужно было искать способ перебраться в город. Положение, в котором оказалась придворная статс-дама, могло послужить предметом нежелательных толков. Императрица приказала из средств своего кабинета оплатить любой дом, который выберет в Петербурге Дашкова. Та медлила с выбором и наняла довольно скромный дом на Мойке, принадлежавший Нелединской. Наконец, после настойчивых напоминаний о покупке дома, Дашкова решила приобрести дом умершего придворного банкира Фридерикса, находившийся на Английской набережной, то есть близко от памятного нам дома на Галерной, где жили Фонвизины.

Одним из первых предприятий, осуществленных

Дашковой при ее вступлении в должность директора Академии наук, стало издание в Петербурге нового журнала — «Собеседник любителей российского слова». Редакторскую работу поручили Осипу Петровичу Козодавлеву, советнику Академии и литератору, но главное руководство журналом осуществляла сама Дашкова. В «Санкт-Петербургских ведомостях» от 14 апреля 1783 года объявлялось о предполагаемом издании, а 20 мая извещалось уже о выходе первой книги «Собеседника». В «предуведомлении» издатели писали о своем намерении печатать «одни подлинные российские сочинения». Желающим принять участие в журнале предлагалось посылать свои труды непосредственно Е. Р. Дашковой. Екатерина II много внимания уделяла «Собеседнику», стремясь сделать его проправительственным органом. Она сама стала одним из главных корреспондентов журнала. Из номера в номер здесь печатались ее «Записки касательно российской истории» и «Были и небылицы» — сочинение типа фельетона, с претензией на юмор, но малоостроумное. Екатерина неофициально выступала и в качестве соредактора, заранее знакомясь с присылавшимися материалами.

В конце первой книги «Собеседника» помещено было еще одно объявление: «Издатели сего Собеседника просят всех любителей российского слова и всю публику, ежели кто захочет написать критику на какое-либо сочинение, находящееся в сем собрании, не искать других типографий к напечатанию таковых критик или сатир, но присылать оные прямо к издателям сего Собеседника или на имя ее сиятельства княгини Екатерины Романовны Дашковой, которая конечно прикажет оные без наималейшей перемены напечатать в сем же Собеседнике».

Дашкова, которой, очевидно, и принадлежал этот текст, как бы призывала к литературной полемике, живому обмену мнениями по вопросам языка и стиля.

Позиция нового директора Академии наук была достаточно сложна.

Дашкова стремилась объединить в «Собеседнике» лучшие силы литературного Петербурга и, участвуя в журнале сама, привлекла к сотрудничеству Д. И. Фонвизина, Г. Р. Державина, И. Ф. Богдановича, Я. Б. Княжнина, В. В. Капниста, Е. И. Кострова, М. Н. Муравьева и других наиболее талантливых поэтов и писателей.

Не без умысла первая книга «Собеседника» открывалась державинской одой «Фелица». Императрица осталась очень довольной своим портретом в оде: поэт изображал ее как мудрую, трудолюбивую правительницу, противостоящую недостойным, порочным вельможам — «мурзам». Главное же — вместо высокопарных похвал поэт сумел представить живой, обаятельный облик Фелицы-человека.

Публикация оды как бы намечала программу издания: сатира допускалась, но в известных пределах, все, что касалось государыни, могло быть выдержано лишь в панегирических тонах.

Эту негласную программу нарушил Денис Иванович Фонвизин, принявший деятельное участие в «Собеседнике». Во многом благодаря ему и весь журнал приобрел совсем не тот характер, который хотела придать ему императрица.

По замыслу издателей журнал должен был способствовать развитию и совершенствованию русского языка и отличаться некоторым филологическим уклоном.

Следуя предложенной программе издания, Фонвизин начинает печатать в «Собеседнике» «Опыт российского сословника» — своеобразный словарь, в котором даются пространные толкования отдельных слов, близких по смыслу (сословник — словарь «сослов», синонимов). В ряде случаев Фонвизин дает любопытные примеры современного ему словоупотребления. Например, об употреблении предлогов «в, во, на» в «Сословнике» го-

ворится: «Обычай иногда позволяет *на* употреблять вместо *в* и *во*; например, вместо: живу *в* Москве, *в* Кубани, *в* Луговой ... говорится: живу *на* Москве, *на* Кубани, *на* Луговой». Как видим, во времена Фонвизина были возможны обе формы: «в Луговой» и «на Луговой». Очевидно, для Фонвизина более правильным казался первый вариант, теперь вышедший из употребления, а второй, ныне сделавшийся нормой, допускался лишь «иногда».

Но, следуя литературной традиции XVIII века и продолжая опыт Сумарокова и Новикова, писатель использует избранный жанр и в сатирических целях. Объясняя значение того или иного слова, Фонвизин создает подборку остроумных высказываний, имеющих вполне определенную направленность. Так, разграничивая слова «низкий» и «подлый», Фонвизин замечает: «Человек бывает *низок* состоянием, а *подл* душою. В *низком* состоянии можно иметь благороднейшую душу, равно как и весьма большой барин может быть весьма *подлый* человек. <...> Презрение знатного *подлеца* к добрым людям *низкого* состояния есть зрелище, унижающее человечество».

Несмотря на подобные примеры, «Сословник» не вызывал особого беспокойства издателей: они были вовсе не против сатиры, не задевавшей основ екатерининского правления. Сама Дашкова поместила в «Собеседнике» «Послание к слову *так*», в котором высмеивалось угодничество и лицемерие. Однако она оказалась в большом затруднении, когда получила для напечатания в «Собеседнике» небольшую анонимную статью под названием «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особливое внимание».

Статья принадлежала Фонвизину, но, как это часто делалось, он послал ее издателям без подписи. Впрочем, для этого были свои основания. Вопросы вызвали сильнейшее неудовольствие императрицы. Дашковой

пришлось прибегнуть к ловкому маневру, чтобы и статью напечатать и снять с себя ответственность за нее. «Если бы возможно было, — подсказывала она разгневанной монархине, — напечатать ее (статью. — *Н. К.*) вместе с ответами, то сатира будет безвредна». Итак, в третьей книге «Собеседника» от 28 июля 1783 года появилась замечательная публикация: вопросы Фонвизина и ответы Екатерины II (их имена в журнале не были названы).

Чем же возмутили государыню вопросы, обращенные к «умным и честным людям»? Ссылаясь на то, что издатели «Собеседника» якобы «не боятся отверзать двери истине», автор «Недоросля» в полный голос заговорил о серьезных политических проблемах, волновавших русскую общественность. Многие из двадцати фонвизинских вопросов лично затрагивали саму императрицу. Так, Фонвизин не без сарказма спрашивал: «Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?» Подобное напоминание о бесславно закончившей свою деятельность Комиссии для сочинения проекта нового Уложения вызвало настолько явное негодование, что она ответила на этот вопрос довольно грубо: «Оттого, что сие не есть дело всякого».

Если в «Фелице» Державина всячески подчеркивались преимущества правления Екатерины по сравнению с предыдущими монархами, то Фонвизин позволяет себе сделать сопоставление не в пользу царствующей императрицы. «Отчего в прежние времена,— смело задает он очередной вопрос, — шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют, и весьма большие?» Читателю той поры нетрудно было понять, кого имел здесь в виду автор вопросов. Л. А. Нарышкин, обер-шталмейстер ее императорского величества, сделал карьеру благодаря своему шутовству. Сама Екатерина признавала, что он родился арлекином. Один из современников, князь М. М. Щербатов, так характеризовал

Нарышкина: «Труслив, жаден к честям и корысти, шутлив и, словом, по обращениям своим и по охоте шутить более удобен быть придворным шутом, нежели вельможею». При всем своем шутовстве обер-шталмейстер был чрезвычайно деятелен и, не брезгуя никакими средствами, пополнял свою казну.

Весьма благоволившая к своему шуту императрица была всерьез задета дерзким вопросом Фонвизина и отвечала с нескрываемым гневом: «Предки наши не все грамоте умели. Сей вопрос родился от свободоязычия, которого предки наши не имели». Коронованному автору было уже не до остроумия, и ответы звучали или как начальственный окрик, или как пустая отговорка.

Продолжая тему, затронутую в «Недоросле», Фонвизин, только что сам покинувший службу, спрашивал: «Отчего многих добрых людей видим в отставке?» На что императрица отвечала с мнимым глубокомыслием: «Многие добрые люди вышли из службы, вероятно, для того, что нашли выгоду быть в отставке».

Не мог не задеть Екатерину и шестой вопрос: «Отчего не только в Петербурге, но и в самой Москве перевелися общества между благородными?» Этот вопрос наносил как бы двойной удар. Во-первых, существование «обществ между благородными», то есть дворянских кружков, объединявших людей с общими интересами, по-видимому, очень не нравилось императрице, опасавшейся политических заговоров. Во-вторых, противопоставление Москвы и Петербурга («не только в Петербурге, но и в самой Москве») явно в данном случае было не в пользу столицы. Ответ Екатерины на этот вопрос был краток, но весьма показателен: «От размножившихся клобов». Императрица хотела дать понять, что вопрос неоснователен: «клобы» — те же «общества между благородными», и их вполне достаточно. Фонвизин, очевидно, не разделял этого мнения. Вместе с тем в ответе явно проскальзывает неприяз-

ненное отношение к тем самым «клобам», о которых в свое время с таким энтузиазмом говорилось в «раннем» «Недоросле».

По ответам Екатерины легко можно было понять, что тучи сгущаются над головой дерзкого «вопросителя». Правда, Екатерина не знала еще его имени и даже подозревала, что автором мог быть И. И. Шувалов, которого она и стала высмеивать в «Былях и небылицах» под именем Нерешительного. Может быть, знала или догадывалась об авторстве Фонвизина только Дашкова.

Между тем, не устрашившись грозной монаршей отповеди, писатель продолжал свое сотрудничество в «Собеседнике». Более того, он выступил на страницах журнала с объяснением по поводу своих вопросов. Внимательно вчитываясь в текст этого объяснения, можно заметить, что оно представляло собой не покаянное письмо, как может показаться на первый взгляд, а смелое продолжение начатой полемики.

Вновь возвращаясь к вопросу о «злонравных и невоспитанных», Фонвизин с горечью писал: «Мне случилось по своей земле поездить. Я видел, в чем большая часть носящих имя дворянина полагает свое любочестие (то есть достоинство. — *Н. К.*). Я видел множество таких, которые служат, или паче, занимают место в службе для того только, что ездят на паре. Я видел множество других, которые пошли тотчас в отставку, как скоро добились права впрягать четверню. Я видел от почтеннейших предков презрительных потомков. Словом, я видел дворян раболепствующих».

Фонвизин был возмущен поведением тех дворян, которые, всецело пренебрегая своими обязанностями, заботились лишь о продвижении по сословной лестнице и о приобретении привилегий, сопутствующих этому продвижению. Таким образом, в своем «покаянном письме» писатель затронул по существу один из важ-

нейших вопросов современного ему общественного устройства.

По-своему очень злободневными оказались и другие фонвизинские произведения, напечатанные в «Собеседнике». Даже в казавшемся некоторым простодушным читателям совершенно безобидным «Поучении, говоренном в духов день иереем Василием в селе П***» было немало сатирической соли. Фонвизин блестяще воспроизвел здесь проповедь сельского священника, увещавшего свою паству сохранять трезвость, дабы «жить зажиточным домом» и своевременно платить подати государю и оброк помещику. Иерей сравнивает ленивца и пьяницу Якова Лысого с добродетельным Яковом Алексеевым и призывает исправиться «всех тех нечестивцев, всех тех грешников, кои подобны Якову Лысому». Фонвизин снижает «высокий жанр» церковного поучения, и произведение приобретает пародийный оттенок.

В «Собеседнике» появилась и «Челобитная российской Минерве от российских писателей», в которой Фонвизин также прибег к остроумному приему. «Российской Минервой» называли Екатерину II. Фонвизин от имени своих собратьев, русских писателей, обращается к императрице за покровительством. Первый пункт челобитной гласит: «Под владением вашего божественного величества находимся с лишним двадцать лет, в течение коих никаких обид и притеснений от лица вашего нам, именованным, не учинено; напротив же того, всякое ободрение и покровительство от священныя особы вашей нам изъявлено было». Подобное заявление невольно обезоруживало монархиню, недовольную «свободоязычием» «вопросителя». Главным виновником всех несчастий писателей предстают «знаменитые невежды», которые «употребляют во зло знаменитость своего положения». Эти невежды отрешают от дел «всех, упражняющихся в словесных науках».

Сатира Фонвизина, как всегда, имела вполне определенную направленность. В «Челобитной» высмеивался не кто иной, как генерал-прокурор сената Александр Алексеевич Вяземский, которого весьма раздражала литературная известность служившего в его подчинении Державина. Когда державинская ода «Фелица» появилась в «Собеседнике», Екатерина II пометила отдельные строки оды и передала экземпляры журнала ряду вельмож, в том числе и Вяземскому. В образе «развратного» вельможи из державинской «Фелицы» генерал-прокурор нашел свой собственный портрет. Возмущению генерал-прокурора не было пределов. Начались гонения на Державина, и писателю в конце концов пришлось оставить службу.

«Челобитная» явилась, таким образом, выступлением в поддержку поэта, преследуемого «знаменитым невеждой». Во время участия в «Собеседнике» Фонвизин, по-видимому, сблизился с Державиным, который жил в это время в Литейной части, в доме Неклюдова, в селении Преображенского полка (ныне участок дома № 10/23 на улице Радищева). Можно полагать, что в этот период писатели бывали друг у друга, встречались в доме Дашковой, обменивались литературными новостями.

В «Собеседнике» продолжали публиковаться державинские стихи, и среди них такие замечательные произведения, как «Бог», «На смерть князя Мещерского», «Ключ» и другие. Некоторые из этих стихотворений читатель уже знал по журналу «Санкт-Петербургский вестник», из которого часть материала была перепечатана в «Собеседнике». Авторство Державина ни для кого уже не было секретом: все знали, кто такой «певец Фелицы». Державин не стал, вопреки надеждам Екатерины, ее придворным певцом — он оставался поэтом-гражданином, говорившим истину царям. Державин сумел отстоять свою духовную независи-

мость, не боясь вступать в конфликт с государыней. Все это, несомненно, сближало его с Фонвизиным.

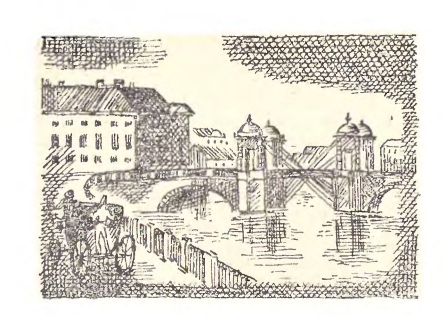
Далеко не все читатели XVIII века знали о сотрудничестве Фонвизина в «Собеседнике». Позднее документально установили принадлежность Фонвизину анонимно напечатанного в журнале произведения под названием «Повествование мнимого глухого и немого». Сюжет несколько необычен: молодой человек по совету своего отца притворяется глухим и немым, чтобы лучше узнать людей, которые все тайное откровенно говорят при нем. В этой сатирической повести предстают образы провинциальных помещиков, в чем-то уже предваряющие гоголевских героев: наглый Пимен Щелчков, который «обижает кого хочет»; вор и ханжа Варух Язвин, ездящий на украденных лошадях замаливать грехи.

Появляется в «Повествовании» и тема придворного Петербурга. Выясняется, что нельзя найти управы на бесчинства Щелчкова, потому что у него есть «ближний свойственник и нелицемерный друг» при дворе — дворцовый истопник Касьян Оплеушин. Этот покровитель Щелчкова «был такой мастер топить печи, что те, для которых он топил, довели его своею протекциею наконец до штаб-офицерского чина».

Впрочем, сатира Фонвизина могла задеть и многих других влиятельных персон, возвысившихся благодаря своему умению угождать. «Повествование мнимого глухого и немого» осталось без окончания. Возможно, что Фонвизин так и не завершил свое произведение, которое пришлось не по вкусу автору «Былей и небылиц». А может быть, «Повествование» было дописано, но конец его так и остался где-нибудь в бумагах Дашковой или Екатерины.

Сотрудничество Фонвизина в «Собеседнике» прекратилось во второй год существования журнала: в сентябре вышла последняя книжка «Собеседника».

«К ОБРАЗОВАНИЮ И ОБОГАЩЕНИЮ РОССИЙСКОГО СЛОВА»

Будучи директором Академии наук, Дашкова поставила вопрос о необходимости основать особую академию — русского языка. В октябре 1783 года появился указ об учреждении Российской академии, и председателем ее назначалась Дашкова. Первоочередной задачей Академии явилось составление первого научного словаря русского языка. Дашкова занялась приобретением дома для Российской академии.

Дом купили за тринадцать тысяч рублей. Это был «Ашев дом» (по имени его прежнего владельца барона Аша), находившийся на левом берегу Фонтанки, между Обуховским и Измайловским мостами (ныне набережная Фонтанки, 112).

Вероятно, выбор именно этого дома тоже подсказала Дашкова. Набережная Фонтанки была памятным местом детства княгини: она воспитывалась в доме своего дяди, канцлера М. И. Воронцова, и жила продолжительное время в Воронцовском дворце, сад которого выходил к Фонтанке.

Правда, с тех пор берега реки сильно изменились. Строительные работы шли полным ходом: Фонтанку одевали в гранит, делали железные перила. Но стоило это все неимоверных усилий принудительно согнанных

на тяжелые работы крестьян. Они попробовали жаловаться императрице на жестокого подрядчика Долгова и прислали ко двору своих депутатов от четырех тысяч человек, занятых на строительстве. Но посланцев взяли под стражу и разобрали их дело «с нарочитою строгостью».

Работы шли в центральной части города, а место, избранное для Российской академии, было достаточно отдаленным от центра. Участок Российской академии граничил с владениями Р. И. Воронцова с одной стороны и с усадьбой графов Зубовых — с другой. Платон Зубов, один из известных временщиков Екатерины, тоже иногда жил здесь. Позднее, как рассказывает историк М. И. Пыляев, при Павле, в доме Зубовых, спрятанном между вековыми деревьями, велись поздние беседы недовольных вельмож.

Здание Академии стояло в некотором отдалении от набережной, на большом, просторном участке. Дашкова решила использовать его удачное местоположение: во дворе выстроили два каменных флигеля, которые отдавались внаем за 1950 рублей, и эти деньги шли на нужды Академии, пополняя выделенные для нее правительственные ассигнования. Впоследствии, в 1789 году, один из флигелей, построенных при здании Российской академии, арендовал Гаврила Романович Державин, вернувшийся в это время в Петербург из Тамбова.

Еще до открытия Академии Дашкова подбирала ее будущий состав. Она стремилась привлечь крупнейших писателей — Д. И Фонвизина, Г. Р. Державина, М. М. Хераскова, Н. А. Львова, Я. Б. Княжнина, А. А. Ржевского и ученых — Н. Я. Озерецковского, И. И. Лепехина, С. К. Котельникова. Членами Академии стали известные меценаты И. И. Шувалов и А. С. Строганов. Дашкова включила и несколько видных сановников — Г. А. Потемкина, А. А. Безбородко, И. П. Елагина и представителей духовенства — санкт-

петербургского митрополита Гавриила, протоиерея П. А. Алексеева.

В момент основания Академии в ней насчитывалось 34 человека, но скоро количество членов возросло до 50—60.

Заседания Академии — большей частью под председательством самой Дашковой — проходили регулярно по субботам. Дашкова стремилась поддержать открытый обмен мнениями, и на заседаниях часто развертывались оживленные дискуссии. Ежегодно по особому указу императрицы для Академии изготавливалось около тысячи серебряных жетонов — каждый стоимостью в восемьдесят копеек. Эти жетоны, или дарики, имели четырехугольную форму. На одной стороне изображался вензель Екатерины II, на другой — ключ и книга. Ключ являлся эмблемой грамматики, открывающей путь к знаниям; книга символизировала просвещение. Раз в месяц устраивались особые собрания, на которых присутствовавшие члены получали в качестве награды за участие в работе Академии по такому жетону. Дашкова изъявила желание получать эти жетоны наравне с другими, чтобы «не показать отличности и соблюсти равенство» между всеми членами Академии, то есть чтобы не обидеть тех, кто был победнее.

По-видимому, отдаленность Российской академии от Академии наук создавала все же некоторые затруднения. К началу XIX века для Российской академии предоставили участок на Васильевском острове. В 1804 году на 1-й линии, на месте бывшего архиерейского подворья (ныне 1-я линия, 52), построили новое здание специально для Российской академии. Здесь продолжались заседания, но многих из ее первых членов уже не было в живых, в том числе и Фонвизина... Изменился и характер заседаний: фактически возглавил теперь Академию адмирал А. С. Шишков, прославившийся своими нападками на Карамзина и стремлением архаи-

зировать русский литературный язык. Вопрос о приеме новых членов в Академию часто решался несправедливо. Когда И. А. Дмитревский предложил избрать в Академию И. А. Крылова, кандидатура получила в поддержку лишь один голос Державина, и баснописец не был избран. Кстати, сам Дмитревский стал членом Российской академии только в 1802 году и при голосовании получил 7 голосов «за» и 5 «против»: видимо, многих почтенных академиков еще смущало и купеческое происхождение, и профессия «комедианта».

Российская академия сыграла несомненно значительную роль в истории нашей культуры, способствуя развитию отечественной филологической науки. В 1841 году Российскую академию преобразовали во второе отделение Академии наук, названное затем Отделением русского языка и словесности, а на его основе в советские годы создали Отделение литературы и языка Академии наук СССР.

Разумеется, к своему избранию в Российскую академию все относились по-разному: для одних это был лишь новый лестный титул, для других, к счастью для большинства, возможность приложить свои силы и способности к делу интересному и полезному: составлению русского академического словаря.

Денис Иванович Фонвизин оказался одним из главных инициаторов издания словаря. В сущности эта идея возникла у него самого давно. Более того, Фонвизину принадлежал один из самых первых опытов словарной работы. Чтобы рассказать о нем, нужно вернуться несколько назад, к 1770-м годам, к тому времени, когда писатель собирался отправиться в свое путешествие 1777—1778 годов.

Фонвизин проявил тогда большую заинтересованность в работе Н. Даниловского над неким «Лексиконом». О нем Фонвизин писал из-за границы Якову Ивановичу Булгакову. И Булгаков, и Николай Дани-

ловский были университетскими товарищами Фонвизина.

Булгаков, как и Фонвизин, после университета поступил на службу в Иностранную коллегию. Около десяти лет он был советником и секретарем русского посольства в Варшаве; в 1777—1778 годах (как раз когда Фонвизин путешествовал за границей) Булгаков находился в Петербурге, продолжая службу в коллегии. Дом Булгакова находился на Большой Морской (участок дома № 33 по улице Герцена). Отношения между бывшими соучениками сохранились самые дружеские и доверительные.

В письме из Варшавы в сентябре 1777 года Фонвизин обращался к Булгакову с просьбой: «Не оставьте Даниловского. Прошу бога, чтоб сохранил в душе его неутомимость в подвигах для блага лексикона». В начале 1778 года, по-видимому в ответ на малоутешительные новости о «Лексиконе», Фонвизин снова пишет Булгакову: «Я вижу, что лексикон наш умирает при самом своем рождении. Повивальная бабушка, то есть Даниловский, плохо его принимает. Я считал его за половину, а он еще около первых литер шатается. Уведомьте меня искренне, не спáла ли у него охота».

Николай Иванович Даниловский (или Данилевский, как иногда писалась его фамилия) успешно учился в дворянской гимназии Московского университета, получая очередные награды вместе с Фонвизиным. Затем, слушая лекции в университете, он одновременно преподавал в гимназии и выполнял обязанности университетского библиотекаря. С 1767 года он служил регистратором в канцелярии московского главнокомандующего. Во второй половине 1769-го — начале 1770-х годов в Москве появилось несколько переводных книг с французского за подписью «Н. Д.» и «Н. Дан.» — очевидно, эти переводы принадлежали Даниловскому. В основном это были чувствительные романы, как вид-

но уже из самих заглавий: «Невинные страдания, или Бедственная верность Леоноры Д...», «Злосчастное замужество девицы Гарви» и др. Из Москвы Даниловский в 1770-е годы перебрался в Петербург и здесь снова сблизился с Фонвизиным. В конце 1780-х годов Даниловский все еще находился в Петербурге и часто посещал давнего товарища по университету. Не исключена возможность, что сотрудник петербургского журнала «Зеркало света» (1786—1787), подписывавшийся инициалами «Н. Д.»,— все тот же Николай Даниловский. Это особенно важно и интересно, потому что статьи за подписью «Н. Д.» представляли собой вольный перевод сочинения французского просветителя П. Гольбаха «Социальная система». Речь шла здесь о серьезных общественных проблемах, весьма близких тем, которые были подняты в «Недоросле» и публицистике Фонвизина: обязанности человека как члена общества, необходимость строгого соблюдения законов и т. п.

Во всяком случае, Даниловский был одним из людей, близких Фонвизину по своим литературным интересам. Он хорошо владел французским, но в своей переводческой деятельности столкнулся с рядом трудностей: при отсутствии толкового словаря русского языка нелегко иногда было найти подходящий эквивалент для перевода. Фонвизин, еще более опытный переводчик и «ревнитель» русского слова, по-видимому, и предложил Даниловскому взяться за перевод французского словаря на русский.

В письме к Булгакову Фонвизин высказал свои соображения о том, где хранить «Лексикон» по отпечатании. «Класть его можно на бирже в погреба Ауля и Вацена, кои стоят на нашем дворе. Когда контракт о доме возобновлять с ними будет надобно, то можно включить в него условие, чтобы лексикону лежать у них на бирже, и контракт явить в полиции для вящего обеспечения». Речь шла о погребах во дворе дома Фон-

визина на Галерной. Ауль — это, может быть, тот же английский купец Куль, которому и позднее Фонвизины сдавали внаем один из своих домов. По-видимому, иностранная фамилия купца получила разную огласовку. В «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1769 год публиковалось объявление о том, что «по набережной Галерной в доме купца Фауля проданы будут мебели». Вполне возможно, что Ауль, Фауль и Куль — одно и то же лицо.

В начале 1778 года, находясь уже во Франции, Фонвизин продолжал беспокоиться о «Лексиконе» и сообщал о приобретенном для этой работы французском издании «Le Grand Vocabulaire». Собираясь отправить этот «Большой словарь» в Петербург для Даниловского, Фонвизин писал Булгакову: «В мае он его, верно, получит, но если молодец ленится, то пожалуйста, по привозе le Grand Vocabulaire, продайте скорее и деньги ко мне переведите; а я за здоровье Даниловского раздам их нищим».

По-видимому, хранить в погребах Ауля и Вацена было еще нечего. Между тем в феврале 1778 года в журнале «Санкт-Петербургский вестник» появилось «Известие о словаре французском с русским, печатающемся в Санкт-Петербурге иждивением книготорговца Вейтбрехта».

Книжную лавку Иоганна Якоба Вейтбрехта, или, как его называли на русский манер, Ивана Вейтбрехта, на Большой Морской давно знал Фонвизин. Еще летом 1777 года именно здесь продавалась книга А. Тома «Слово похвальное Марку Аврелию» в переводе Фонвизина. Вполне вероятно, что писатель через Даниловского вел переговоры с Вейтбрехтом и об издании их «Лексикона». Вот что сообщалось в «Известии о словаре»: «Общество ученых людей соединенными силами старается ныне издать французско-русский полный и исправный словарь, какого мы еще поныне не имели.

Оный переводится со словаря французской Академии. <...> Переводчики взяли на себя труд перевести все слова французские, находящиеся в оном, и к ним приобщили все фразы, кои им показались нужными для разъяснения различных оттениваний смысла и для означения разных образов, которыми сии слова на российский язык могут быть переведены». Хотя и говорилось о том, что перевод уже «совсем кончен», напечатали обещанный «Лексикон» только в 1786 году. Трудно сказать с полной уверенностью, что именно в этом труде принимал участие и Фонвизин. Однако мемуарист С. Н. Глинка, лично знавший Княжнина, упоминает, что Княжнин вместе с Фонвизиным переводил словарь, изданный французской Академией наук.

Благодаря богатому предшествовавшему опыту словарной работы Фонвизин оказался одним из самых подготовленных составителей словаря Российской академии. Еще до официального открытия Академии (21 октября 1783 года) Дашкова вела подготовительную организационную работу. Самое ответственное дело — выработка принципов составления академического словаря — было поручено «отряду» из четырех человек. В этот «отряд» вошел Фонвизин. Фактически он и взял на себя весь основной труд по написанию «Начертания для составления толкового словаря славяно-российского языка» и «Способа, коим работа толкового словаря славяно-российского языка скорее и удобнее производиться может».

Сложность задачи заключалась уже в том, что это был первый русский толковый словарь, по существу не имевший предшественников. Хорошо знавший древнеславянскую культуру, Фонвизин предлагал использовать церковные словари, книги, произведения лучших писателей прошлого и настоящего (включая произведения Ломоносова, Сумарокова, периодику XVIII века, в частности «Собеседник любителей российского сло-

ва»). Непосредственно словарный опыт можно было во многом позаимствовать из «Лексикона» французской Академии. В «Начертании» предлагалось не включать в словарь собственные имена, специальные технические термины, «все неблагопристойные слова и речения» и иностранные слова, «кои не вошли еще в такое употребление, чтоб объяснение их в российском словаре необходимо было нужно». Исключались также диалектизмы, а за основу бралось «московское наречие». Слова располагались по этимологическому принципу — то есть по корням слов. Особое внимание, как и в «Опыте российского сословника», Фонвизин уделял подбору синонимов при толковании каждого слова: «Надлежит к каждому слову приписать столько сослов, сколько найти можно».

Работая над «Начертанием», Фонвизин, видимо, обсуждал ряд вопросов и с Дашковой и с другими членами «отряда». Среди них был астроном Степан Яковлевич Румовский, литератор Николай Васильевич Леонтьев, натуралист и этнограф Иван Иванович Лепехин, назначенный непременным секретарем Российской академии. Но Лепехин был слишком занят своей секретарской деятельностью, Леонтьев также не проявил большой инициативы в работе по определению принципов словаря. Румовский и Фонвизин «участвовали в составлении правил, в сочинении словаря нужных», как сообщалось позднее в «Известии Академии», напечатанном во второй части «Словаря», опубликованной в 1792 году. Румовский, по-видимому, решал вопросы о подборе научных терминов, включаемых в «Словарь». Таким образом, главным автором стал сам Фонвизин: он и читал текст «Начертания» на одном из первых же заседаний Российской академии 11 ноября 1783 года.

Обсуждение происходило через неделю, на следующем заседании, и предложенный план «всеми членами

признан был за достаточный». Тут же началось распределение словарного материала между сотрудниками Академии. Каждому надлежало решить, какие из упомянутых в «Начертании» текстов он будет расписывать и на какие буквы будет подбирать слова. Денис Иванович взял себе буквы «К» и «Л» и дал согласие выбрать слова из «Архангелогородского летописца».

Фонвизин деятельно принялся за работу и в течение примерно двух месяцев выполнил взятые на себя обязательства. 22 января 1784 года он уже писал Дашковой из Москвы: «Окончив препорученную мне от Академии аналогическую таблицу букв *К* и *Л*, имею честь представить при сем оную вашему сиятельству, равно как и выписанные мною слова из Архангелогородского летописца». Кроме того, Фонвизин приобщил к письму составленный им список производных слов от глагола *дать* и перечень охотничьих терминов. Эти термины он записал под диктовку Петра Ивановича Панина, большого любителя охоты. Фонвизин надеялся, что и в дальнейшем Панин поможет словарю в толковании хорошо знакомых ему охотничьих терминов. В этом письме Дашковой писатель сообщал, что «пишет сословник» (то есть список синонимов), и выражал сожаление, что раньше не мог закончить работу по словарю. Он ссылался на свою болезнь с самого приезда в Москву.

Между тем на заседаниях Академии в отсутствие Фонвизина начали высказываться критические замечания по поводу «Начертания». Главным оппонентом выступил Иван Никитич Болтин, известный историк. Полемизируя с Фонвизиным, Болтин приводил малоубедительные аргументы. Получив текст возражений, Фонвизин написал обстоятельное письмо Осипу Петровичу Козодавлеву, с блеском отвечая на каждый пункт Болтина.

Во-первых, спор шел о включении в словарь собственных имен. По настоянию Болтина Академия решила отбирать для словаря самые употребительные собственные имена. На это Фонвизин остроумно отвечал: «Но как можно определить, которое имя есть самое употребительное и которое нет? — Всякий за свое имя вступится. В вашем доме Осип, в моем Денис весьма употребительны». В то же время Фонвизин предлагал вносить в словарь имена собственные, употребляемые в метафорическом смысле. «Я желал бы, например, — писал он, разъясняя смысл своего предложения, — чтоб в словаре нашем было истолковано, что имя Нерон заключает в себе идею лютого тирана, Тит — государя милосердного, Сарданапал — тирана сладострастного; что Зоилом именуется злобный и презрительный критик; что имя Катилина сделалось титлом высокомерного врага человечеству. Сим образом потомство судит деяния своих предков». Политический характер этих «лингвистических» примеров очевиден.

В то же время в возражениях Фонвизина проявилось замечательное языковое чутье. По поводу упоминаний Болтина об уменьшительных и увеличительных именах собственных Денис Иванович замечал: «Если Ивану нет места в лексиконе, тем менее Ваньке такая претензия прилична. Что же касается до увеличительных, будто духовными особами употребляемых, то я от роду не слыхивал, чтоб собственные имена имели когда-нибудь увеличительные. Знаю, что бывают они полные и сокращенные, например: Иоанн, Иван; но не думаю, чтоб какой-нибудь архиерей назвал себя когда-нибудь смиренный Иоаннище».

В отличие от многих своих современников Фонвизин четко осознавал принципиальное различие между толковым словарем и энциклопедией. В связи с этим писатель возражал против включения в словарь названий государств и крупнейших русских городов: «Сле-

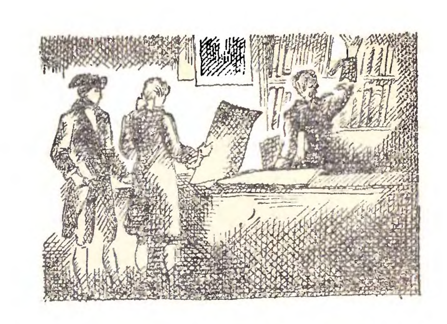
дует ли, чтоб в географию заехала грамматика, а в грамматику география? Мне кажется, всякая вещь должна быть в своем месте».

Позднейший опыт словарной работы подтвердил правильность большинства аргументов Фонвизина в его полемике с Болтиным. Не удержалось, правда, в нашем языке предлагавшееся писателем «сослово» — его вытеснил «синоним». Но все основные положения фонвизинского «Начертания» были успешно осуществлены Российской академией. Словарь создали в замечательно короткий для такой работы срок — шесть лет. С 1789 по 1794 год вышли все шесть томов «Словаря Академии российской». Эти книги большого формата, напечатанные на плотной бумаге XVIII века, до сих пор служат незаменимым пособием для историков языка, литературы, быта. «Словарь» явился замечательным свидетельством роста отечественной культуры, национального самосознания.

Фонвизину не суждено было увидеть завершения этой работы: последние тома «Словаря» выходили уже после смерти писателя. Да и успешно начатую работу пришлось прервать по воле обстоятельств. На собрании Российской академии 1 июня 1784 года Фонвизин сообщил сочленам о своем предстоящем отъезде за границу. При этом он обещал, что «не преминет доставлять в Академию труды свои, насколько позволит ему отдаленность от отечества».

Спустя несколько лет в одной из статей для журнала «Друг честных людей, или Стародум» (о котором речь впереди) Фонвизин писал о Российской академии: «Сие установление, конечно, много споспешествовать будет к образованию и обогащению российского слова. Слышу я, что Академия упражняется в составлении российского лексикона и грамматики. Без сомнения, сей труд будет весьма полезен». Здесь же писатель высказывал пожелание расширить деятельность Ака-

демии: забота об отечественном языке неразрывно связана для него с задачами литературно-общественного характера. «Кажется мне, — писал Фонвизин, — что между тем как Академия сим занимается, может она, под покровительством председательствующей в ней толь знаменитой просвещенным своим разумом особы, дать упражнение и тем российским писателям, кои не суть члены Академии. Она может, по примеру подобных в Европе установлений, задавать ежегодно материи к витийственным сочинениям, награждая победителя в красноречии и возбуждая тем соревнование между писателями. [...] Можно также задавать и материи нравоучительные, словом, упражнять писателей во всех родах сочинений и тем возращать российского слова богатство, красоту и силу». Этим благородным целям до конца посвятил Фонвизин свою недолгую жизнь.

«Я ОБЛИЧАЛ ПОРОК И НЕВЕЖЕСТВО...»

Очередное заграничное путешествие Фонвизина, предпринятое им вместе с женой в 1784—1785 годах в Италию, связано с интересом писателя к международной коммерции, касавшейся предметов искусства. Главной целью Фонвизина было приобретение книг, картин, гравюр и продажа их в России. Человек превосходно начитанный, хороший знаток живописи, Фонвизин немало способствовал обогащению отечественных коллекций, в частности собрания Эрмитажа. Он не считал для себя зазорным занятие коммерцией, оставаясь верным тем принципам, которые еще в юности побудили его перевести книгу «Торгующее дворянство». При отъезде Фонвизин запасся рекомендательными письмами, взял с собой тысячу червонцев, десять тысяч голландских гульденов и векселя от петербургского торгового дома братьев Ливио.

Постоянным помощником и доверенным человеком в коммерции Фонвизина был петербургский купец Герман Иоганн Клостерман. Немец по происхождению, он родился в Голландии и в 1768 году двенадцатилетним мальчиком приехал в Петербург вместе с отцом, остановившись в доме столяра Стеенмана на Большой Мещанской улице (ныне Гражданская). Затем отца Кло-

стермана приняли на службу в Пажеский корпус в качестве инспектора. Ему принадлежит несколько учебных пособий по географии и математике, изданных на французском языке.

Фонвизин познакомился с Клостерманом-сыном еще в 1777 году, в Париже. По поручению наследника престола и Н. И. Панина Фонвизин покупал в парижских лавках и на аукционах книги. Клостерман оказался при этом надежным помощником. «Когда ему самому не хотелось ехать на общественную распродажу художественных произведений, — вспоминал о Фонвизине Клостерман, — он посылал торговаться меня, отметив предварительно в каталоге, что нужно было купить». Клостерман сразу сумел завоевать расположение Фонвизина и его жены, предложивших ему сопровождать их в путешествии. Когда же Клостерман начал свою коммерческую деятельность в Петербурге, его деловые и дружеские связи с Фонвизиным стали еще более прочными. Около 1782 года (видимо, когда Фонвизин вышел в отставку) началась их совместная «коммерция вещами, до художеств принадлежащими». Значительное количество картин, приобретенных во Франции, Клостерман продал для Эрмитажа. В их числе оказались такие полотна, как «Весна» и «Лето» из серии «Времена года» Н. Ланкре, «Султанша, пьющая кофе» и «Султанша за вышиванием» К. Ванлоо, «Пейзаж» А. ван Остаде и другие. В последующие годы от Клостермана продолжали поступать в Эрмитаж картины, бронзовые статуи и другие вещи.

Судя по всему, молодой торговец располагал к себе и своими знаниями, и независимой позицией. Как уже упоминалось, первое издание «Недоросля» продавал Клостерман. Очевидно, он состоял членом Мещанского клуба, предоставившего ему помещение для книжной торговли. Этот «клоб» был основан еще в 1776 году и, по-видимому, пользовался у знатных петербурж-

цев большой популярностью. В 1791 году даже увеличили вступительные взносы с 15 до 20 рублей, а ежегодные членские — с 6 до 8 рублей. Это считалось относительно небольшой платой, особенно по сравнению с Дворянским клубом (основанным в 1790 году), где взносы составляли 50 рублей. В Дворянский клуб не принимали мещан и купцов, зато членом Мещанского клуба могли стать люди самого различного звания, начиная от ремесленников.

Фонвизина, видимо, привлекала широта интересов Клостермана, со знанием дела продававшего и книги, и «знатные собрания эстампов», и картины (для доставки их при лавке всегда обретались разносчики). Он проникся полнейшим доверием к Клостерману и, уезжая за границу, оставил ему доверенность на «безусловное управление всем, как движимым, так и недвижимым, имуществом».

В Италии Фонвизин потратил значительные средства на приобретение предметов искусства. Он познакомился с некоторыми художниками, в частности с А. Ш. Караффом, написавшим с натуры портрет драматурга. Особенно близко подружился Фонвизин с немецким живописцем В. Тишбейном, находившимся в те годы в Риме.

Однажды, разыскивая какого-то русского художника, Фонвизин случайно зашел в мастерскую Тишбейна и увидел на подрамнике картину «Конрадин Швабский перед казнью». Картина так понравилась Фонвизину, что он тут же пожелал купить ее «за любую цену». Поскольку полотно предназначалось для герцога Готского, Тишбейн сделал уменьшенную авторскую копию, щедро оплаченную Фонвизиным. Впоследствии через посредство Клостермана эта картина попала в собрание Эрмитажа. Между художником и русским путешественником завязались дружеские отношения: они почти ежедневно виделись. Фонвизин познакомил

Тишбейна со своей женой. «Она оказалась кротким, добродушным существом»,— вспоминал о ней художник. «Сам Виссен (то есть Фонвизин.— *Н. К.*),— писал Тишбейн,— был веселым человеком и, как мне говорили русские, одним из лучших умов среди них. Он был также автором различных сочинений, в особенности же одной комедии, которой было недовольно дворянство, считавшее себя сильно задетым в ней».

Катерину Ивановну как-то встревожил удрученный вид Тишбейна. Узнав о его материальных затруднениях, Фонвизин предложил ему денежную помощь: художник получил от них сто дукатов. Эту крупную сумму признательный Тишбейн обещал возместить своими работами. Фонвизин хотел ежегодно выплачивать художнику по сто дукатов, но осуществить это намерение ему не удалось. Расходы Фонвизина в Италии оказались столь значительными, что ему пришлось через Клостермана брать в долг 5000 рублей. Кроме того, по возвращении в Россию Фонвизина ожидали неприятные новости.

Свое имение в Витебской губернии Фонвизин перед отъездом сдал в аренду барону Ф. А. Медему. Арендатор обирал крестьян, жестоко обращался с ними. От его побоев два человека умерли, несколько человек отправилось в Петербург к Клостерману с жалобой. Несчастные ходоки, голодные, оборванные, еле добрались до столицы. Клостерман не стал, по обычаю тех времен, чинить расправу над ними, но дал им платье, хлеб, отправил в госпиталь, а затем помог устроиться на работу. Работа, правда, оказалась не из легких: рытье одного из петербургских каналов. Узнав о поступках Медема, Фонвизин глубоко возмущался. Вскоре он начал судебный процесс против разорившего его арендатора, но дело затянулось на долгие годы и еще больше расстроило материальное состояние Фонвизи-

на. Процесс кончился несколько лет спустя после смерти писателя.

Возвращаясь из Италии летом 1785 года, Фонвизин в связи с начатой тяжбой решил побывать в белорусских имениях, а затем несколько дней провести в Москве у родных. В это время там находился и Павел Иванович Фонвизин, с радостью встретивший брата после длительной разлуки. Но радость встречи скоро омрачилась печальным событием: Денис Иванович Фонвизин серьезно заболел. В связи с болезнью ему пришлось надолго задержаться в Москве. В декабре 1785 года Клостерман приехал из Петербурга и застал Фонвизина в тяжелом состоянии: он с трудом говорил и не мог владеть правой рукой. Весной следующего года из Москвы в Петербург приехала Катерина Ивановна Фонвизина, чтобы сделать распоряжения в связи с новой заграничной поездкой, необходимой теперь для лечения мужа. Его здоровье вызывало серьезные опасения. В 1786 году Фонвизин даже составил завещание, назвав в нем своим душеприказчиком П. И. Панина. «Заведенная мною коммерция вещами, до художеств принадлежащими, и отправляемая ныне санкт-петербургским первой гильдии купцом Германом Клостерманом,— указывал в завещании Фонвизин,— должна остаться в полном и единственном хозяйстве и распоряжении жены моей». Вместе с тем управление «коммерцией» завещалось Клостерману, доказавшему «свою честность, рачение и разумение». Ему же Фонвизин доверил продажу части своей библиотеки, собрания картин и гравюр. Среди них, в частности, был том, содержавший 200 гравюр Рембрандта. Вещи, не предназначавшиеся для продажи, Клостерман уложил в ящики и бережно хранил в специально нанятом для этого сарае.

В июне Фонвизины уехали в Австрию и возвратились в Петербург лишь к осени 1787 года.

За эти годы город продолжал строиться, на месте огородов и лесных участков вырастали новые здания, улицы становились все более оживленными, через реки и каналы сооружались новые мосты. В связи с работами на Фонтанке в середине 1780-х годов перестраивались или строились заново мосты: Аничков, Симеоновский, Чернышев, Семеновский, Обухов, Измайловский, Калинкин. Строились они по однотипному проекту — со сводами и беседками, на гранитных устоях.

Облик города менялся очень быстро, и это настолько поражало, что историк Петербурга И. Г. Георги писал: «Самые сии места, явившие таковую разнообразность предметов, чрез несколько месяцев переменяяся, изображают совершенно другой вид и кажутся внезапно преображенными. Многие, иногда же и целые ряды деревянных домов исчезают и вместо оных являются знатные каменные домы и дворцы, частию еще не оконченные, а частию уже обитаемые. Таким образом, город, год от году переменяяся, украшается чрезвычайно».

С открытием Большого театра (он находился на месте современного здания Консерватории) в сентябре 1783 года оживилась театральная жизнь столицы. Все больше становилось книжных лавок: книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова, развернувшаяся в эти годы в Москве, способствовала расширению книготорговли и в Петербурге.

Но и в середине 1780-х годов чувствуется уже заметное отступление Екатерины от прежней, более либеральной политики. Независимая деятельность Новикова пугает монархиню, и она предпринимает попытки скомпрометировать его в общественном мнении. На сцене придворного театра в 1785—1786 годах ставятся сочиненные императрицей пьесы, направленные против масонов.

Автор «Недоросля», дерзкий «вопроситель», не отступает и в этот период от своих позиций. За время

отсутствия Фонвизина в Петербурге появились его новые литературные труды, написанные, очевидно, еще до отъезда в Италию, проникнутые все тем же духом «свободоязычия».

В 1785 году вышла книжечка под названием «Рассуждения о национальном любочестии из сочинений г. Циммермана». Это одна из глав книги немецкого просветителя И.-Г. Циммермана «О национальной гордости», которую перевел Денис Иванович Фонвизин. Его имя не названо, но на книге есть помета: «Иждивением С. П. К. М. К. Овчинникова». Надпись расшифровывается просто: С. П. К. значит — санкт-петербургский купец. Возможно, через Клостермана Фонвизин вступил в контакт с петербургским книготорговцем Матвеем Кондратьевичем Овчинниковым, который широко развернул свою деятельность именно в 1780-е годы. В 1782 году у него была в Гостином дворе каменная лавка под № 44. Через год он снял большую лавку под № 22 «насупротив Гостиного двора», в доме, принадлежавшем раньше Г. А. Потемкину, а затем купцу Шемякину (на месте этого дома здание Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Позднее купец приобрел еще ряд лавок.

Книга, переведенная Фонвизиным и изданная «иждивением» Овчинникова, глубоко связана со всем творчеством писателя 1780-х годов. Как всегда, Фонвизин выбрал для перевода сочинение, идейно близкое ему. В книге Циммермана речь шла о том, каким должен быть подлинный патриот. В русской литературе эта тема давно уже привлекала к себе внимание передовых мыслителей и литераторов (Княжнина, Державина). Через несколько лет после фонвизинского перевода появилось радищевское сочинение «Беседа о том, что есть сын отечества». Любовь к отечеству утверждалась здесь как гражданская добродетель, с которой неотъемлемо связана и любовь к свободе.

Еще более значительным явлением в литературной жизни Петербурга середины 1780-х годов стало новое произведение Фонвизина — повесть «Каллисфен», напечатанная в августовской книжке академического журнала «Ежемесячные сочинения» за 1786 год. В повести речь шла о далеких временах Александра Македонского, но вдумчивый читатель без труда мог обнаружить политические иллюзии, непосредственно относившиеся к русской современности. Сделавшись монархом, Александр хочет сохранить благородные правила, внушенные ему Аристотелем, его учителем. Он просит прислать к себе какого-нибудь достойного ученика Аристотеля, который всегда говорил бы царю истину. Каллисфен, которого выбирает Аристотель, с сомнением спрашивает: «Но при дворе царя, коего самовластие ничем не ограничено, может ли истина свободно изъясняться?» Очередной вопрос, порожденный «свободоязычием». Между тем Аристотель не возражает, но, в свою очередь, спрашивает Каллисфена: «Неужели гонения страшишься?» Оба мудреца понимают, что человек, говорящий правду царю, обречен на гонения. Тем не менее Каллисфен отправляется к Александру. Сперва государь искренне хочет следовать его советам, и благодаря Каллисфену многие невинные люди избегают несправедливой казни. Но одновременно философ вызывает ненависть льстецов, окружающих Александра и его главного любимца Леонада. На Каллисфена клевещут, он попадает в немилость и вскоре заточается в темницу, где и погибает. Но Каллисфен не сломлен и в предсмертном письме благодарит богов за то, что «сподобили пострадать за истину». Гибель его не бессмысленна: он «спас жизнь Дариева рода и избавил жителей целой области от конечного истребления».

Повесть «Каллисфен» обнаруживает, что, несмотря на все препятствия, разочарования и жизненные не-

взгоды, Фонвизин остается верным своему идеалу «честного человека, который должен быть совершенно честный человек» (по словам его любимого героя Стародума).

В эти годы благодаря хлопотам друзей и близких в Москве вышло несколько произведений Фонвизина.

Н. И. Новиков перебрался в Москву в 1779 году, но продолжал поддерживать дружеские и деловые связи с автором «Недоросля». Взяв в аренду типографию Московского университета, Новиков развернул замечательную по своим масштабам издательскую деятельность. Среди напечатанных Новиковым книг есть и переиздания фонвизинских литературных трудов. Вторым и третьим изданием (1780 и 1787) вышла повесть П.-Ж. Битобе «Иосиф» в переводе Фонвизина. В следующем году Новиков переиздал фонвизинский перевод повести Ф.-Т. Арно «Сидней и Силли», помещая в конце книги, как и в первом издании, нашумевшее «Послание к слугам моим».

Павел Иванович Фонвизин, ставший с 1784 года директором Московского университета, много внимания уделял и созданному при университете Благородному пансиону. Литературные труды учеников этого пансиона появились в 1787 году под наивно-трогательным названием «Распускающийся цветок». Здесь, среди ученических сочинений и переводов опубликована «басня» «Лисица-Кознодей», сопровожденная следующим примечанием: «Издатели „Распускающегося цветка“ изъявляют сим признательность свою к славному стихотворцу, известному свету многими своими громкими сочинениями, который доставил им сию басню для поощрения их к дальнейшему получению вкуса в свободных науках». «Славный стихотворец» — это Денис Фонвизин, мастерски переведший стихами прозаическую басню немецкого писателя Х.-Ф. Шубарта «В Ливии умер Лев...». В басне рассказывается, как на похоро-

нах «звериного царя» Лисица-Кознодей «с смиренной харею, в монашеском наряде» восхваляет добродетели умершего Льва. Слушая этот панегирик, Крот рассказывает Собаке истину о Льве:

Я знал Льва коротко: он был пресущий скот,
И зол, и бестолков, и силой вышней власти
Он только насыщал свои тирански страсти.
Трон кроткого царя, достойна алтарей,
Был сплочен из костей растерзанных зверей!
В его правление любимцы и вельможи
Сдирали без чинов с зверей невинных кожи;
И словом, так была юстиция строга,
Что кто кого смогá, так тот того в рога.

Фонвизин в переводе усилил антитираническое звучание басни, и все ее содержание настолько легко применялось именно к русской действительности, что «Лисицу-Кознодея» долго считали оригинальным произведением Фонвизина. Даже упоминание о Пифике (обезьяне), который для Льва «альфреско расписал монаршую пещеру», находило разительное соответствие: в 1780-е годы в Эрмитаже шли работы по созданию «лоджий Рафаэля», где копировались фрески знаменитого художника. Так же, как в «древнегреческой» повести «Каллисфен», мы узнаем образ придворного Петербурга и в переводной басне «Лисица-Кознодей».

После изнурительной болезни, будучи еще очень слаб физически, Фонвизин остается тверд духом. По приезде в Петербург в 1787 году он снова принимается за литературный труд.

Среди рукописей писателя сохранился «Журнал пребывания моего в Петербурге» — очень краткий дневник, который писатель вел с сентября 1787-го по январь 1788 года. В дневнике много места занимают записи о состоянии здоровья, о визитах врачей, о приеме лекарств. Судя по всем этим записям, болезнь и те-

перь отнимала еще немало сил. Особый интерес представляют упоминаемые в дневнике имена людей, которые посещают Фонвизина, к которым он иногда ездит и сам. Среди них и давние друзья: И. А. Дмитревский, Н. Даниловский, А. И. Марков, занимавший уже в это время видное положение в Коллегии иностранных дел. У Фонвизиных бывает Савва Иванович Маврин, приятель отца И. А. Крылова. Молодой, безвестный еще, начинающий литератор Иван Андреевич Крылов, недавно приехавший из Твери в Петербург, служил под началом Маврина и мог от него наслышаться о знаменитом авторе «Недоросля». Частым гостем в доме Дениса Ивановича был и Герман Клостерман, приходивший то с отцом, то с женой, то всей семьей. Вместе с Катериной Ивановной Фонвизин тоже иногда навещал Клостерманов. Жили они, видимо, как и большинство петербургских купеческих семей, придерживаясь «умеренных отечественных обычаев» в одежде и столе. Согласно этим обычаям, как сообщает И. Георги, в таких семьях бывает по будням по четыре блюда, а по праздникам до шести: «...но при домашних торжествах, в именины и пр. стол многих людей среднего состояния весьма уподобляется столам знатных особ многообразностию блюд и лакомств и многоразличностию напитков, тонких вин и пр.».

Клостерман оказался верным помощником и в новом издательском предприятии Фонвизина.

В середине февраля 1788 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось следующее объявление: «На Невской перспективе, в доме князя Шаховского, под № 69, против Новой Исаакиевской улицы, у книгопродавца Клостермана раздается безденежно объявление об издании на сей 1788 год нового периодического творения «Друг честных людей, или Стародум», под надзиранием сочинителя комедии „Недоросля"». Петербургская публика охотно заходила в дом Шаховского,

находившийся на участке современного дома № 18 на Невском проспекте (против Новой Исаакиевской, то есть против Малой Морской — улицы Гоголя). Здесь можно было «безденежно» получить листочки с текстом объявления о книжной новинке. «Напрасно было бы предварять публику, — говорилось в объявлении, — какого рода будет сие сочинение, ибо образ мыслей и объяснения Стародума довольно известны. <...> Переводы из сего периодического творения вовсе исключаются. Ни одно сочинение, где-нибудь напечатанное, в сей книге места иметь не может. Словом, все сочинения будут совсем новые, а разве знакомые потому, что некоторые из них в публике ходят рукописные». Последнее свидетельство особенно интересно: не попавшие еще в печать новые сочинения Фонвизина распространялись в списках, передавались из рук в руки, и это не было уже ни для кого секретом, раз сам автор упоминает об этом в своем объявлении. В течение года Фонвизин предполагал издать двенадцать выпусков своего журнала: первые четыре — к началу мая, вторые четыре — к началу сентября, а последние — к началу следующего года. «Сие сочинение хотя и готово, — сообщает издатель, — но прежде печатано не будет, как разве подпишутся на семьсот пятьдесят экземпляров до первого марта, после которого подписка продолжаться не будет». Подписаться можно было здесь же, в лавке Клостермана.

По-видимому, Фонвизин имел все основания определить достаточно большой по тем временам тираж издания (у других частных петербургских журналов набиралось немногим более ста подписчиков). К 1 марта не набиралось указанного количества подписчиков, но Фонвизин еще раз объявлял через «Ведомости», что без подписки на 750 экземпляров издание «напечатано быть не может», и продлевал подписку до 1 апреля. Публика с нетерпением ждала новые произведения

известного автора «Недоросля». Но ожидания были обмануты. 4 апреля Фонвизин писал П. И. Панину из Петербурга: «Здешняя полиция воспретила печатание «Стародума»; итак, я не виноват, если он в публику не выйдет». Запрещение никак не было оглашено, и многие подписчики недоумевали, а иные и возмущались необязательностью издателя. Нашлись, однако, и люди более проницательные, понявшие, в чем причина задержки издания.

В марте 1788 года в Петербурге началась подписка на другой журнал — «Утренние часы». Издавал его кружок писателей, возглавлявшийся Иваном Герасимовичем Рахманиновым, известным своими переводами Вольтера. Рахманинов привлек к сотрудничеству и Ивана Андреевича Крылова. Крылов в это время уже пробовал свои силы в области драматургии, и написанные им трагедии «Клеопатра» и «Филомела» показывал Ивану Афанасьевичу Дмитревскому. Первый русский актер и друг Фонвизина подружился с начинающим писателем.

Журнал «Утренние часы» взял на себя смелость заступиться за Фонвизина перед недовольными подписчиками. Во втором выпуске журнала за 1788 год было напечатано «Письмо от госпожи С...». «Мне кажется,— говорилось в письме,— появилась в Петербурге мода, однако же не старая (ибо в старину за то дорого плачивали), а новая, что ныне собирают по подпискам деньги, дают билеты, а книг не видим. Что это такое?» Вслед за этим письмом был помещен «Ответ» издателей, написанный одним из сотрудников «Утренних часов» П. А. Озеровым. В «Ответе» объяснялось, что у издателей, не приславших книг, могли быть уважительные причины. «Ни вам, ни нам совершенно неизвестно, что препятствует до сих пор тем господам издателям выдать обещанные книги; может статься, что причины, удерживающие их исполнить свою обязанность, тако-

вы, что и сами вы если бы об оных были известны, приняли бы во уважение», — и, осторожности ради, добавлено: «чего, однако же, ни отрицать, ни утверждать мы не можем, а должны надеяться и желать, чтоб участвующие в том, увидев заслуженное ими нарекание, оправдали себя перед обществом, а потому и перед вами, и выдали бы скорее обещанные книги или бы возвратили собранные ими по подпискам деньги».

Но обещанный автором «Недоросля» журнал так и не появился: слишком уж смелыми были ходившие по рукам сочинения, предназначенные для «Стародума». Уже подзаголовок издания мог смутить петербургских цензоров: «Друг честных людей, или Стародум. Периодическое сочинение, посвященное истине». Вопреки обычаю тех времен Фонвизин посвящал свое издание не царственной особе, не знатному вельможе, а истине — истине, которую отстаивал фонвизинский Каллисфен ценою собственной жизни.

Журнал был составлен из вымышленной переписки Стародума с самим автором «Недоросля», писем других героев комедии (Софьи, Скотинина) и некоторых новых персонажей. Открывавшее издание письмо к Стародуму от «Сочинителя „Недоросля“» имело помету: «С.-Петербург, января 1788». «Я должен признаться, — обращался автор к своему любимому герою, — что за успех комедии моей «Недоросль» одолжен я вашей особе. Из разговоров ваших с Правдиным, Милоном и Софьею составил я целые явления, кои публика и доныне с удовольствием слушает». Здесь же Фонвизин применяет дипломатический ход: «Не страшусь я строгости цензуры, ибо вы, конечно, не напишете ничего такого, чего бы напечатать было невозможно. Век Екатерины Вторыя ознаменован дарованием россиянам свободы мыслить и изъясняться». В ответном письме Стародума эта фраза получает, однако, такое развитие, которое уже не могло понравиться императрице и мог-

ло насторожить ее цензуру. «В том государстве, — устами Стародума заявлял автор, — где писатели наслаждаются дарованною нам свободою, имеют они долг возвысить громкий глас свой против злоупотреблений и предрассудков, вредящих отечеству, так что человек с дарованием может в своей комнате, с пером в руках, быть полезным советодателем государю, а иногда и спасителем сограждан своих и отечества».

Фонвизин «возвысил громкий глас свой» против самых серьезных злоупотреблений — тех, что царили при дворе. Одно из наиболее ярких и замечательных произведений, предназначавшихся для журнала «Стародум», — «Всеобщая придворная грамматика». В «Предуведомлении» сообщалось, что эта грамматика «не принадлежит частно ни до которого двора; она есть всеобщая или философская», но дальнейший текст не оставлял сомнений, что речь шла о петербургской придворной жизни, о дворе Екатерины. Если на страницах «Собеседника» «Вопросы» Фонвизина появлялись в сопровождении ответов Екатерины, то теперь сатирик строит свое произведение в форме вопросов и ответов, традиционно использовавшейся в учебниках XVIII века. На первый же вопрос: «Что есть Придворная грамматика?» — дается «дерзкий» ответ: «Придворная грамматика есть наука хитро льстить языком и пером». Далее выясняется, что составляют двор «гласные и безгласные», гласных бывает немного, зато есть еще и «полугласные, или полубояре». «Полубоярин есть тот,— поясняет очередной ответ, — который уже вышел из безгласных, но не попал еще в гласные, или, иначе сказать, тот, который перед гласными хотя еще безгласный, но перед безгласными уже гласный». Основные грамматические категории получают великолепные определения: число — это «счет, за сколько подлостей сколько милостей достать можно»; падеж — это «наклонение сильных к наглости, а бессильных к под-

лости». «Повелительное» и «неопределенное» наклонения, чаще всего употребляемые при дворе, говорят сами за себя.

Начиная с высоких сфер, сатира Фонвизина затрагивает самые разные стороны русской общественной жизни и столичного быта. Из письма Софьи, которая пишет Стародуму из Петербурга в Москву, выясняется, что ставший ее мужем Милон изменяет ей, влюбившись в «презрительную женщину, каковые наполняют здешние вольные маскарады». Маскарады в это время остаются излюбленным развлечением петербургского общества, и для привлечения большого количества участников они проводятся не только при дворе, но и в помещении Большого театра, и в частных домах.

Надворный советник Взяткин обращается с просьбами к «его превосходительству», прилагая к письму самый веский аргумент — сторублевую ассигнацию. Одно из дел Взяткина — тяжба вдовы Бедняковой с купцом Плутягиным. Взяткин, рассчитывая на щедрое вознаграждение от Плутягина, просит его превосходительство не допустить «до подания челобитной» Беднякову, которая «потащилась в С.-Петербург искать правосудия». Из ответного письма его превосходительства мы узнаем о вопиющих беззакониях, практиковавшихся в столице. «О Бедняковой,— обстоятельно пишет его превосходительство,— дал я сегодня же приказ моему канцеляристу, чтоб он при въезде ее в город закричал на нее: *караул!* в ямской, под предлогом якобы некоего тяжебного дела, следственно, будет она проведена прямо в государеву квартиру, а как, по новости ее в городе, она порук по себе не найдет, да и я не допущу, то может она сидеть в тюрьме до тех пор, пока согласится, не заезжая никуда, отправиться восвояси. Будь уверен, мой приятель, что пока я боярин, по тех пор для всех Бедняковых Петербург будет тюрьма, а тюрьма Петербург».

Это один из первых опытов в русской литературе, представляющий мрачный облик Петербурга-тюрьмы, Петербурга казенного и бездушного, губящего «маленьких» людей вроде фонвизинской Бедняковой.

Фонвизин показывает, что злоупотребления в судопроизводстве — это не частные случаи, а целая система, основанная на взяточничестве и произволе в толковании законов. Взяткин просит его превосходительство устроить у себя в Петербурге и его сына Митюшку, который под руководством отца «сочинил совсем нового рода сводное уложение, приискав на каждое дело по два указа, из которых по одному отдать, а по другому отнять ту же самую вещь неоспоримо повелевается».

Если для Бедняковых столица оказывается тюрьмой, то Взяткины благоденствуют в Петербурге. Очень хорошо себя чувствуют здесь и люди типа Сорванцова. Этот персонаж появляется в другом сочинении, предназначенном для журнала «Стародум» и представляющем собой небольшую драматическую сценку, известную под названием «Разговор у княгини Халдиной».

Пушкин писал об этом произведении Фонвизина: «Статья сия замечательна не только как литературная редкость, но и как любопытное изображение нравов и мнений, господствовавших у нас лет сорок тому назад. <...>Все это, вероятно, было списано с натуры. Княгиня Халдина говорит Сорванцову *ты,* он ей также. Она бранит служанку, зачем не пустила она гостя в уборную. «Разве ты не знаешь, что я при мужчинах люблю одеваться?» — Да ведь стыдно, в<аше> с<иятельство>,— отвечает служанка. «Глупа, радость»,— возражает княгиня. Изображение Сорванцова достойно кисти, нарисовавшей семью Простаковых». Разговор Халдиной и Сорванцова происходит в Москве, но те же нравы царили и в петербургских гостиных. Непосредственно с Петербургом связана история карьеры судьи Сорванцова. Помещичий сын, получивший без службы чин капи-

тана, Сорванцов мечтает о повышении, чтобы добиться права выезжать цугом. Для получения чинов он и отправляется в Петербург, где спокойно покупает, то есть получает с помощью взятки, сперва чин надворного советника, а затем коллежского. Теперь он может запрягать четверню в свою карету, но и этого ему мало. Скоро тем же путем он приобретет чин статского советника, сделает долгожданный выезд на шестерке лошадей и тотчас же выйдет в отставку, чтобы не обременять себя никакой службой.

Честолюбие многих было чувствительно задето, когда в 1775 году Екатерина издала специальный манифест об экипажах и ливреях. Здесь тщательно было расписано для всех рангов, в каком экипаже можно ездить и по скольку галунов слугам носить на ливрее. Только для первых двух классов (самых высоких чинов) разрешалось перед экипажем иметь еще «вершников», то есть верховых, сопровождавших карету. Количество лошадей, везущих экипаж, строго ограничивалось в соответствии с чином: чем больше чин, тем больше лошадей. Ездить на паре считалось достаточно почетно, а четверка для многих оставалась пределом мечтаний. Персоны первых двух классов имели завидное право обшивать ливреи для слуг по всем швам, с третьего по пятый класс — только по борту, шестой — на обшлагах и воротниках и по борту, восьмой — те же обшлага и воротники, но только на верхней ливрее; для слуг, господа которых ниже восьмого класса, вообще запрещалась одежда с галунами. По экипажу и одежде слуг сразу можно было определить, с кем имеешь дело. Внешний вид подсказывал сразу же и характер обращения: чем больше галунов на ливрее слуги, тем ниже поклон. Дворянские экипажи издали можно было узнать по их роскошному убранству, а вот купцам, мещанам и «всяким посадским людям» строго запрещалось иметь расписные кареты или сани: полагалось их

красить только одной краской. Для извозчичьих экипажей предусматривался и цвет — желтый. Введение этой регламентации правительство рассматривало как важную меру по борьбе с мотовством и стремлением к роскоши: раньше, независимо от чина, честолюбцы стремились свой выезд сделать как можно более пышным и торжественным. Новая система ограничивала возможности для лиц нечиновных, но не искореняла существенного зла, о котором писал Фонвизин: право ездить на паре или на четверне становилось главным стимулом, определявшим отношение многих дворян к службе.

«Осьмой класс,— свидетельствует И. Г. Георги,— которому майорский или асессорский чин равняется, дает преимущество ездить в четыре лошади, таковых между достаточными служащими людьми есть весьма много». По улицам столицы разъезжали кареты, запряженные четверками, шестерками, восьмерками. Кучер управлял одной парой лошадей, а на других парах обычно сидело по «вершнику»; на запятках кареты навытяжку стояли слуги. Один экипаж выглядел великолепнее другого, и честолюбивые Сорванцовы шли на все, лишь бы своим выездом затмить других. Особый шик состоял в том, что передний форейтор, размахивая бичом, кричал встречным: «Пади, пади, берегись!» Это имело особенное значение во время разъездов с балов или из театра. Каждый форейтор старался первым вывезти своего господина — получалась давка, ломали экипажи, давили лошадей и людей. Нередко такие сцены происходили и на Царицыном лугу, где скапливалось много экипажей. Не раз мог видеть их и Фонвизин.

Из разговора с княгиней Халдиной выясняется, что Сорванцов не первый приобрел себе право впрягать шесть лошадей. Сама княгиня признается, что поставила условием своему жениху возить ее только четвернею.

Откуда же брались деньги на покупку чинов? Судья Сорванцов, сам не берущий взяток, все-таки оказыва-

ется сродни надворному советнику Взяткину. С полным сознанием своей правоты Сорванцов развивает целую теорию, обосновывающую необходимость взяток: «Сама природа одарила всякого судью взятколюбною душою, многие из них с честными правилами принуждены брать взятки. Вообразите судью честного человека. Он дворянин, имеет родню и знакомство, то есть живет в обществе, имеет детей, требующих воспитания; но нет у него, кроме жалованья, других доходов, а жалованья получает только 450 рублей. Скажите мне, ради бога: как он может содержать жену, детей и дом такою малою суммою и в такое время, когда нужнейшие для жизни вещи взошли до цены невероятной? Хотя бы и не хотел, неволею должен сделаться взяткобрателем».

Другой способ приобрести достаток описывается в «Наставлении дяди своему племяннику», также входящем в состав фонвизинского журнала. Дядя вспоминает о своих юношеских идеалах — и здесь мы как будто слышим голос самого автора «Недоросля»: «Я и был чистосердечен... обличал порок и невежество, хвалил угнетенное достоинство, имел твердость говорить иногда истину и большим боярам». Результаты такого поведения слишком хорошо были известны Фонвизину: «Чистосердечие мое произвело на меня великие гонения, им нажил я многих неприятелей. Благотворение довело меня в долги, а знания мои возбудили ко мне зависть и ненависть одного знатного невежды, который просвещение считал вредным для государства». Но далее пути сатирика и его героя расходятся в диаметрально противоположные стороны. Дядя, наставляющий племянника в науке жизни, рассказывает далее о своей удачной поре, начавшейся с того времени, как он «переменил свою систему». Новая система и обеспечивает надежный успех: «Что бранил, то стал хвалить; всякий знатный человек находил во мне защитника своему жестокосердию или глупости. С самого утра бегал я по передним

знатных господ и не стыдился трусить даже и перед их камердинерами. Если кому дадут ленту или знатный чин, то у меня через полчаса поспевала ода, которую тем больше хвалили, чем меньше было в ней смыслу». Герой завершает свою блистательную карьеру в Петербурге: здесь он женится на любовнице «одного любимца знатного господина», покупает себе каменный дом, дает обеды, балы, концерты. Дядя подводит итог не только своему опыту: «Рассмотри своих сограждан и ты найдешь, что большая часть из них одолжена за свое богатство и знатность своему лицемерию, жестокосердию, невежеству и женам».

Фонвизин ни разу не переменил своей «системы» и продолжал с еще большей твердостью «обличать порок и невежество». Смелое слово сатирика, не пропущенное в печать царской цензурой, находило путь к читателям. Списки «Стародума» продолжали ходить по Петербургу, и одно из свидетельств этому — ссылки на неопубликованную «Всеобщую придворную грамматику» в знаменитой крамольной книге Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», над которой в это время работал писатель-революционер.

«ЖИТЬ И УМЕРЕТЬ ЧЕСТНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ...»

Запрещение «Стародума» стало одним из первых проявлений репрессивной политики Екатерины II. В 1789 году вынужденно прекратил свое существование петербургский журнал И. А. Крылова «Почта духов», который включал немало оригинальных и переводных очерков, проникнутых тираноборческими мотивами. В Москве в том же году была у Новикова отобрана университетская типография. 1790 год в истории нашей культуры неизменно связан с именем Радищева. «Путешествие из Петербурга в Москву», отпечатанное в домашней типографии Радищева на Грязной улице (улица Марата), в мае поступило в книжную лавку купца Зотова в Гостином дворе. В июне начался процесс над Радищевым, его приговорили к смертной казни, а после «помилования» — к сибирской ссылке. В начале 1791 года в Петербурге умер Княжнин, и в народе ходил слух, что умер он «под розгами» в тайной канцелярии. Через год арестовали Новикова и заключили в Шлиссельбургскую крепость. Во время следствия по его делу московская полиция устроила обыск и у Павла Ивановича Фонвизина.

Последние четыре года жизни Фонвизина омрачались печальными известиями о судьбе друзей и едино-

мышленников и собственными физическими страданиями. Несколько раз за это время у него повторялся апоплексический удар.

Петр Иванович Панин, отправляя в Петербург своего сына Никиту, писал своему родственнику князю Александру Борисовичу Куракину в августе 1788 года: «Пожалуйте, не запомните (то есть не забудьте, не запамятуйте.— *Н. К.)* познакомить его со всеми теми нашими с покойным братом друзьями, кои у вас пребывают; предводительствуйте его ко всем оным, особливо к страдальцу нашему Фонвизину». Несмотря на болезнь, Денис Иванович по-прежнему вел переписку с П. И. Паниным, очень приветливо принял его сына и написал отцу о нем «весьма приятное заключение».

Тяжелое состояние здоровья не помешало Фонвизину выполнить просьбу его сестер, находившихся в Москве,— Анны, Марфы и Катерины, пожелавших отпустить на волю нескольких своих крепостных. С февраля 1789 года по март 1790 года в Санкт-Петербургском надворном суде слушалось дело статского советника Д. И. Фонвизина об оформлении отпускной, выданной дворовым людям: Семену Козмину, Никифору Андрееву с женой и дочерью и Сергею Алексееву.

Физические страдания не отдаляли писателя ни от близких друзей, ни от любимого дела — литературы. Почти сразу после того как выяснилось, что «Стародум» запрещен, Фонвизин попытался издать собрание своих сочинений и переводов. Верным помощником оказался все тот же Клостерман.

В «Санкт-Петербургских ведомостях» за май и июнь 1788 года напечатано объявление, приглашавшее петербургскую публику подписаться на «Полное собрание сочинений и переводов» Фонвизина в книжной лавке № 16 по Суконной линии Гостиного двора. Лавка находилась в центре Суконной (ныне Невской) линии Гостиного двора, «выходя из ворот оного на правой ру-

ке», то есть, если смотреть с Невского,— слева от центрального входа.

Судьба этой лавки примечательна. В 1789 году она перешла к московскому книгопродавцу Т. Полежаеву, дела которого в Петербурге вел И. Глазунов, владевший соседней лавкой № 15. Иван Глазунов — младший брат Матвея Глазунова, родоначальника семьи известных книгоиздателей XIX века. В 1790 году Полежаев взял компаньоном в свою петербургскую лавку Г. К. Зотова, с которым был знаком Радищев. Сюда и поступили первые экземпляры «Путешествия из Петербурга в Москву». Как только обнаружился крамольный характер книги, полиция прежде всего стала наводить справки о Зотове и его лавке. Но гостинодворские купцы дружно стояли за товарища и объявили, что «он всегда был поведения хорошего и ни в каких подозрительных поступках никем не замечен».

Среди этих купцов, очевидно, оказалось немало знакомых Клостермана. Человек он был свободомыслящий и смелый: после неудачи со «Стародумом» не побоялся начать в 1788 году подписку на собрание сочинений Фонвизина, в которое входили и статьи, написанные для только что запрещенного журнала. Более того, «Санкт-Петербургские ведомости» извещали, что в лавке Клостермана желающие могут познакомиться с рукописями Фонвизина, которые предполагается напечатать в собрании сочинений. «Безденежно» здесь раздавали и проспект издания, составленный самим автором.

В собрание сочинений предполагалось, в частности, включить напечатанные анонимно переводы: «Та-Гио, или Великая наука, заключающая в себе высокую китайскую философию», «О национальном любочестии» и оригинальную повесть «Повествование мнимого глухого и немого», означенную в проспекте под названием «Глухой и немой».

Для многих читателей XVIII века проспект давал

возможность гораздо шире представить себе творчество известного автора «Недоросля». Познакомиться с самим собранием сочинений не удалось никому, так как это издание постигла участь «Стародума»: оно так и не появилось.

С удивительной твердостью Фонвизин перенес и эту неудачу. В конце 1780-х годов он попытался осуществить в Москве издание коллективного журнала под названием «Московские сочинения». Замысел не был лишен и некоторого полемического задора. Одним из условий нового журнала Фонвизин предлагал «не принимать никаких переводов, тем менее дурных, ибо в противном случае «Московские сочинения» наполнены будут, как и «Ежемесячные» в Петербурге, такими переводами, которых и сам переводчик, не говоря о читателе, разуметь не может». «Московские сочинения», к сожалению, тоже остались только в проекте.

Отмечая в «Записных книжках» намерение Фонвизина переводить Тацита, первый биограф драматурга П. А. Вяземский коротко упомянул об очередном запрещении: «не позволили».

В последние годы жизни Фонвизин стал работать над сочинением типа мемуаров — «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях». Это были не совсем обычные мемуары. Фонвизин вступает в своеобразное состязание с Ж.-Ж. Руссо, знаменитым автором «Исповеди», покорившей читателей XVIII века своей необыкновенной искренностью и психологической глубиной. «Славный французский писатель Жан-Жак Руссо,— начинает свое произведение Фонвизин,— издал в свет «Признания» («Исповедь».— *Н. К.*), в коих открывает он все дела и помышления свои от самого младенчества,— словом написал свою исповедь и думает, что сей книги его как не было примера, так и не будет и подражателей». Вслед за Руссо Фонвизин хочет провести «испытание своей совести». Тяжело больной и

одержимый сомнениями, писатель говорит о необходимости покаяния, но и в словах молитвы, обращенной к богу, мы слышим его голос поборника истины. Сама исповедь Фонвизина превращается в живой, образный рассказ о событиях прошлого, о людях, окружавших писателя. «Признание» автор предполагал разделить на четыре книги: младенчество, юношество, «совершенный возраст» и «приближающаяся старость». Закончены были две первые книги и начата третья. Здесь можно найти и грустные и трогательные эпизоды из жизни автора «Недоросля», описанные его мастерским пером. Фонвизин, например, вспоминает, как в детстве с волнением слушал рассказ отца об Иосифе Прекрасном, проданном его братьями. Не в состоянии скрыть свои слезы и стесняясь их, маленький Денис сказал, что у него разболелся зуб. Когда же начали лечить здоровый зуб, он признался отцу: «Батюшка, я всклепал на себя зубную болезнь, а плакал я оттого, что мне жаль стало бедного Иосифа». Этот эпизод характерен: здесь и «беспримерная чувствительность» Фонвизина, его неприятие всякой несправедливости, способность отозваться на чужие страдания.

Фонвизин писал не христианское покаяние, а новое художественное произведение, основанное на реальных фактах его собственной жизни.

С «Чистосердечным признанием» по-своему связано и другое сочинение Фонвизина, написанное в конце жизни,— «Рассуждение о суетной жизни человеческой (На случай смерти князя Потемкина-Таврического)». Г. А. Потемкин, достигший высших почестей, владелец несметных богатств, умер совершенно неожиданно, в октябре 1791 года, во время пути из Ясс в Николаев (он находился тогда на юге в связи с мирными переговорами в русско-турецкой войне). Незадолго до этого, весной 1791 года, Потемкин, будучи в Петербурге, устроил грандиозный праздник в своем Таврическом двор-

це. У Екатерины II в это время появился новый фаворит — П. А. Зубов. Длительное пребывание Потемкина в Петербурге сделалось нежелательным для императрицы, и праздник в Таврическом дворце явился своего рода прощальным торжеством.

Столичную знать трудно было удивить великолепием, но устроенный бал превзошел все ожидания и надолго запомнился жителям Петербурга, как один из самых роскошных праздников XVIII века. Приглашено было около трех тысяч «благородных» гостей, а для «черни» выставили угощение на площади перед дворцом.

Разговоры о празднике, видимо, доходили и до Фонвизина. Несмотря на лечение за границей летом 1789 года, здоровье писателя все ухудшалось. Особенно тяжким был 1791 год, в течение которого Фонвизину пришлось выдержать четыре апоплексических удара: он потерял возможность владеть рукой, ногой и с трудом говорил. В таком состоянии он узнал о внезапной смерти Потемкина, поразившей воображение многих, только что видевших хозяина Таврического дворца.

«Смерть сия,— писал Фонвизин,— есть великое поучение сильным мира сего. Она являет, что слава мира есть суетна».

Всякая ли слава суетна? Фонвизин говорил о славе «сильных мира сего», а думал ли он о своей писательской славе? Ни приступы болезни, ни размышления о смерти не заставили автора «Недоросля» отречься от своих произведений. Напротив, в последние годы жизни он мужественно возобновил неудавшуюся ранее попытку издать собрание своих сочинений.

Фонвизин обратился к петербургскому книгоиздателю Петру Ивановичу Богдановичу, дальнему родственнику известного Ипполита Федоровича Богдановича, автора «Душеньки». Сын обедневшего помещика, Богданович смог получить неплохое образование («на собственном своем коште» он учился в Лейпциге одновременно

с Радищевым), знал основные европейские языки, хорошо ориентировался в книжных новинках. По возвращении в Россию Богданович сперва состоял на военной службе, а с 1777 года, приехав в Петербург, поступил переводчиком и помощником библиотекаря в Академию наук по рекомендации тогдашнего директора С. Г. Домашнева. Когда его сменила Дашкова, Богданович вскоре вынужден был уйти из Академии и занялся исключительно книгоиздательской деятельностью. Жил он в Третьей Адмиралтейской части, в доме купчихи П. Е. Апайщиковой (участок дома № 56 по Невскому проспекту, где находится сейчас гастроном № 1). Здесь же, пользуясь указом о разрешении «вольных» типографий, в 1787 году он завел собственную типографию.

Среди книг, издававшихся Богдановичем, были «Похвала глупости» Эразма Роттердамского, произведения французских просветителей — Вольтера, Руссо, Мерсье, содержавшие критику абсолютизма, ратовавшие за права человеческой личности. В 1786 году Богданович принял участие в издании журнала Ф. Туманского «Зеркало света», на страницах которого появился впервые на русском языке текст фонвизинской «Жизни графа Никиты Ивановича Панина». Затем в собственной типографии Богдановича печатались «Недоросль», «Бригадир», «Послание к слугам моим», перевод «Иосифа».

Издательская деятельность Богдановича вызывала подозрения у его квартирной хозяйки — купчихи Прасковьи Ермолаевны Апайщиковой, относившейся к постояльцу с явным недоброжелательством. В марте 1789 года Богдановичу пришлось покинуть снятую квартиру, а Апайщикова начала против него процесс, обвиняя в неуплате денег. Тут же она сообщала, что Богданович теперь живет в Московской (Четвертой Адмиралтейской) части, в доме купца Н. П. Кувшинникова, и имеет там собственную типографию, «которую благовелено б повелеть запечатать и поступить на основании

законов». Дело о взыскании денег с коллежского асессора П. И. Богдановича домовладелицей П. Е. Апайщиковой длилось до весны 1791 года. По требованию санкт-петербургского верхнего надворного суда Богдановича искали «в обывательских домах», искали, но нигде не могли найти «в жительстве».

Между тем летом 1790 года Богданович вместе со своей типографией переехал в дом графа Д. А. Зубова (брата П. А. Зубова), на углу Невского и Фонтанки. В 1792 году здесь печаталось третье издание книги Фонвизина «Жизнь Панина». Это издание представляет для нас особый интерес. В конце тоненькой книжки есть две страницы своеобразной книжной рекламы: «Роспись книгам, продающимся, также печатанным и печатающимся в Санкт-Петербурге на Невской перспективе, у Аничковского мосту, в доме графа Дмитрия Александровича Зубова». В этой росписи обращает на себя внимание названное среди печатающихся книг собрание сочинений Дениса Ивановича Фонвизина в пяти частях. Указана даже цена будущего издания — шесть рублей. Но собрание сочинений так и не появилось.

Не теряя надежды на то, что его произведения найдут все-таки когда-нибудь путь к читателю, Денис Иванович передал свои рукописи Богдановичу. Но и судьба Богдановича оказалась нелегкой. Уже после смерти Фонвизина, в 1796 году, ему пришлось покинуть дом у Аничкова моста, перешедший от Д. А. Зубова к другим хозяевам, с которыми у книгоиздателя опять произошел конфликт. Дело дошло до вмешательства полиции. Богдановича обвинили в том, что он «обругал частного пристава Мотафтина жестокими словами при квартальном надзирателе». Виновника арестовали и под конвоем выслали из Петербурга в Полтаву «за беспокойный и упорный нрав и неповиновение власти». В Полтаве ему пришлось жить в большой нужде, не имея возможности продолжать издательскую деятельность. В 1797 году

Богданович писал племяннику Паниных А. Б. Куракину: «Граф Никита Иванович Панин, дядя ваш, был муж великий душою и саном. Денис Фонвизин, хранивший по смерть свою ко мне дружбу и оставивший для издания мне все свои творения и переводы, изобразил в кратких чертах житие его. Я печатал оное неоднократно на отечественном языке». Дальнейшая судьба фонвизинских рукописей неизвестна.

Писатель продолжал до последних дней работать, и до конца он оставался верен своему призванию драматурга.

Уже во время болезни Фонвизин взялся за пьесу «Выбор гувернера» (другое название пьесы — «Гофмейстер»), которую не успел завершить. Но и по сохранившимся сценам этой комедии можно видеть, что писатель продолжал развивать просветительскую программу, намеченную им в «Недоросле». Одной из главных тем Фонвизина остается тема воспитания. В новой пьесе речь идет о выборе гувернера для княжеского сына Василия. Отец его, князь Слабоумов (по-прежнему герои носят значащие фамилии), советуется с предводителем дворянства Сеумом, который рекомендует в наставники обер-офицера Нельстецова. Но княгиня Слабоумова, урожденная Вертушкина, не желая брать для своего сына русского гувернера, склоняет мужа к решению остановить свой выбор на французе Пеликане. Оказывается, что «сей француз наполнен достоинствами: рвет зубы мастерски и вырезывает мозоли». При встрече с Сеумом Пеликан пускается наутек, и рассудительный предводитель дворянства объясняет: «Сей пустоголовый француз был во Франции в какой-нибудь богадельне подлекарем... Он приехал в Россию, и я в другом наместничестве, где у меня есть деревня, увидев его в учителях у детей благородных, за долг счел доложить о том наместнику, который, считая таких побродяг зловредными отечеству, выгнал его вон по моему

представлению, и для того он, увидя меня, отсюда выбежал, видимо, боясь, чтоб я его в другой раз не погнал по шее».

Судя по всему, действие пьесы происходит где-то в провинции, в уездном городе. Но драматург перенес сюда многие наблюдения, сделанные им в Петербурге. Например, из записок итальянца Дж. Казановы о его пребывании в русской столице мы узнаем эпизод, подобный описанному Фонвизиным. По дороге от Риги до Петербурга Казанова в качестве лакея берет бедного француза, который рад, что ему позволили стоять на запятках кареты. «Спустя три месяца после того,— пишет Казанова,— я был немало удивлен, увидев его возле себя за столом у графа Чернышева в качестве гувернера при сыне его».

Комедия «Выбор гувернера» создавалась Фонвизиным в то время, когда до России доходили вести из революционной Франции. Интересный отклик на французские события мы находим в тексте пьесы. Положительный герой Нельстецов заявляет: «Но равенства состояний никогда достигнуть не могут, какие бы законы они ни сделали, ибо всегда одна часть подданных будет принесена на жертву другой. Вот что я думаю о нынешнем законодательстве французском». Фонвизин, как и многие другие русские просветители XVIII века, скептически относился к французской революции и ее возможным результатам.

30 ноября 1792 года он привез свою комедию «Выбор гувернера» к Гавриле Романовичу Державину, с которым со времен «Собеседника» поддерживал дружеские отношения. Державин в это время жил уже в своем собственном доме на Фонтанке (Фонтанка, 118). Дом этот, принадлежавший ранее И. С. Захарову, реконструировали по проекту архитектора Николая Александровича Львова, близкого друга Державина и давнего знакомого Фонвизина. Двухэтажный дом стоял в не-

котором отдалении от набережной Фонтанки, главный фасад здания с полукруглым выступом, украшенный ионическими колоннами, обращен в сад.

Кабинет Державина с большим полуциркульным окном находился во втором этаже со стороны набережной. Мебель для кабинета изготовлялась по особому заказу — проектировал ее также Н. А. Львов. Внимание посетителей обращал на себя диван с двумя шкафами по бокам и многочисленными ящиками над спинкой. В них хранились рукописи, а книги размещались в девяти шкафах, стоявших также в кабинете. Здесь у Гаврилы Романовича часто собирались петербургские литераторы — маститые и только начинающие. Есть свидетельство, что у Державина Фонвизин познакомился с писателем Василием Васильевичем Капнистом, создавшим в 1790-е годы замечательную сатирическую комедию «Ябеда», во многом продолжавшую традиции фонвизинской драматургии.

О вечере, когда к Державину приехал Фонвизин со своей комедией «Выбор гувернера», сохранились ценные воспоминания И. И. Дмитриева.

Иван Иванович Дмитриев, впоследствии известный поэт-сентименталист и друг Карамзина, в конце жизни написал мемуары («Взгляд на мою жизнь»), которые содержат интереснейшие свидетельства о многих писателях XVIII — начала XIX века. В 1792 году Дмитриева уже хорошо знали петербургские любители поэзии: многие его стихи, печатавшиеся в «Московском журнале» (1791—1792) Н. М. Карамзина, полюбились публике. Большой популярностью пользовались басни Дмитриева и его песни, особенно «Стонет сизый голубочек...». Встреча Фонвизина с Дмитриевым произошла 30 ноября 1792 года в доме Державина.

Дмитриев находился у Державина, когда «в шесть часов пополудни» 30 ноября 1792 года в кабинет хозяина дома вошел Фонвизин, поддерживаемый двумя мо-

лодыми офицерами. Самостоятельно передвигаться он уже не мог и говорил с большим усилием. Дмитриев был поражен его видом. «Он приступил ко мне с вопросами о своих сочинениях,— вспоминал мемуарист,— знаю ли я «Недоросля», читал ли «Послание к Шумилову», «Лису Кознодейку», перевод его «Похвального слова Марку Аврелию» и т. д.; как я нахожу их? Казалось, что он такими вопросами хотел с первого раза выведать свойства ума моего и характера». «Далее разговор заходит о «Душеньке» Ипполита Федоровича Богдановича, тоже, кстати, вхожего в это время в дом Державина. Шутливая поэма Богдановича, написанная живым, легким стихом, предваряющим «Руслана и Людмилу» Пушкина, получает высокую оценку в устах сатирика: „Прелестна!“»

Наконец Державины попросили познакомить их с новой пьесой. «Он подал знак одному из своих вожатых, и тот прочитал комедию одним духом. В продолжение чтения автор глазами, киванием головы, движением здоровой руки подкреплял силу тех выражений, которые самому ему нравились. Игривость ума не оставляла его и при болезненном состоянии тела. Несмотря на трудность рассказа, он заставлял нас не однажды смеяться». Во время беседы Фонвизин с юмором рассказал о почтмейстере, который «выдавал себя за жаркого почитателя Ломоносова», хотя ни одной ломоносовской оды ему не доводилось прочесть. В другой истории, развеселившей слушателей, речь шла об одном московском драматурге, который гордился своей оригинальностью: «У всех трагедии оканчиваются добровольным или насильственным убийством, а его героиня или главное лицо умрет естественной смертью».

Никто из присутствовавших у Державиных не предполагал, что этот вечер был последним для Фонвизина. «Мы расстались с ним в одиннадцать часов вечера,— пишет Дмитриев,— а наутро он уже был в гробе».

Похоронили Фонвизина в Александро-Невской лавре, на Лазаревском кладбище. Над могилой драматурга скромная плита с краткой надписью: «Фонвизин Денис Иванович, статский советник, родился 3 апреля 1745, умер 1 декабря 1792. Жил 48 лет, семь месяцев, 28 дней». В надписи допущена ошибка (по указанным датам он прожил 47 лет), которая до сих пор заставляет спорить, когда же действительно родился Фонвизин и сколько лет он жил. Надпись отражает и характер эпохи: здесь назван чин, но даже не упомянуто о том, что Фонвизин — писатель, драматург, автор бессмертного «Недоросля».

* * *

Еще при жизни Фонвизина «Недоросль» был переведен на немецкий язык. Ныне существуют его переводы на многие языки народов СССР, на языки самых разных стран мира, включая японский.

С полным правом можно говорить о мировом, общечеловеческом значении творчества Фонвизина. Тем важнее роль писателя в истории нашей отечественной культуры. Восприняв традиции русской сатирической литературы XVII—XVIII веков, традиции русской просветительской мысли, автор «Недоросля» в свою очередь явился предшественником Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Островского.

Живым и пленительным предстает образ сатирика в стихотворении Пушкина «Тень Фонвизина»:

То был писатель знаменитый,
Известный русский весельчак,
Насмешник, лаврами повитый
Денис, невежде бич и страх.

«Недоросля» и «Горе от ума» Гоголь называл истинно общественными комедиями». «Наши комики, — писал он, — двигнулись общественной причиной, а не

собственной, восстали не противу одного лица, но против целого множества злоупотреблений, против уклоненья всего общества от прямой дороги. Общество сделали они как бы собственным телом; огнем негодованья лирического зажглась беспощадная сила их насмешки». Глубокие раздумья об исторических судьбах России вызывали произведения Фонвизина у Достоевского («Зимние заметки о летних впечатлениях»).

Смех Фонвизина, по словам А. И. Герцена, «далеко отозвался и разбудил фалангу великих насмешников, и их-то *смеху сквозь слезы* литература обязана своими крупнейшими успехами и в значительной мере своим влиянием в России».

Сочинения писателя не устарели: они будут нужны грядущим поколениям, и потому все, что связано с жизнью драматурга, нам важно и дорого. Современные ленинградские улицы могут рассказать о многих деятелях прошлого, и имя Фонвизина по праву занимает среди них одно из почетных мест.

ЗДЕСЬ ЖИЛ ФОНВИЗИН

Годы	Исторический адрес	Современный адрес	Современное состояние дома
Май 1768—конец 1769	Дом купца Щербакова	Участок между набережной Фонтанки (дома № 58—60) и улицей Рубинштейна (дома № 19—21) вдоль Щербакова переулка	Не сохранился
Конец 1769—лето 1773	Зимний дворец	Дворцовая набережная, 36	Сохранился
Лето 1773—ноябрь 1774	Канцлерский дом (дворец М. Л. Воронцова)	Садовая улица, 26	Сохранился
Ноябрь 1774—весна 1782	Усадьба К. И. Фонвизиной на Галерной набережной	Участок площади Труда между набережной Красного Флота и каналом Круштейна	Не сохранился
Весна 1782—1 декабря 1792	Часть той же усадьбы	Участок площади Труда между Красной улицей и каналом Круштейна	Не сохранился
Временное пребывание в 1764, 1765, 1768, 1769, 1772—1774, 1779	Дворец в Царском Селе	Екатерининский дворец города Пушкина	Сохранился
Временное пребывание в 1766, 1769, 1772	Петергоф	Город Петродворец	Не установлен

Фонвизин Д. И. Собрание сочинений в двух томах. Сост., подготовка текста и комментарии Г. П. Макогоненко. М.—Л., 1952.

Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы. Вступ. ст. А. П. Пятковского. Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1866.

Арапов П. Н. Летопись русского театра. СПб., 1861.

Аркин Д. Перспективный план Петербурга 1764—1773 гг. — Архитектурное наследство, 1955, № 7.

Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952.

Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977.

Берков П. Н. К хронологии произведений Д. И. Фонвизина. — Научный бюллетень ЛГУ, 1946, № 10, 13.

Берков П. Н. Театр Фонвизина и русская культура. — В кн.: Русские классики и театр. М.—Л., 1947.

Божерянов И. Н. 1703—1903. Невский проспект. Культурно-исторический очерк двухвековой жизни С.-Петербурга, т. 1. СПб., 1901.

Брикнер А. Г. Потемкин. СПб., 1891.

Букчин С. Судебное дело Дениса Фонвизина. — Вопросы литературы, 1979, № 2.

Всеволодский-Гернгросс В. Н. И. А. Дмитревский (Очерк из истории русского театра). Пг.—Берлин, 1923.

Всеволодский-Гернгросс В. Н. Русский театр второй половины XVIII в. М., 1960.

Всеволодский-Гернгросс В. Н. Театральные здания в Петербурге в XVIII столетии. — Старые годы, 1910, вып. 2—3.

Вяземский П. А. Полное собрание сочинений, т. 5. СПб., 1880.

Гельбиг Г. Русские избранники. Берлин, 1900.

Георги И. Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794.

Горбачева Н. Н. О датировке комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир». — В сб.: XVIII век, сб. 14. Л., 1983.

Гордин А. Крылов в Петербурге. Л., 1969.

Дашкова Е. Р. Записки, СПб., 1907.

Державин Г. Р. Записки. М., 1860.

Дмитриев И. И. Сочинения, т. 2. СПб., 1895.

Добролюбов Н. А. Собеседник любителей русского слова. — Собрание сочинений, т. 1. М.—Л., 1961.

Драматический словарь. М., 1787.
Западов В. Гаврила Романович Державин. Биография. М.—Л., 1965.
Исакович И. В. «Бригадир» и «Недоросль» Д. И. Фонвизина. Л., 1979.
Канн П. Я. Площадь Труда. Л., 1981.
Клостерман Г. И. Фонвизин (Из неизданных записок. 1777—1787). — Русский архив, 1881, т. 3, кн. 2.
Ключевский В. О. «Недоросль» Фонвизина. — Соч., т. 8. М., 1959.
Кулакова Л. И. Денис Иванович Фонвизин. Биография писателя. М.—Л., 1966.
Кулакова Л. И., Салита Е. Г., Западов В. А. Радищев в Петербурге. Л., 1976.
Левинсон-Лессинг В. Ф. Д. И. Фонвизин и изобразительное искусство. — В кн.: Труды Государственного Эрмитажа, XIV. Л., 1973.
Лихоткин Г. А. Ломоносов в Петербурге. Л., 1981.
Лозинская Л. Я. Во главе двух академий (Рассказ о Е. Р. Дашковой). М., 1978.
Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. Творческий путь. М.—Л., 1961.
Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.—Л., 1951.
Макогоненко Г. П. От Фонвизина до Пушкина. Из истории русского реализма. М., 1969.
Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956.
Никулина Н. И. Николай Львов. Л., 1971.
Новонайденный автограф Пушкина. Подготовка текста, статьи и комментарии В. Э. Вацуро и М. И. Гиллельсона. М.—Л., 1968.
Памятники архитектуры Ленинграда, изд. 3-е. Л., 1971.
Петров П. Н. История Санкт-Петербурга с основания города. 1703—1782. СПб., 1884.
Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954.
Письма Пикара к князю А. Б. Куракину. — Русская старина, 1870, т. 1.
Порошин С. А. Записки. СПб., 1881.
Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889.
Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 1887.
Рак В. Д. Был ли Фонвизин автором рукописного «Недоросля». — В сб.: XVIII век. сб. 14. Л., 1983.
Рассадин С. Б. Фонвизин. М., 1980.

Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Л., 1982.

Стенник Ю. В. К вопросу о реализме в русской литературе XVIII века. — Русская литература, 1982, № 4.

Сухомлинов М. И. История Российской академии, вып. 7. СПб., 1885.

Татаринцев А. Где жил Фонвизин? — Вечерний Ленинград, 1976, 12 июня.

Троянский М. П. К сценической истории комедий Д. И. Фонвизина «Бригадир» и «Недоросль» в XVIII веке. — В кн.: Театральное наследство. М., 1956.

Храповицкий А. В. Дневник. 1782—1793. М., 1901.

Языков Д. Д. «Недоросль» на сцене и в литературе (1782—1882). — Исторический вестник, 1882, № 10.

Strycek A. La Russie des Lumières. Denis Fonvizine. Paris, 1976.

В книге использованы материалы из фондов Рукописного отдела Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Центрального Государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ), Ленинградского государственного исторического архива (ЛГИА).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Наталья Дмитриевна Кочеткова

ФОНВИЗИН
в Петербурге

Заведующая редакцией А. М. Березина. Редактор И. А. Сенина. Художник Л. М. Коломейцева. Фотограф Е. А. Бернштейн. Художественный редактор А. К. Тимошевский. Технический редактор С. Б. Матвеева. Корректор Н. Н. Фоменко

ИБ № 2436

Сдано в набор 07.07.83. Подписано к печати 08.02.84. М-18330. Формат 70×108 1/32. Бумага тип. № 1. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,50+вкл. Усл. кр.-отт. 12,16. Уч.-изд. л. 10,63+1,06=11,69. Тираж 50 000 экз. Заказ № 191. Цена 1 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Кочеткова Н. Д.

К75 Фонвизин в Петербурге. — Л.: Лениздат, 1984. — 238 с., ил. — («Выдающиеся деятели науки и культуры в Петербурге—Петрограде—Ленинграде»).

Автор книги — научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР — рассказывает о выдающемся представителе русского просветительства второй половины XVIII века, гениальном сатирике Денисе Ивановиче Фонвизине, жизнь, общественная и творческая деятельность которого были тесно связаны с Петербургом.

К $\frac{4603000000-205}{М171(03)-84}$ 151—84 83.3Р1

ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В ПЕТЕРБУРГЕ-ПЕТРОГРАДЕ-ЛЕНИНГРАДЕ

ФОНВИЗИН в Петербурге

1 руб.